

Веди мою руку

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Китти Дэйл

18+

Китти Дэйл

Веди мою руку

<https://litres.ru/74517738>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Я не собирался становиться её спасителем. Я просто хотел забрать у неё то, что эти ублюдки не успели доломать. Но в итоге она забрала у меня всё».

Аня выжила там, где другие умоляли о смерти. Ослеплённая горем, она считает секунды в темноте и упрямо видит мертвеца в углу спальни.

«Ты думаешь, что спасаешь меня? Но я осталась там, подвешенной к потолку ангара. А то, что ты таскаешь за собой по подворотням — просто кричащая оболочка».

Но Максим Рогов — не спаситель. Он палач, чьи руки заточены только убивать. Силой, грубостью и одержимостью он заберёт её у призраков, сорвёт её тормоза и научит быть хищницей.

Кровь останется на его ладонях, но месть будет принадлежать ей.

Сможет ли живой мужчина выиграть войну у мёртвого жениха за разум сломанной девочки? И какую цену им обоим придётся заплатить по итогу?

Содержание

Пролог	4
глава 1	10
глава 2	26
глава 3	42
глава 4	53
глава 5	68
глава 6	80
глава 7	92
глава 8	105
глава 9	112
глава 10	126
глава 11	134
глава 12	146
глава 13	154
глава 14	162
глава 15	174
глава 16	182
глава 17	196
глава 18	209
глава 19	225
Конец ознакомительного фрагмента.	232

Китти Дэйл

Веди мою руку

Пролог

«Когда-то меня сломали. Внутри нет ни одного живого места, и в мире не существует человека, способного вернуть всё назад. Потому что мёртвого вернуть нельзя. А я уже умерла. Тогда. Вместе с ним.»

Раз. Два. Три. Четыре. Пять.

Я смотрю в стену. Белую, тупую, оббитую мягкими душными квадратами. Минуту, две, три... Я всегда считала время. Когда-то давно, в прошлой жизни, которой больше не существовало, я определяла его по каплям, падающим с проржавевшей крыши заброшенного ангара. Кап-кап-кап. Я точно знала, через сколько сотен капель тяжёлая железная дверь со скрипом поддастся. Знала, когда они придут, когда вонзят в моё истощённое бедро очередной шприц с кайфом и когда захотят со мной «поиграть». Наркотик делал тело чужим, но счёт в уме оставался моей единственной связью с реальностью.

Здесь, в палате психологической клиники, капель не бы-

ло. Здесь была удушающая, стерильная тишина, пахнувшая хлоркой, безысходностью и дешёвым мылом. Поэтому я просто монотонно стучала ногтем по холодному, серому линолеуму пола. Раз, два, три... Этот стук помогал. В какой-то степени он удерживал меня от того, чтобы окончательно не раствориться в белизне этих проклятых стен.

Окна здесь были затянуты мелкой стальной сеткой, сквозь которую едва пробивался убогий дневной свет. Привинченная к полу кровать с жёстким матрасом, серое байковое одеяло и тумбочка без углов — вот и весь мой мир. Мир, из которого я отчаянно хотела сбежать туда, где нет мыслей. Туда, где темно и тихо.

Шелест. Дверь палаты с тихим щелчком открылась. Мне было всё равно. Я даже не повела бровью, продолжая гипнотизировать взглядом трещину на штукатурке. Я прекрасно знала, зачем они пришли. Сейчас протянут пластиковый стаканчик с цветными таблетками. Лекарства, которые снова и снова будут наполнять мою голову вязким туманом и искусственным сном. А потом... Потом они снова за мной придут. Эти грёбанные ублюдки. Они не оставляли меня. Стоило мне закрыть глаза, как препараты превращали мои сны в ад. Твари из ангара глумились надо мной в темноте моего собственного подсознания, издевались снова и снова, пока действие химии не отпускало, возвращая меня в реальность со вкусом жёлчи на губах.

— Николаева, к тебе посетитель, — сухой, режущий слух

голос врача бьёт по барабанным перепонкам.

Она говорит так, словно я нахожусь не в больнице, а в тюрьме строгого режима. Впрочем, какая разница? Я не поворачиваюсь. Мне нельзя сбиваться с ритма. Нельзя терять счёт. Мне нужна минута, две... тридцать пять секунд...

— Ань, — раздаётся совсем близко, прямо над ухом.

Низкий, вибрирующий, тяжёлый мужской голос. Я слышу его часто в последнее время. Он приходит каждую неделю и садится рядом, но я ни разу не посмотрела ему в лицо. Хочу ли я на него взглянуть? Нет. Абсолютно нет.

Потому что мой Олег злится. Мой погибший Олег безумно злится на него за то, что тот приходит. Олегу этот парень не нравится. Прямо сейчас Олег сидел в противоположном углу палаты, прямо на полу, в тени тумбочки. Он качал головой, его губы шевелились, посылая мне беззвучные приказы: *«Не отвечай ему. Не смотри на него. Он чужой.»*

И я верю своему жениху. Моему любимому, единственному Олегу. Перед моими глазами до сих пор стоит та проклятая картина: лужа тёмной, густой крови от множества ножевых ранений на полу нашей гостиной. Я до секунды помню, как меня втапывали в матрас, пока другой ублюдок вновь и вновь вонзал остриё лезвия в его грудь. Олег умирал, глядя на меня.

— Ань, посмотри на меня, — снова этот голос над ухом. Настойчивый. Давящий.

Я хочу повернуться, чисто инстинктивно, но Олег в углу

резко дёргается. Он снова качает головой.

«Не смей, Аня! Он не тот, кто должен смотреть на тебя. Только я. Смотри только на меня.»

И я послушно перевожу взгляд на облупившийся плинтус возле Олега.

— Мы давали ей лекарства, как вы и просили, — раздаётся за спиной приторный, заискивающий голос медсестры.

Она — первая в моём личном списке тех, кому я искренне, до дрожи в пальцах, хочу вонзить канцелярскую ручку прямо в горло. Сука. Она только притворяется хорошей перед чужими. Наедине она злая, холодная. Настоящий демон во плоти, получающий удовольствие от чужого бессилия.

— Я её забираю, — отрезает мужчина.

В его голосе нет ни капли жалости. Только сталь и глухая, непреклонная уверенность. Кто он? Парень? Мужчина? Я не знаю. Его возраст, его имя — всё это шелуха, в которой нет ничего, что могло бы мне пригодиться.

— Но вы не можете! — вскидывается медсестра, её голос испуганно дрожит. — У неё курс лечения, бумаги... Она нестабильна!

— Я сказал: я её забираю, — повторяет он, и на этот раз его голос звучит ещё строже, тише, опаснее.

В этот момент на моих губах расплывается слабая, безумная улыбка. Думаю, они её не видят — лицо скрыто спутанными прядями грязных волос. Но этот звук... Звук того, как эта тварь в белом халате трусливо сглатывает слюну, дро-

жит и покорно соглашается — это лучшая мелодия для моих ушей за весь последний месяц.

— Ань, мы поедem домой, — произносит он уже мягче, обращаясь ко мне.

«Домой»? У меня больше нет дома. Мой дом закопан на городском кладбище под тремя слоями земли.

Но я всё же медленно, со скрипом, преодолевая сопротивление невидимых оков, поворачиваю голову. Вопреки беззвучному крику Олега, который закрывает лицо руками в своём углу.

Я поднимаю глаза и впервые вижу его.

Тяжёлое, словно высеченное из тёмного камня лицо. Острые, хищные скулы, упрямый волевой подбородок и резкий разлёт тёмных бровей, которые сейчас нахмурены. На нём нет пафосных шмоток — обычная чёрная футболка и старая, изрезанная временем кожаная косуха. Он выглядит огромным, крепким, опасным. Человек, рождённый для насилия. Но самое страшное в нём — это глаза. Льдисто-голубые, пустые, циничные. Глаза человека, который видел ад и устроился там поудобнее. Но сейчас, когда он смотрит на меня, этот лёд в его зрачках начинает странно, пугающе плавиться.

Он протягивает ко мне свою огромную, мозолистую ладонь. Она не дрожит.

— Меня зовут Максим Рогов, — тихо, но отчётливо говорит он, фиксируя мой взгляд своим. — И ты едешь со мной.

Я посмотрела на свои тонкие, дрожащие пальцы, на шра-

мы от верёвок на запястьях. Потом снова на него. Внутри меня не ожило ничего. Ни единой искорки надежды.

— Зачем? — мой голос прозвучал как шелест сухой травы. — Когда-то меня сломали, Максим. И нет ни одного в мире человека, который способен это вернуть. Знаешь почему? Потому что мёртвого вернуть нельзя. А я уже умерла. Тогда. Вместе с ним.

Я указала глазами на пустой для него угол палаты, где всё ещё корчился в безмолвном крике призрак моего жениха.

Максим даже не повернул головы в сторону пустой стены. Он просто ближе протянул мне свою ладонь, покрытую ссадинами на костяшках.

— Мне плевать, Ань, — тихо, но веско ответил он. — Значит, мы будем мстить за твой труп вместе. Дай мне руку.

глава 1

Максим

Каждое здание в этом проклятом городе умирало по-своему. Заброшенный консервный завод на окраине промзоны разлагался медленно, с хрустом крошащегося бетона, запахом гнилого железа и сырости, от которой сводило зубы. Сквозь дыры в разбитой крыше падал блёклый, серый свет, разрезая полумрак бетонной коробки. Вокруг валялись ржавые листы обшивки, битое стекло и скелеты старых конвейерных лент. Нам это место подходило идеально. Ни окон, ни лишних ушей. Только крысы, гуляющий сквозняк и мы.

Нас было семеро. Псы, которых общество выплюнуло, потому что мы не умели жить по правилам. Мы не были благородными рыцарями. Мы не спасали мир. Мы просто вычищали из него ту мразь, до которой у закона не доходили руки, или на которую у копов не хватало яиц. Торговцы живым товаром, насильники, конченные ублюдки, которые ломали чужие жизни ради забавы — мы портили их жизни в ответ. С особой жестокостью. До хруста костей.

Я никогда не стремился быть вожаком. Мне нахер это не удалось. Командовал Фил — Филипп, если официально, хотя официального в нашей жизни не осталось ничего, я держался особняком. Моя задача всегда была простой, как выстрел в упор: прийти, сделать работу чисто и чётко, без лиш-

них соплей, и уйти. На всё, что происходило до и после, мне было абсолютно насрать. Моё нутро давно выгорело до состояния пепла, и этот пепел меня полностью устраивал.

— Фил, хорош тянуть кота за яйца, завязывай эту херню, — глухо прорычал Мишка, не отрывая взгляда от своих пальцев.

Он сидел на перевёрнутом деревянном ящике и с бешеной скоростью крутил в руке нож-бабочку. Лезвие со свистом рассекало воздух, тускло поблёскивая в сером свете. Мишка был огромным, злым, с перебитым носом и шрамом через всю щеку. Терпение никогда не входило в список его достоинств.

— Давай по сути: кто, где и когда? Твои девичьи распевы и прелюдии уже просто раздражают, — добавил он, резко выкинув лезвие вперёд и вонзив его в крышку ящика.

Я сидел чуть поодаль, прислонившись спиной к облупившейся бетонной колонне. На мне была старая, потрёпанная кожаная косуха, ставшая уже второй кожей, и глухая чёрная футболка. Выслушивать долгие вступления Фила тоже не хотелось. Я молча затянулся, чувствуя, как горький дым обжигает легкие, а затем лениво потушил сигарету прямо об толстую подошву своего тяжёлого рабочего ботинка. Выпустив изо рта сизую струю дыма, я уставился на Фила. Хотелось поскорее закончить с базой и перейти к делу. Кости ломать у нас выходило куда лучше, чем разговаривать.

— Заткнитесь оба, — Фил даже не поднял головы. Он сто-

ял у старого, покрытого масляными пятнами верстака.

Одним резким движением он развернул на металлической поверхности пожёванную карту пригорода и придавил края кусками разбитого кирпича. На его лице, изрезанном глубокими морщинами, не было ни единой эмоции. Только холодный расчёт.

— Около двух недель назад на одном из семейных участков, на дачах за чертой города, растерзали семью, — Фил ткнул пальцем в обведённый красным маркером квадрат на карте. — Сбежавшие зеки. Конченные торчки, которым сорвало башню от дозы и безнаказанности. Мужчина и женщина убиты прямо на территории сада, в беседке. Им было около пятидесяти. Муж и жена. Пытались закрыть собой проход в дом.

Мишка сплюнул на пол и грязно выругался сквозь зубы. Парни зашевелились в темноте, послышался тяжёлый вздох Дэна. Запах чужой несправедливости всегда действовал на нас как красная тряпка.

— Это ещё не всё, — Фил обвёл взглядом присутствующих. Его глаза остановились на мне. — В самом доме, в гостиной, нашли парня. Двадцать шесть лет. Изрезан в хлам, живого места на теле нет. Судя по экспертизе, пацан держался до последнего, пока его не привязали к стулу и не заставили смотреть на то, что происходило дальше.

Я почувствовал, как внутри меня, где-то глубоко под рёбрами, шевельнулось тяжёлое, глухое раздражение.

— Девка? — коротко бросил я, не меняя позы.

— Девка, — кивнул Фил и вывел на верстак измятую фотографию. — Анна Николаева. Двадцать пять лет. Судя по следам на мебели и по тому, что осталось в гостиной... сами понимаете, что с ней сначала сделали. Причём все по очереди. Она пропала в тот же день. Её ищут менты, ищут волонтеры, но пока полная тишина. Вы сами понимаете, две недели — срок немыслимый. Те уроды, что её уволокли, сидят на тяжёлой дряни. Им соображать нечем.

Фил замолчал, поджимая губы. На заводе снова повисла эта удушливая, тяжёлая тишина, нарушаемая только далёким скрежетом железа на ветру.

— Не думаю, что нам есть кого спасать, парни, — тихо, но жёстко закончил Фил, глядя на карту. — Две недели в руках у этих животных... Живыми оттуда не возвращаются. Но истребить этих сук мы обязаны. Наш информатор скинул координаты заброшенного ангара на старой овощебазе. Они окопались там. Выезжаем через час. Живьём никого не брать.

Я молча поднялся с места, поправил куртку и зашагал к выходу, на ходу нащупывая в кармане рукоять ножа. Спасать там действительно было некого.

Я вышел с завода, сел в свой старый обшарпанный Марк II и рванул в сторону сортировочной станции. Дорога вела через промзону, разбитый асфальт сменялся глухой грунтовой, заросшей бурьяном. Пока колеса месили грязь, я на ав-

томате просчитывал варианты. По моим личным данным и опыту, эта девчонка, скорее всего, была уже не жилец. Целых две недели в руках обдолбанных химией ублюдков. За это время человека можно не просто сломать — его можно стереть, перекачать дрянью до остановки сердца или довести до состояния живого овоща. Я настраивал себя на то, что мы едем вытаскивать труп, или то, что от него осталось. Жалости не было — был только холодный расчет палача.

Мы припарковались в лесополосе позади ангара. Машины заглушили синхронно, без лишнего шума. Вокруг расстилась глухая, заросшая бурьяном промзона, над которой зависло тяжёлое серое небо. Никто не разговаривал. Парни на автомате, короткими рваными движениями, начали готовить стволы. Послышался сухой металлический клёкот затворов, Дэн проверил глушитель на своём ПСе, Мишка молча закинул в карман пару запасных рожков. Никаких лишних слов — только быстрые, понятные знаки пальцами. Работаем.

Я, как обычно, ствол оставил в кобуре на крайний случай. Пальцы привычно сжали шершавую рукоять армейского ножа. Сталь была холодной, но в моей ладони она быстро согревалась. Мы высыпали из машин и рассредоточились, двигаясь вдоль проржавевшей теплотрассы.

Первый торчок стоял у глухой стены ангара, спиной к нам. Он лениво отливал на бетон, что-то напевая под нос. Я подошёл со спины быстрее, чем сквозняк. Левая рука намертво врубилась ему в подбородок, запрокидывая голову назад

и глуша любой звук, а правая вогнала лезвие точно под основание черепа, проворачивая его внутри. Раздался глухой, влажный хруст. Горячая, густая кровь фонтаном хлынула мне на пальцы и рукав косухи. Ублюдок обмяк, и я беззвучно опустил его тело в грязную траву.

Чуть левее Дэн и Мишка так же быстро и грязно сняли второго часового, который сидел на корточках с сигаретой. Мишка просто снёс ему полчерепа тяжёлым кастетом, а Дэн перерезал горло. Кровь брызнула на серый бетон, впитываясь в пыль. Мы не были спасателями. Мы были палачами, и эта грязная работа была нашей стихией.

— Чисто, — едва слышно выдохнул Мишка, вытирая окровавленный кулак о штаны мертвеца.

Фил махнул рукой в сторону разбитых ворот ангара. Мы зашли внутрь, мгновенно разойдясь веером по тёмному помещению. Пахло химией, дешёвым куревом и застарелым железом.

И тут, в самом центре этой бетонной коробки, я заметил её.

Я повидал в этой жизни дерьма больше, чем любой конченный мент, но в этот момент у меня внутри всё заледенело. Она висела под потолком на толстых верёвках, привязанная за посиневшие запястья. Абсолютно голая. Хрупкое, девичье тело было сплошь покрыто жуткими гематомами, багровыми ссадинами и глубокими порезами. Кожа бледная, иссечённая, в следах от уколов. Тёмные длинные волосы грязны-

ми прядями закрывали лицо, голова была безжизненно опущена на грудь. А за её спиной, тускло поблёскивая в полумраке, свисали тяжёлые цепи. Она выглядела как сломанная, выброшенная кукла. Труп. Я был уверен, что она мертва.

Я медленно подошёл ближе и обомлел ещё больше. Мой взгляд скользнул по её спине. Эти твари не просто привязали её. На цепях висели огромные, ржавые мясные крюки, которыми они насквозь проткнули её кожу в районе лопаток. Зафиксировали, как свиную тушу на бойне. Судя по едва подсохшей сукровице на краях ран, это было сделано всего пару дней назад.

— Твою мать! — позади меня раздался тяжёлый, сбившийся выдох Антона.

Ему было тридцать шесть. У него дома росла дочка, и среди всех нас Антон был единственным, кто ещё хоть как-то цеплялся за нормальную, человеческую жизнь. Он подскочил к ней, не обращая внимания на кровь, и судорожно прижал пальцы к её шее. Секунда, две, три. Его глаза округлились.

— Срезай! Срезай её к чёртовой матери, быстро! — рявкнул он на весь ангар, срывая голос.

Я мгновенно вскинул нож и одним точным ударом перерубил натянутые верёвки. Антон перехватил её хрупкое, ледяное тело, но крюки всё ещё держали её кожу. Нам пришлось аккуратно, стараясь не порвать остатки живых тканей, вытаскивать эти ржавые железки из её лопаток. Из ран снова

толчками пошла тёмная кровь.

— Да может не надо уже?... — хмуро буркнул Мишка, отворачиваясь в сторону и сжимая пушку. — Брось, Антоха. Думаю, она уже труп. Две недели в таком аду... Из неё всё живое вытрясли.

— Заткнись нахуй! — бешено шикнул на него Антон, прижимая девушку к своей груди и пытаясь остановить кровь из её спины. Его руки дрожали. — Фил приказал забрать её, если она живая! А она, сука, мать её, живая! Пульс есть! Нитевидный, слабый, но эта девка ещё дышит!

Я замер на секунду, держа руку на её скользком от крови плече. Антон, тяжело и хрипло дыша, одним резким движением перекинул это невесомое, истерзанное тело мне в руки.

— Отвези её к Филу за город, — приказал он, вытирая рукавом пот со лба. — Прямо сейчас. А мы тут всё проверим и подчистим.

Я опешил. Какого хера я? У меня внутри всё мгновенно закипело от злости.

— Слышь, Антоха, какого хера я-то? — огрызнулся я, едва сдерживая рык. — Пусть Дэн везёт или Мишка. Мне этот геморрой нахер не сдался.

Антон медленно повернулся ко мне и просверлил меня таким взглядом, от которого у любого другого подкосились бы ноги. Мы дружили. Очень хорошо и давно дружили, делили последний кусок хлеба и не раз вытаскивали друг друга из петли. Но когда дело касалось работы, Антон становился аб-

солютно безумным. За неисполнение приказа он мог без раздумий прописать в челюсть даже своим. Жёстко, наотмашь, чтоб зубы затрещали.

— Я нахуй тебе что говорю, Макс? Ты чё, оглох, урод? — его голос упал до опасного, леденящего шёпота. — Я сказал. вези её Филу. Или ты хочешь, чтобы она сдохла прямо здесь, на твоих глазах? Если Фил сказал забрать, значит, забираем. Выполняй!

— Ладно, понял я, не ори, — сквозь зубы прошипел я, перехватывая девушку поудобнее.

Я развернулся и размашистым шагом потащил её прочь из этого вонючего ангара. Внутри меня всё клокотало от глухого раздражения. Сука, мне ещё голых баб таскать не хватало! Мало того, что она вся в дерьме, так ещё и замазает мне кровью весь салон моего Марка. Сиденья потом хрен отмоешь, этот запах въестся в обшивку намертво.

У меня вообще не было к ней жалости. Ни капли. К своим двадцати восьми годам я похоронил в себе любые намёки на сострадание к чужим людям. В моей жизни существовала только одна девушка, которую я искренне берёг и ради которой готов был порвать любого — моя младшая сестра Рита. Ей было двадцать два. Чистая, весёлая, не знающая той грязи, в которой я тонул каждый день. Только Рита имела значение. А эта сломанная кукла у меня на руках была просто чужой проблемой, которую мне навязали.

Я пинком открыл ржавую дверь ангара и вышел под про-

ливной, ледяной дождь. Капли мгновенно застучали по моей кожаной косухе, смывая чужую кровь с рук. Я дотащил девчонку до лесополосы, где стоял мой обшарпанный Марк II, кое-как открыл заднюю дверь и без лишних церемоний уложил её на сиденье. На секунду я задержал взгляд на её бледном лице. Дождь смывал грязь с её щёк, обнажая россыпь веснушек на носу. Настоящий труп, который почему-то отказывался перестать дышать.

Я громко хлопнул дверью, прыгнул за руль, завел мотор и со свистом сорвался с места, направляясь в сторону загородного дома Филадельфии.

Всю дорогу до загородного дома Филадельфии я не спускал глаз с зеркала заднего вида. Дорогу размыло в край, Марк швыряло по ухабам, а я то и дело косился назад, сам не понимая, нахера я это делаю. Какой смысл вообще туда смотреть? Из-за темноты и бьющего по стёклам ливня там ни хрена не было видно. Шевелится? Дышит? Хрен её знает. На моём заднем сиденье просто лежало грязное, окровавленное пятно, которое уже успело намертво уделать старую велюровую обшивку. Глухое раздражение ворочалось где-то под рёбрами. Салон придётся химчистить, а это лишнее бабло и время.

Примерно через сорок минут грунтовка вывела меня к высоким металлическим воротам. Стоило мне моргнуть фарами, как они тут же бесшумно разъехались в стороны. Я проехал по аккуратной асфальтированной дорожке и припарковался прямо у крыльца огромного, трёхэтажного особняка,

надёжно скрытого от чужих глаз вековыми соснами. Здесь меня уже ждали. Не успел я заглушить мотор, как на крыльцо вышел Фил, на ходу накидывая на плечи тяжёлое пальто.

Я толкнул дверь, выбрался из салона под утихающий дождь и тут же достал из пачки сигарету. Щёлкнул зажигалкой, жадно затягиваясь и выпуская изо рта густой сизый дым. Тело после замеса в ангаре ломило, а никотин хоть немного прочищал мозги.

— Я привёз товар, как ты и просил, — глухо проговорил я, кивая головой в сторону задней двери, когда Фил спустился со ступенек.

Филиппу было уже под шестьдесят, но выглядел он от силы на полтинник. Крепкий, подтянутый, с цепким взглядом мудрого хищника. Единственное, что выдавало его реальный возраст — это густая, аккуратно подстриженная седина. Он молча прошёл мимо меня, рванул на себя заднюю дверь Марка и замер на секунду, разглядывая изрезанное, голое тело Ани. На его лице не дрогнул ни один мускул.

— Несите её в подвальный корпус. Живо, — резко бросил Фил двум своим бойцам, которые выросли из тени крыльца. Те послушно подхватили обмякшую девчонку и потащили в дом. Фил повернулся к начальнику охраны: — Вызови медика. Нашего. Пусть везёт всё, от хирургических игл до антидотов. Сами видите, её качали дрянью.

Бойцы скрылись в дверях, а я, оперевшись спиной о крыло машины, сделал ещё одну затяжку.

— И что ты хочешь с ней сделать? — спросил я, глядя вслед парням.

— Привести в чувство и узнать, кто реальный виновник всего случившегося, — Фил повернулся ко мне, засунув руки в карманы пальто.

Я нахмурился, не понимая его логики.

— Ты не думаешь, что те торчки, которых мы только что истребили в ангаре — это и есть похитители?

Фил вдруг сделал шаг вперёд и с размаху, с сухим хлёстким звуком, треснул мне ладонью под затыльник. Голова мотнулась вперёд, во рту остался горький привкус табака.

— Её перепродали, идиот! — рыкнул он, глядя на меня сверху вниз. — Те животные в ангаре — обычные падальщики, конечная инстанция. Кто-то заказал её семью, вырезал их, а девку скинул этим тварям на растерзание, чтобы замести следы. Вы, дети мои, совсем отупели уже, я смотрю. Разучились башку включать, только кулаками махать умеете.

Я лишь усмехнулся, потирая ушибленную шею. Спорить с Филом было бесполезно, да и доля правды в его словах была. Если её реально заказали, то в городе запахло большой войной.

Фил брезгливо посмотрел на тлеющий огонёк моей сигареты.

— Давай, завязывай дымить. Помрёшь раньше времени.

— Есть, папочка, — лениво отозвался я, бросил окуроч на мокрый асфальт и с силой растоптал его тяжёлой подошвой

берца.

— И не мусори мне тут, — бросил Фил уже спиной ко мне, направляясь обратно к дверям особняка.

Я хмыкнул, мимоходом отпинул раздавленный окурок точным ударом ноги прямо под днище своего Марка, чтобы не мозолил глаза старику, и быстрыми шагами направился вслед за ним в дом.

Я спустился вслед за Филом в подвал. Подвальный этаж особняка у старика был огромным, и одну из комнат он давно переоборудовал под нашу личную закрытую лечебницу — со стерильными лампами, хирургическим столом и шкафами, забитыми дефицитной медициной.

Аня уже лежала на кушетке. Парни всё-таки додумались накрыть её до груди чистой белой простыней, но из-под ткани всё равно уродливо выпирали её посиневшие, разодранные запястья.

— А теперь валите отсюда нахер! — рявкнул Фил на бойцов, стоявших у входа. — Нечего тут глаза мозолить!

Парней сдуло за секунду. Старик подошёл ближе, тяжело опёрся руками о край кушетки и склонился над девушкой. Он молча разглядывал её изуродованные руки, на которых отчётливо виднелись глубокие, до самого мяса, следы от верёвок.

— Останутся шрамы, — угрюмо подытожил он, не обращаясь ко мне.

— Мы сняли её с мясных крюков, — отозвался я, при-

слонившись плечом к дверному косяку. — Из лопаток кровь хлыщет, как из свиней на бойне. Так что твоим лекарям лучше поторопиться, старик. Иначе она точно сдохнет прямо здесь, и ты от неё ни хрена не узнаешь.

Фил лишь раздражённо зыркнул на меня через плечо. Словно от моих слов он прямо сейчас должен был хлопнуть в ладоши, и врачи материализовались бы из воздуха. В этот момент в комнату как раз зашёл наш подпольный док с чемоданом инструментов, молча кивнул нам и принялся раскладывать ампулы.

— Знаешь, Макс, её случай очень интересный, — негромко отозвался Фил, проигнорировав моё ворчание. Он устало опустился на металлический стул рядом с кушеткой, не отрывая взгляда от бледного, обветренного лица Ани. — Я все эти чёртовы две недели искал по ней информацию через свои каналы. Думал, обычная бытовуха. Попались конченные торчки, искали бабла на очередную дозу, сорвало крышу, зашли на первый попавшийся огонёк... А вот хрен там.

Фил поднял руку и назидательно поматал указательным пальцем в воздухе.

— Семья была заказана. Дорогая, чистая, профессиональная работа на самой даче. И знаешь, благодаря кому?

Я безразлично повел плечом.

— Ну, удиви меня.

Фил резко выкинул руку вперёд и ткнул пальцем прямо в сторону Ани:

— Ей.

Я удивлённо выгнул бровь, едва не поперхнувшись воздухом.

— Она заказала собственную семью? Вырезала родителей и жениха?

Старик снова грязно ругнулся, со злостью хлопнув ладонью по колену.

— Блять! Ей-богу, Макс, я заставлю вас всех читать книги! Надоели мне, тупое вы отродье, только пушками махать горазды. Башку включи! Не она заказала, а *из-за неё* заказали! Есть один персонаж в городе. Из мажоров, папаша при деньгах и связях. Эта девка ему отказала, осталась со своим нищим женихом. А тот ублюдок стал угрожать: мол, если не со мной, то ни с кем. И как видишь, пацан слов на ветер не бросал. Семьи больше нет, жених в могиле, а она оказалась у каких-то привокзальных шавок в ангаре. Зачищали хвосты.

Фил тяжело вздохнул, потирая переносицу.

— Поэтому ищем и его. Но мне нужно всё, что она знает. Каждое имя, каждая деталь, которую она запомнила до того, как её уволокли.

Я посмотрел на Аню, на её безжизненную челку, упавшую на лоб, на пищание приборы, которые док уже подключил к её телу. Внутри меня поднялась волна глухого, злого раздражения.

— Тогда ты идиот, Фил, — отозвался я, совершенно не боясь этого слова в адрес босса. — Уж прости за прямоту.

Посмотри на неё. Она наколота по самые уши. Судя по дорожкам на венах, её ширяли много, часто и самым дешёвым дерьмом. Всё, что она тебе скажет, когда очнётся — это какую-нибудь бессвязную херню, поверь мне на слово. Она сдохнет через неделю или даже меньше. У неё передоз, дикая зависимость, а про то, что с ней вытворяли, я вообще молчу. У неё мозг расплавился. Ай, ладно... Делай как знаешь. Я заебался.

Я резко развернулся, бросив быстрый взгляд на её тонкие пальцы, торчащие из-под простыни, и просто ушел. Шагал по коридорам подвала, чувствуя, как злость колотит изнутри. Нахер, мне сдались эти идиотские выходки старика? Спасать её, распутывать чужие любовные драмы мажоров... У меня своя жизнь есть.

глава 2

Прошла ровно неделя с того хмурого дня в ангаре. Запах тухлой крови и сырости, казалось, въелся в обшивку моего Марка намертво, сколько бы я ни тёр сиденья щёткой с дешёвым автомобильным шампунем. Внутри меня до сих пор клокотало глухое, липкое раздражение. И, как назло, Ритка какого-то хрена приехала ко мне на съёмную квартиру.

Я сидел на продавленном диване, вытянув гудящие ноги, и хмуро наблюдал, как сестра хозяйничает на моей убогой кухоньке. С одной стороны, я был рад её видеть — Рита была единственным живым существом, ради которого я ещё топтал эту землю. С другой — я был в бешенстве.

— Ты ведь в курсе, малявка, что тебе нельзя со мной ошиваться? — глухо прорычал я, закуривая очередную сигарету прямо в комнате. — У меня врагов в этом городе больше, чем тараканов в подвале. Не дай бог кто-то пронюхает, что ты моя сестра, тебя же из-под земли достанут, чтобы мне яйца прищемить.

Рита даже не обернулась. Она упрямо гремела кастрюлями, её светлые волосы были стянуты в забавный небрежный пучок, а на носу забавно подёргивались веснушки — точно такие же, как у... Тьфу, блять, опять эта девка из головы не идёт.

— Я просто приготовлю тебе нормальной еды на весь

день, Макс, и уеду, — спокойно, без капли страха отозвалась она, помешивая суп. — Ты на своих сраных армейских сухпайках и растворимом кофе скоро помрёшь или с язвой желудка сляжешь в тридцать лет. Тебе за собой следить некогда, вот я и приехала.

Я хотел было высказать ей всё, что думаю о её заботе, но в этот момент мой старый, потрёпанный мобильник на журнальном столике разразился диким дребезжанием. На экране высветилось: «Мишка».

Я лениво потянулся, нажал кнопку ответа и сразу ткнул на громкую связь, швырнув телефон обратно на стол. Мне от Риты скрывать было нечего. Она прекрасно знала, чем занимается моя «банда», а если бы я попытался что-то утаить, она бы просто заебала меня своими допросами и бабским чутьём.

— Ты на громкой, — вместо приветствия отрезал я. Смысла здороваться не было — мы с парнями никогда не прощались, у нас шло одно бесконечное, затянувшееся на годы общение в режиме перманентной войны.

— О, отлично! — из динамика раздался хриплый, прокуренный голос Мишки, перекрываемый каким-то шумом на заднем плане. — Слушай, Макс, у тебя же сестра есть. Попроси её шмотья какого-нибудь достать... Ну, для бабы. И всё, что им там нужно по уходу. Ну, ты понял: гигиена, уход, прокладки... вся эта хуйня бабская.

Я аж сигаретой поперхнулся. Внутри мгновенно вспыхну-

ла ярость.

— Слышь, ты, Фил хренов! — рявкнул я на телефон так, что Рита на кухне вздрогнула. — Я тебе что, похож на службу доставки прокладок, идиот?! Сами кашу заварили, сами эту девку из петли достали — вот сами и ищите ей трусы с тампонами! Нашли мне курьера, блять!

Рита тут же замерла с половником в руке. Её зелёные глаза хитро округлились, и она, бросив суп, быстрыми шагами подошла к столу, так и лучась любопытством.

— У тебя что, девушка появилась? — захихикала она, наклоняясь ближе к трубке.

— Мелкая, салют! — радостно заорал Мишка на том конце провода, услышав её голос. — Короче, Маргаритка, ты всё слышала! Мне нужно бабское барахло, всего и побольше. По размерам... да хуй его знает, если честно. Она примерно такая же, как ты, может, слегка худее, бледная как смерть. Короче, всё, что вам, девкам, надо, притащи брату. Надо кровь из носу, Маргаритка! Давай, спасибо, ты чудо! — проорал этот дебил и тут же отключился.

Рита тихонько прыснула в кулак, а я в ярости замахнулся кулаком на лежащий телефон. Сука, как же хотелось врезать по этому пластиковому экрану, а потом съездить по Мишкиной уродливой роже!

Я резко обернулся к сестре и угрожающе ткнул в её сторону указательным пальцем, на котором ещё чернели следы оружейного масла.

— Даже не думай, Ритка! Поняла меня?! — жёстко отрезал я, видя её довольную улыбку. — Это вообще не твой вариант. Даже близко к нему не подходит.

Мишке было двадцать пять. Самый молодой из нашей палаческой семёрки. Природа знатно отдохнула на его внешности — рожей урод уродом, перебитый в трёх местах нос, шрам через всю щеку от уха до губы, вечно небритый и злой. Но, сука, этот ублюдок каким-то неведомым образом умудрялся находить подход к моей сестре. И это его дебильное «Маргаритка»... Оно всякий раз так смущало Риту, что она, кажется, готова была лепешкой лежать около его тяжёлых грязных ботинок. Меня от этого факта просто наизнанку выворачивало.

— Разве я что-то сказала? — тут же замялась она, giusto покраснев до самых кончиков ушей, и поспешно отвела взгляд, делая вид, что её безумно заинтересовал узор на занавеске.

Но женское любопытство быстро взяло верх. Рита сделала шаг ближе, её лицо мгновенно стало серьёзным, а в глазах промелькнула тревога.

— Так... что у вас там случилось, Макс? Для кого вещи? Кого вы опять вытащили?

— Блять... Снова твои расспросы, — злобно прорычал я, хватаясь за голову и понимая, что просто так она теперь от меня не отвяжется.

Я набивал рот её стряпнёй, совершенно не заботясь о ма-

нерах. Жевал так, что за ушами трещало, и просто кайфовал от того, что в ближайшие дни точно не подохну от голода. Свежий хлеб вприкуску с горячим наваристым супом — лучшее, что случалось со мной за эту грёбаную неделю.

Пока челюсти работали, я стал вываливать на Ритку всё, что произошло в ангаре и у Фила. Естественно, без излишне кровавых прикрас и совсем уж чернушного дерьма. Чётко, коротко, строго по фактам: нашли, сняли с цепей, привезли к главному.

— То есть она сейчас у Фила? — Рита нахмурилась, вертя в руках пустую чашку. — Разве её не надо было сразу в нормальную больницу отвезти?

— Да хер его знает, — буркнул я, прожёвывая кусок мяса. — Фил у нас отшибленный на всю голову, ты же знаешь. Пока её, блять, менты и волонтеры по всем подворотням ищут, она тихонько подышает в его подвальной лечебнице. У него свои планы на эту девку.

— Так, ладно, — Рита тяжело вздохнула и встала из-за стола, допивая свой остывший кофе. Она направилась к выходу, но у самого порога кухни вдруг резко запнулась и обернулась. — Я принесу всё, что нужно, Макс. Одежду, мыло... Но... — она замялась, смешно переступив с ноги на ногу. — У вас же там, у Фила, есть хоть какие-то женщины? Ну, горничные или охрана из девчонок? Не так ли?

Я недоумённо выгнул бровь, не переставая орудовать ложкой.

— С какого это хуя, Рит? — возмутился я, искренне не понимая, к чему клонит эта мелкая пигалица. — Откуда там бабы? У Фила закрытый объект, одни суровые мужики со стволами. Тебе-то что за дело?

— Видишь ли... — Рита с обречённым видом вернулась к столу и снова села на стул прямо напротив меня. На её щеках проступил лёгкий румянец смущения. — Если она в таком ненормальном состоянии... и если у неё вдруг придут эти дни... Хотя, конечно, вряд ли организм выдаст такое при подобном стрессе и наркоте, но всё же! Если придут? То как вы, стадо неотесанных мужиков, собираетесь помогать ей с прокладками? Не сами же вы ей будете их менять? Ей нужна женщина. Хотя бы просто для банальной гигиены, Макс!

В этот самый момент я как раз набрал полный рот горячего борща и попытался сглотнуть. Слова Риты дошли до моего мозга со скоростью пули.

Моё горло спазмами пережало от дикого отвращения. Я оглушительно поперхнулся супом, и всё это багровое варево вместе с кусками капусты полетело из моего рта прямо на Риту.

— Фу, Макс! — завизжала она, отскакивая от стола и принимаясь судорожно отряхивать свежую капусту и капли свёклы со своей светлой кофты. — Ты придурок?!

— Кхм... кхэ... — я прокашлялся, утирая рот тыльной стороной ладони, а моё лицо исказилось в такой брезгливой гримасе, словно мне только что предложили сожрать дохлую

крысу. — Как хотят, сука, пускай так и делают! Я на этот хер вообще не подписывался! Нахер ты мне это сейчас сказала?! Меня чуть наизнанку не вывернуло!

Я с отвращением отодвинул от себя недоеденную тарелку борща, брезгливо глядя на плавающий в нём жир. Аппетит испарился так, словно его и не было.

Рита, вместо того чтобы обидеться, вдруг звонко и заливисто рассмеялась на всю кухню. Её зелёные глаза так и светились издёвкой.

— Ой, я не могу с тебя! — сквозь смех проговорила она, продолжая оттирать пятно на груди. — Как мясо на куски крошить во время вашей резни — так ты первый палач и терминатор! Тебе хоть бы хны! А как обычные женские месячные и борщ — так великому Максиму Рогову сразу противно стало! А ну жри давай, не переводи продукты, я зря старалась, что ли? И поехали уже за вещами для твоей бедной потеряшки.

Я лишь злобно зыркнул на неё сквозь растрёпанную тёмную челку, понимая, что в этой словесной дуэли мелкая меня начисто умыла. Спорить было бесполезно. Я нехотя придвинул тарелку обратно, наспех доел остатки, и мы стали собираться.

Я схватил Ритку за локоть и резко дёрнул на себя, чувствуя, как у меня от злости и стыда начинает пылать шея. Мы торчали в самом центре огромного, залитого ярким светом отдела женского белья. Вокруг висели какие-то кружевные

лифчики, полупрозрачные боди и ниточки трусов, а мимо то и дело проходили цыкающие бабы, косясь на мою поношенную косуху и злую, хмурую рожу.

— Ты издеваешься, что ли?! — прорычал я сестре прямо в ухо, стараясь не орать на весь магазин. — Я чё, свои бабки должен ей на кружевные трусы тратить?

— Во-первых, пусть, больно же! — Рита с силой вырвала свою руку из моего захвата и сердито надула губы. — А во-вторых, у тебя этих денег до хрена и больше, не знаю, чего ты тут бедного из себя строишь. Не обеднеешь!

— Вообще-то, это бабло на тебя отложено! — прошипел я, выразительно зыркнув на ценник ближайшего шёлкового комплекта, от цифр на котором у меня едва глаз не задёргался.

— Ну, мне столько сейчас не надо, — упрямо отозвалась малявка, уже вовсю перебирая вешалки с хлопковыми топами. — И я вообще не против подарить этой несчастной девушке пару новых комплектов. После всего, что она пережила, думаю, она это заслужила. Ей нужно почувствовать себя человеком, а не куском мяса!

— Ей твоё бельё нахрен не нужно, поверь мне на слово! — я закатил глаза, шумно выдыхая сквозь зубы. — Она в таком состоянии, что даже не посмотрит на твои кружавчики. Ей вообще на всё насрать! Почему я вообще должен стоять тут и выбирать это дерьмо? Купи любое, самое дешёвое, и пошли отсюда!

— Заткнись, Макс, ей-богу, заткнись! Стой молча и плати! — отрезала Рита, включая свой фирменный командирский тон.

В итоге эта мелкая зараза нахватала целую гору разных комплектов: от самых обычных, закрытых спортивных топов до каких-то хер пойми зачем нужных интимных стрингов с завязочками. Она свалила всё это на кассу и уставилась на меня, нетерпеливо притопывая ножкой и ожидая, пока я достану кошелёк. Я сокрушённо вздохнул, мысленно проклиная Мишку, Филя и весь этот грёбанный день, и приложил карту к терминалу. Раздался писк одобрения оплаты. Моё бабло улетело в зрительный зал.

— Спасибо за покупку! — приторно-сладким голосом проговорила молоденькая девчонка за кассой, упаковывая кружева в фирменный розовый пакет. — Надеюсь, вашему молодому человеку всё понравится... — Она кокетливо перевела свой оценивающий взгляд на меня, явно решив, что я спонсирую капризы своей пассивности.

Меня перекосило так, словно я лимон целиком зажевал. Напряжение внутри достигло пика.

— Она сестра, идиотка, — прошипел я кассирше прямо в лицо, забирая пакет, и мёртвой хваткой вцепился в плечо Ритки, утягивая её за собой к выходу.

— Ой... Прошу простить! — донеслось нам вдогонку испуганное бормотание девицы, но мне на неё уже было абсолютно похер.

Мы быстрым шагом вылетели из торгового центра на парковку, где под завывание ветра и мелкую изморось стоял мой верный, обшарпанный Марк II. Я открыл багажник, швырнул туда этот дурацкий розовый пакет к остальным вещам и громко захлопнул крышку.

— Всё, блять, завязывай со своим шопингом, — бросил я Рите, обходя машину и запрыгивая на водительское сиденье. — Садись давай. Поехали к Филу, пока у меня окончательно крыша не съехала от твоих женских отделов.

— Подожди, ещё за личной гигиеной надо, — тормознула меня Ритка прямо у выхода, упрямо упёршись ногами в асфальт. Она заглянула в свой список в телефоне, а потом повернулась ко мне с абсолютно серьёзным лицом. — Только вот не знаю, тампоны ей нужны или нет... Ты сам-то сможешь их вставить, а потом достать, если что?

Я замер. Мои пальцы побелели. Я посмотрел на сестру таким взглядом, что, клянусь, в этот момент искренне думал взять её за шкуру и размазать головой об автоматическую дверь торгового центра. Чтобы просто этот бред из неё вытрясти. Я изо всех сил поджал губы, чувствуя, как на челюсти ходят желваки, и шумно задышал носом, сдерживая дикий, первобытный ор.

Увидев моё лицо, Рита не выдержала и оглушительно рассмеялась на всю парковку, складываясь пополам.

— Ладно-ладно, терминатор, остынь! — сквозь хохот выдавила она, вытирая слезинку. — Но в аптеку мы всё же за-

едем. Поехали.

В этот самый момент мой мобильник в кармане косухи снова зашёлся истошным ультразвуком. Я выдернул его, нажал на кнопку и рявкнул в трубку, даже не глядя на экран:

— Ну чё ещё, блять?!

— Слышь, Макс, — из динамика раздался хриплый, прокуренный голос Антона. Он тяжело дышал, как будто только что таскал мешки с цементом. — Захвати в аптеке эластичные бинты. Побольше, широких. И ещё... Да чего, блять, ты орёшь?! — резко переключился Антон, убирая трубку чуть в сторону, и рявкнул на кого-то в помещении так, что у меня перепонка чуть не лопнула. — Ну свяжи её к чертям собачьим, если дёргается!

— Да вы заебали! — тут же на заднем плане донёсся истошный, сорванный крик Гошки — нашего молодого бойца, который обычно сидел на шухере. — Я чё её, как собаку, держать буду?! Она извивается как змея, сука!

У меня внутри всё окончательно закипело. Напряжение, копившееся весь день, сорвало резьбу.

— Блять, вы чё там, совсем поехали?! — рявкнул я на всю парковку, шагая к Марку. — Давайте по делу! Я вам, нахуй, не мамочка на выезде, чтобы ваши сопли подтирать! Чё происходит?!

— Короче, бинты и... да заткнитесь вы все, я ни черта не слышу! — Антон снова заорал в глубину комнаты. — Отнеси её в комнату, какого хуя ты её тут бросил?! Короче, Макс...

— его голос наконец вернулся в трубку, став глухим и злым.
— Купи что-то успокаивающее. Жёсткое. Эти чёртовы медики ни хера нормально не сделали, её колотит от жажды. Ломка началась, её выламывает наизнанку, суку. Фил сказал — наркоту больше не колоть, чистить организм. Но она стены готова грызть. Купи каких-нибудь пилюлек, чтобы её вырубить к хренам, пока она себе вены зубами не вскрыла.

Я бросил быстрый взгляд на Риту. Она уже не смеялась. Моя сестра стояла бледная, испуганно прижав ладонь к губам и слушая этот суровый, пропитанный матом и паникой ор из динамика.

— Понял, — отрезал я и нажал отбой.

Я рванул дверцу Марка и повернулся к Ритке:

— Прыгай в тачку. Быстро. Похоже, у нашей потеряшки весёлая ночь начинается раньше времени. Сейчас заедем в круглосуточную аптеку, заберём бинты, колёса и рвём за город. Похоже, там сейчас устроят настоящий ад.

Я со всей дури крутанул руль, и Марк с рёвом вылетел на загородную трассу. Ритка всё-таки навязалась со мной. Как я ни орал, как ни матерился на всю аптеку, эта упрямая пигалица наотрез отказалась выходить из машины.

— Я не могу оставить её там одну с вами, взрослыми мужиками! — горячилась она всю дорогу, сжимая в руках пакет с эластичными бинтами и ампулами успокоительного. — И я сейчас не про то, что у вас мысли какие-то ублюдские, Макс! Я знаю, кто вы. Но ей просто чисто по-женски будет

неловко, что вы её там полуголую таскаете, бинтуете и держите как собаку. Ей нужна женщина, ясно тебе?!

Я до хруста в пальцах сжал рулевое колесо, вглядываясь в темнеющую трассу сквозь бьющие по стеклу дворники. Напряжение внутри меня зашкаливало.

— Если она хоть раз тебя поранит, я просто снесу ей бошку прямо там, на кушетке, — леденящим шёпотом прошипел я, даже не поворачиваясь к сестре. — Мне вообще срать на эту девку, ясно тебе? Плевать, сдохнет она или выживет. Но если из-за неё у тебя начнутся проблемы, так и знай: я лично закрою тебя в нашем подвале, запру на десять замков и ни одну живую душу к тебе не подпущу. Мне твоя шкура дороже всего этого грёбаного мира, Рит!

— Всё нормально со мной будет, угомонись уже! — отмахнулась она, ни капли не испугавшись моей тирады. — Я не маленькая девочка. К тому же, у меня есть это.

Рита резко полезла в свою сумочку и одним движением выудила оттуда небольшой, тускло поблёскивающий в свете приборной панели нож-бабочку. Секунда — и её пальцы профессионально, с сухим металлическим кликом покрутили лезвие в воздухе, сделав пару быстрых финтов, после чего она с довольным видом захлопнула рукоять и убрала нож обратно.

У меня перед глазами аж поплыло от ярости. Стиль движений, манера... Этот почерк я узнал бы из тысячи.

— Я, блять, ему бошку расшибу нахрен! — заорал я на

весь салон, со всей силы сокрушительно стукнув кулаком по рулю. Тачка на секунду вильнул на мокром асфальте. — Чёртов выродок! Я же тебе, сука, русским языком сказал: не связываться с Мишкой! Ты тупая, что ли, Рит?! Откуда у тебя это говно?!

— Это всего лишь безопасность, Макс! — спокойно отозвалась она, хотя по её голосу было слышно, что она снова густо покраснела в темноте салона. — Он просто научил меня паре движений и отдал свой старый нож, чтобы я могла защититься, если тебя не будет рядом. Что в этом плохого?

— Если я узнаю, что этот шрамованный ублюдок вогнал в тебя свой член, то можешь сразу с ним попрощаться! — прорычал я, чувствуя, как желваки ходят ходуном, а изо рта едва не идёт пар. — Я из него отбивную сделаю, а остатки крысам скормлю! Лучше вам обоим меня не бесить, поняла?!

Рита обиженно заткнулась и отвернулась к окну, уставившись на пролетающие мимо в темноте мокрые деревья. Атмосфера в машине стала удушливой, как перед грозой. Я давил на газ, выжимая из старого Марка всё, что можно.

Как только колёса машины со свистом затормозили на мокром асфальте перед особняком, я завидел Миху. Этот ублюдок стоял у крыльца, лениво прислонившись к перилам под козырьком, и курил, стряхивая пепел прямо на мокрые ступени. На его наглой, шрамованной роже блуждала какая-то расслабленная ухмылка.

Напряжение, которое копилось во мне всю дорогу, сорва-

ло последнюю резьбу.

Я толкнул дверь машины, пулей вылетел из салона и, даже не удосужившись закрыть за собой дверцу, стремительно сократил расстояние между нами. Миха едва успел вынуть сигарету из рта, как я с размаху, вложив в удар всю свою ярость, врезал ему кулаком прямо по этой наглой харе.

Удар получился сокрушительным. Раздался тяжёлый, влажный хруст. Миху отбросило назад, он сильно приложился спиной о каменную стену особняка и едва удержался на ногах, сплюнув кровь на ступени. В его глазах полыхнула дикая, звериная ярость, пальцы инстинктивно дернулись к карману за ножом — он сначала вообще не понял, за что прилетело. Но в следующую секунду Миха бросил взгляд за моё плечо. Из машины медленно выходила Ритка. Она прижимала к себе пакеты из аптеки и виновато, со страхом смотрела на нас двоих.

Миха замер. Ярость в его глазах мгновенно сменилась глухим, виноватым пониманием. Он опустил руку, вытер тыльной стороной ладони разбитую губу и хмуро посмотрел на меня.

— Чёрт, Макс... — глухо выдохнул он, качнув головой.
— Я всё объясню. Это не то, что ты...

— Лучше закрой свою пасть, выродок, — леденящим шёпотом прошипел я, сделав к нему шаг вплотную и почти касаясь своей курткой его груди. Мои желваки ходили ходунном. — Хоть пальцем её своим грязным тронь, понял меня?

Хоть раз близко к ней подойдёшь — я тебя своими руками на ремни порежу. Она не для такого дерьма, как мы с тобой. Не смей портить ей жизнь. Она должна жить нормально.

Миха промолчал, лишь сильнее набычился и отвёл взгляд в сторону. Он знал, что спорить со мной сейчас — это подписать себе смертный приговор.

У меня внутри всё горело от ярости, дышать было тяжело. Я резко развернулся, бросив через плечо короткое:

— Сами вещи разбирайте. Чтобы я вас двоих рядом больше не видел.

Я размашистым шагом направился в глубь особняка, тяжело громяхая берцами по паркету коридоров. Мне нужно было выпить. Срочно. Нахрен всё. Я был зол так, что готов был крушить стены. Эта сломанная девка в подвале, проблемы с мажорами, а теперь ещё и Миха, который трётся возле моей единственной слабости — Ритку я в это болото утянуть не позволю. Никогда.

Я толкнул тяжёлую дубовую дверь кабинета Фила, зная, что у старика в баре всегда есть пара бутылок крепкого виски. Мне нужно было заглушить этот пожар внутри, пока я окончательно не потерял контроль.

глава 3

Я думал, что буду заниматься сегодня нормальными, путными делами. Ну, хотя бы почищу пушку, проверю Марк после той грязи или, на крайняк, съезжу к информатору. Но вместо этого всё, что я делал последние два часа — это сидел в гостиной особняка Филя и мертвым, свинцовым взглядом сверлил свою сестру.

Ритка вообще не обращала на меня внимания. Она разложила на диване гору купленного бабского шмотья, шуршала пакетами, деловито перебирала футболки и с треском срывала картонные бирки. Меня этот звук уже просто выбешивал.

— Так я могу на неё посмотреть? — внезапно нарушила она тишину, повернувшись ко мне с хлопковым топом в руках.

— Нет, — отрезал я, даже не пошевелившись.

— Но как мне помочь ей с вещами, если мне к ней нельзя? У вас тут одни мужики, Макс!

— Не думаю, что это вообще хорошая идея, Рит, — подал голос Мишка.

Он сидел на соседнем пуфике, упрямо прижимая к разбитой губе кусок льда в марле. Лицо у него знатно распухло после моего хука, правый глаз почти заплыл. Увидев, как я медленно перевожу на него взгляд и как мои пальцы на подлокотнике сжимаются в кулак, Мишка тут же подобрался,

сглотнул кровь и поспешно пересел в глубокое кресло подальше от греха.

Рита лишь презрительно поджала губы, переводя взгляд с Миши на меня. Напряжение в комнате можно было ножом резать.

— Ты ведешь себя как зверь, Макс! — вскинулась она, резко вскакивая с дивана. В её глазах полыхнула фамильная упрямая злость. — Отведи меня к этой девушке. Сейчас же!

Она одним махом подхватила охапку приготовленных вещей, прижала их к груди и с вызовом уставилась мне прямо в лицо. С ней спорить было бесполезно — если Ритка шла на таран, то проще было уступить, чем выслушивать её часовые нотации.

— Чёрт с тобой, — глухо прорычал я, тяжело поднимаясь с дивана и поправляя косуху. Развернулся к креслу: — Где она сейчас?

Мишка убрал лёд от губы, поморщился и тихо буркнул:

— В подвале. В третьем блоке лечебницы.

— Чего?! — тут же взвилась сестра, её голос сорвался на возмущённый крик. — Вы её вытащили из этого адского дерьма и заперли в подвале?! Вы совсем конченные?!

Миха лишь устало пожал широкими плечами и глухо огрызнулся:

— Там она хотя бы не сбежит и об стену себе башку не расколет. А поверь мне, Маргаритка, она только этого и хочет. Пока твой братик дома на диване сидел и на свободе

дела выполнял, мы тут с Антоном вокруг её кушетки целую неделю так натрахались, что я сам уже хочу с вышки вниз головой скинуться.

Я резко шагнул к Мишке, но он предупреждающе выставил ладони вперед:

— Тормози, Макс, я про работу! Она буйная, её колотит! Я не знаю, зачем Фил её вообще мучает и пытается откачать. Там башке конец, полная амнезия вперемешку с психозом. Оболочка. Оболочка и всё, пусто внутри.

Рита на секунду замерла, переваривая его жёсткие слова. Воздух в гостиной стал тяжёлым, липким от предчувствия чего-то страшного. Но её упрямство было сильнее страха.

— И всё же я пойду, — твёрдо отозвалась она.

Не дожидаясь меня, Рита развернулась и сама упрямо направилась к массивной дубовой двери, ведущей на лестницу подвального корпуса. Я лишь обреченно вздохнул и зашагал следом, кожей чувствуя, что зря я пускаю её в этот ад.

Помещение, в которое мы вошли, угнетало с первого взгляда. Было очевидно, что Фил оборудовал эту комнату в подвале наспех, переделав её из старого склада именно под нужды этой девки. Стены уродливо обили какой-то дешёвой серой хернёй, похожей на плотный войлок — видимо, чтобы она не могла разбить себе голову в припадке, прямо как в настоящей психушке. Из мебели здесь были только железная койка, привинченная к полу, да небольшой круглый столик. На нём сиротливо стояли пара бутылок с водой и го-

ра каких-то пилюль. К штангам кровати мёртвым узлом были привязаны те самые эластичные бинты, про которые орал Антон. Ими её пеленали, когда ломка становилась совсем дикой.

Сама Аня сидела на матрасе. Уже чистая, отмытая от подвальной грязи и крови. На ней висела огромная, явно мужская футболка. Я сразу признал шмотку Антона — только этот придурок у нас обожал скупать футболки с тупыми цитатами про «стиль жизни» или «лучшего папу». Вот и сейчас на её хрупкой спине, утонувшей в сером трикотаже, красовалась выведенная жирным шрифтом дебильная надпись:

«Жизнь — это очередь за счастьем, но я, походу, стою в туалете».

Выглядело это в данных обстоятельствах максимально сюрреалистично.

Девушка сжалась в комок, прижав колени к груди и обхватив их тонкими, иссечёнными иглами руками. Её взгляд намертво застыл в пустом сером углу. Губы Ани медленно, едва заметно шевелились, словно она вела беззвучный диалог с кем-то, кого видели только её выжженные наркотой мозги.

Пахло здесь удушливо: смесью формальдегида, дешёвого успокоительного и застарелого пота. Ритка на секунду замерла на пороге, во все глаза разглядывая эту живую мумию. Сделала осторожный шаг вперёд. Я тут же перехватил сестру за предплечье, притягивая к себе.

— Если что-то пойдёт не так — сразу отходи назад, поня-

ла? — тихо, но жёстко предупредил я.

— Да знаю я, пусти, — пробурчала она, вырывая руку. — Выйди из палаты.

— Еще чего, — хмыкнул я, закрывая спиной дверь. — Я её вообще-то голышом с крюков снимал, так что переодевай при мне. Думаешь, я голых баб в жизни не видел? Поверь, я их видел, трогал и...

— Ой, замолчи, Макс! — Рита брезгливо шикнула на меня, сморщив нос. — Свои обезьяньи спаривания оставь при себе, ради боженьки. Тошно слушать.

Я лишь молча усмехнулся, прислонившись спиной к обитой двери и скрестив руки на груди. Ритка медленно, стараясь не шуметь тяжёлой подошвой обуви, подошла к кровати. Аккуратно положила пакет с вещами на край матраса.

— Привет... — негромко позвала она.

Аня даже ухом не повела. Всё так же монотонно шевелила губами, уставившись в угол, где для неё, судя по всему, стоял её мертвец. Рита помедлила секунду, а затем максимально бережно коснулась её острого плеча.

Девка вздрогнула всем телом, словно через неё пропустили разряд тока. Её голова резко дёрнулась, и она со звериной скоростью мёртвой хваткой вцепилась своими тонкими пальцами в запястье Ритки. Сестра от неожиданности испуганно пискнула. Я мгновенно сорвался с места, делая стремительный шаг к кровати и сжимая кулак, готовый отшвырнуть эту сумасшедшую, но Рита резко выставила свободную

руку назад, приказывая мне замереть.

Аня смотрела на неё снизу вверх своими огромными, остекленевшими зелёно-карими глазами, в которых плескался неподдельный, первобытный ужас.

— Помоги мне... — едва различимо прошептала она, и её голос надломленно задрожал. — Убей меня, прошу...

Ритка замерла, её тело напряглось, но она не делала ни одного резкого движения, позволяя девке сжимать своё запястье.

— Просто убей... — повторила Аня, и по её бледной щеке покатилась одинокая грязная слеза.

— Всё нормально, — тихо, невероятно мягким и гипнотическим голосом отозвалась Рита, медленно опускаясь на край кровати. — Всё хорошо. Я тебе помогу. Но для этого нам нужно сначала надеть вот это.

Она аккуратно, свободной рукой достала из пакета новое хлопковое бельё и протянула Ане.

— Без этого я тебе помочь не смогу. Понимаешь?

Я стоял чуть поодаль, и у меня внутри всё аж перевернулось от удивления. Чёрт, она реально это делает? Реально нашла к ней подход? Хотя чему я удивляюсь... Ритка ведь учится на детского психолога, спит в обнимку с учебниками и всегда хотела работать со сложными подростками. Наша общая история обязывала. Мы ведь росли с ней в убогом региональном детдоме. Родители-алкаши вышвырнули нас на улицу, когда ей едва исполнилось четыре года. Повидали мы

в тех стенах столько дерьма, сколько нормальным людям и в кошмарах не снится. А потом, как только мне стукнуло восемнадцать, я просто пришёл и выкрал её оттуда к чёртовой матери. И ни один мент, ни одна сука из опеки мне ничего не сделала, потому что к тому моменту я уже плотно связался с Филом. Старик помог мне её спрятать, помог вырастить, дать образование. Для нас с Риткой Фил точно был вместо отца, единственным оплотом безопасности в этом гнилом мире.

Аня что-то продолжала бессвязно шептать, а Рита тем временем мягко, сантиметр за сантиметром, стягивала с неё огромную футболку Антона.

— Макс, отвернись уже, — шёпотом, строго проговорила сестра.

Я молча развернулся спиной к кровати, уставившись на обитую мягким материалом стену. Позади меня раздавался тихий шелест ткани и непрекращающийся, пугающий шёпот Ани. Она не просто шепталась — она умоляла. Умоляла избавиться её от этой боли, избавиться от оболочки, отпустить её на тот свет. Она плакала, повторяя, что хочет к своему жениху, что Олег ждёт её там, в темноте, и злится, когда её трогают чужие люди. Ритка всячески подбадривала её, монотонно баюкала словами, обещая, что обязательно поможет ей со всем справиться.

Наконец шуршание прекратилось. Я обернулся. Девчонка уже сидела полностью одетая: в плотном спортивном топе и

свободных серых штанах. Рита поднялась с кровати, подошла ко мне и резким движением вложила мне в ладонь длинный плотный шнурок, который она только что выдернула из пояса Аниных штанов.

— На, держи, — тихо сказала Рита. — Ей это сейчас точно не надо. Только удавится ещё здесь, не дай бог.

Я спрятал шнурок в карман косухи. Аня снова сидела в прежней позе, поджав колени, и мёртвым взглядом сверлила тот самый угол.

— И что ты ей наговорила? Что сделала? — нахмурился я, кивая на девуку.

— Ничего особенного. Просто сказала, что ей сейчас нужно кое-что выпить, лечь спать, и тогда всё будет нормально. И пообещала, что приду к ней чуть попозже. У неё теперь есть время попрощаться со своим прошлым.

Я вытаращил на неё глаза.

— Ты дура, что ли, Рит? Какое, нахер, попрощаться? Она с ума сходит!

— Я, вообще-то, побольше тебя в этом знаю, ясно? — гордо вскинула подбородок малявка.

— Да у тебя даже диплома ещё нет, — фыркнул я.

— И что? Скоро будет, я отличница на курсе! А вот ты... козлина, — беззлобно, но обиженно бросила она напоследок и молча вышла из подвальной комнаты, громко хлопнув дверью.

Я остался один в полумраке палаты. Посмотрел на шнурок

в своём кармане, потом на Аню, которая даже не заметила ухода Риты. Атмосфера была давящей, тяжёлой. Внутри меня снова зашевелилось то самое пугающее чувство, которое я так отчаянно пытался заглушить виски. Она была сломана. Но почему-то именно сейчас мне захотелось узнать, каково это — склеить то, что все остальные считают мусором.

Я аккуратно подошёл к железной койке и сел на самый край. Матрас тихо скрипнул. Я просто смотрел на неё, не издавая ни звука. Аня медленно, словно преодолевая сильное сопротивление, слегка повернула ко мне голову. Её остекленевшие глаза уставились на моё лицо, но смотрели словно сквозь меня, в какую-то свою, невидимую мне даль. Она едва заметно нахмурилась, и её веснушки от этого движения забавно свелись к переносице.

Она была красивой. Даже сейчас, измученная, бледная, с синяками под глазами и исколотыми венами, она оставалась потрясающе красивой. На той измятой фотографии, которую Фил показывал на верстаке, я видел её улыбку — там она была по-настоящему живой, яркой, светящейся изнутри. Чего греха таить, встретить я её при обычной жизни, она точно бы меня заинтересовала. Но зная, кто я есть на самом деле... нет. Шансов бы не было. Она была правильной девочкой, домашней, чистой, уверен — точь-в-точь как моя сестрёнка Ритка. И я бы ни за что в жизни не посмел даже взглянуть на такую. Не потому, что она плоха, а потому что я — непроглядная, грязная тьма, а она — свет.

«Дьявол, я что вообще за херню несу? — мысленно выругался я, резко одёрнув себя. — Что за сопли у меня на носу повисли? Совсем бабские разговоры Ритки на мозги надавили».

Но я всё равно продолжал сидеть рядом и смотреть на её профиль. Злость на мажоров, на торчков, на весь этот мир куда-то глухо испарилась, оставив после себя странную, тяжёлую пустоту.

— Знаешь... — тихо, почти шёпотом проговорил я, подаваясь чуть вперёд, чтобы мой голос не разнёсся по подвалу. — Я нахрен передумал смотреть на твой труп. Слышишь меня? Я вытащу тебя из этого дерьма. Чего бы мне это ни стоило. Я должен, сука, хотя бы попробовать.

Я замолчал на секунду, разглядывая её разбитую губу.

— Ведь тот, кто так отчаянно просит о смерти, просто обязан жить. И я дам тебе эту чёртову жизнь. Заставлю тебя дышать заново, даже если ты будешь царапаться и кусаться.

Аня ничего не ответила. Она молча отвернулась обратно в свой серый угол, игнорируя мои слова, а потом просто медленно сползла по подушке вниз и легла на бок, свернувшись калачиком. Я поднялся, аккуратно натянул на её худые плечи байковое одеяло, поправил край и тихими шагами вышел из комнаты, плотно прикрыв за собой тяжёлую дверь.

Зачем мне сдалась эта цель? Зачем я пообещал вытащить её, когда ещё час назад хотел бросить? Да хер его знает. Но в груди, прямо под рёбрами, где давно всё выгорело дотла,

что-то странно и болезненно ёкнуло. Словно мне самому это было жизненно необходимо. Словно с каждым её рваным, тяжёлым вздохом я обретал причину дышать и жить сам.

глава 4

Всю следующую неделю Ритка безвылазно ошивалась в загородном доме Фила. Она вечно сидела у него в кабинете, утопая в огромном кожаном кресле или забираясь с ногами на диван. Они разговаривали обо всём на свете, шутили, и — черт меня дери — старик смеялся. По-настоящему, раскатисто, как обычный счастливый мужик, а не как хладнокровный босс криминальной банды.

Вот и сейчас они сидели вдвоем на массивном диване. Ритка крепко обнимала его за пояс, уткнувшись носом в его колючий свитер, а Фил ласково поглаживал её по светлым волосам, положив подбородок ей на макушку. Несмотря на всё то кровавое дерьмо, которым этот человек правил в городе, моя сестра была и его якорем в жизни тоже. Он ласково звал её «ягнёнок», а она его — отцом.

И черт меня дери, глядя на них из полумрака коридора, я чувствовал, как внутри утихает моя вечная ярость. Я был просто искренне рад, что она живёт. Живёт как нормальный, чистый человек, а не как я — чудовище, которое каждый божий день просто выживает в грязи. У меня в этой жизни была только одна цель, и я шёл к ней напролом, живя одним днём, но исключительно ради неё. Все бабки, которые я зарабатывал на зачистках — только для неё. Вся моя забота — только для неё. И абсолютная, железобетонная безопасность

— тоже только для неё.

— И чего ты там встал как привидение? — глухо проговорил Фил, заметив моё отражение в полированном стекле книжного шкафа. Он перевёл на меня свой цепкий взгляд. — Даже не надейся, тебя я обнимать не буду.

Я лишь усмехнулся, проходя внутрь кабинета, а Ритка тихо хихикнула, не разжимая объятий.

— Пап, ну он тоже заслуживает объятий, — шутиливо отозвалась она, зыркнув на меня своими зелёными глазами.

— Ну нет, ягнёнок, — старик притворно вздохнул, качнув седой головой. — Этот debil вообще ничего не понимает в нормальных чувствах. Я до сих пор не знаю, зачем потратил на него пятнадцать лет своей жизни и кучу нервных клеток... Хотя нет, знаю. — Фил вдруг смягчился и нежно поцеловал её в макушку. — Он подарил мне дочь.

Рита тут же смутилась, густо покраснев, и уткнулась лицом ему в плечо, обнимая ещё крепче. На мгновение в кабинете воцарилась идеальная, почти осязаемая семейная идиллия. Но я не был бы собой, если бы не испортил этот момент. Я, как всегда, за секунду вставил свою занозу между ними, разрушая всю сладость.

— Она была в подвале, — ровным, леденящим голосом проговорил я, останавливаясь у барной стойки.

Ритка в моих руках мгновенно напряглась, а Фил резко нахмурился, и его лицо за секунду вернуло свои привычные, жёсткие криминальные черты.

— Я просто помогла им переодеть её, — тихо, но упрямо заговорила сестра, поднимая голову и глядя на Фила. — Она же девушка, папа! Неужели у вас для такого случая во всём особняке женщины нет? Чтобы банально помыть её и дать чистые вещи? Это неправильно, папа. Мужики держат её там как собаку на верёвках.

И этот суровый, прошедший через сотни разборок урод покорно кивнул ей в ответ.

— Ты права, ягнёнок, — Фил тяжело вздохнул, погладив её по плечу. — Мой косяк, не подумал. Я найду помощницу из наших, проверенную бабу, обещаю. Она будет за ней ухаживать, пока мы не решим, что делать дальше. Но ты сама туда больше не ходи. Слышишь меня? Не надо тебе этого видеть. Там слишком много грязи.

Рита послушно кивнула, утыкаясь обратно ему в плечо.

— Меня сейчас стошнить от вашей семейной сладости, — брезгливо прошипел я, беря с полки бутылку дорогого виски.

Я плеснул себе на два пальца в тяжёлый стакан, даже не добавляя льда, и одним махом засадил обжигающую жидкость в горло. Алкоголь привычно ударил по мозгам, но пожар внутри, разожжённый мыслями об Ане, почему-то так и не потушил.

Всю следующую неделю Фил вместе с Антоном и остальной бандой рыли носом землю, пытаясь выйти на след того самого мажора, который устроил резню на даче Ани. Особ-

няк Филя стоял на ушах. Меня же — по какой-то совершенно дебильной причине — оставили здесь за няньку, приставив следить за Анной в подвальном корпусе. Меня это бесило так, что зубы крошились. Я — палач, штурмовик, человек, который привык решать проблемы свинцом и сталью, а не вытирать слюни наркоманке в подвале.

Из-за жутких отходняков девку колотило не по-детски. Её была такая крупная, страшная судорога, что смотреть на это без содрогания было невозможно. Подпольные врачи Филя, недолго думая, просто привязали её к железной койке теми самыми эластичными бинтами, чтобы она не разнесла себе череп об стену. Сволочи. Меня это откровенно вымораживало. Их «лечение» больше походило на средневековые пытки. Они её не лечили, они её просто мучили. Мой мозг, хоть и не обременённый медицинским дипломом, отчётливо понимал: нельзя вывести тяжёлую химию из организма просто так, наживую. Ей в любом случае нужна была доза, чтобы сердце не встало, или хотя бы постепенное замещающее лекарство. А старик упрямо твердил своё: «Очистить кровь, переломать». Идиоты.

Я спустился по сырым ступеням в третий блок, толкнул дверь и зашёл внутрь палаты. Пахло кислым потом и медикаментами. Аня сейчас спала — если, конечно, можно было назвать сном этот тяжёлый, прерывистый бред, в котором она металась. Я подошёл ближе, молча глядя на её иссечённые верёвками запястья, которые теперь уродливо стягивали

медицинские бинты.

— Хватит с тебя, — глухо прорычал я себе под нос.

Я наклонился и быстрыми, резкими движениями сорвал все узлы, полностью отвязав её от кровати. Девка и так две недели болталась на верёвках и мясных крюках в вонючем ангаре, и нахрен теперь мои же парни держат её здесь как пойманное животное в клетке? Если я упрямо вбил себе в голову цель вытащить её из этого ада, то и действия нужны были другие, человеческие, а не эта скотская изоляция. Аня лишь слабо застонала во сне, когда натяжение ушло, но не проснулась. Слишком истощена.

В этот момент в кармане моей косухи требовательно и резко завозился телефон. Я выудил мобильник, глянул на экран — Ритка. Нажал на кнопку ответа, прижимая трубку к уху:

— Да, малявка.

— Макс... — тут же отозвалась сестра, и я кожей почувствовал, как её голос едва заметно, пугающе дрогнул.

Внутри меня мгновенно, за долю секунды, взвился на дыбы дрессированный зверь. Сердце пропустило удар, а в висках застучала раскалённая кровь. Я подобрался, как хищник перед прыжком.

— В чём дело? Где ты?! — тут же запаниковал я, едва не сорвавшись на крик. Мысли махом нарисовали самые страшные картины: её выследили, её перехватили мажоры, на неё напали.

Но в следующую секунду сквозь помехи в трубке я отчётливо услышал глухой, знакомый голос Михи. Этот ублюдок что-то тихо и успокаивающе шептал ей на заднем плане.

Я до хруста сжал зубы. Паника отступила, уступая место леденящей, глухой ярости.

— Чего натворили? — тут же изменил я голос, делая его сухим и зловещим.

Если Миха был рядом с ней, значит, в физической безопасности её шкуры можно было не сомневаться — этот шрамованный пёс за неё костями ляжет. А вот сам Миха... Этот выродок снова меня ослушался. Он снова ошивался возле моей сестры, несмотря на хук в челюсть и моё чёткое предупреждение.

— Максим... — тихо проговорила сестра, и в её голосе сквозь трубку отчётливо прорезались слезы.

У меня внутри всё заледенело. Когда она звала меня укороченным «Макс» — это были обычные семейные тёрки. Но когда она называла меня полностью по имени — «Максим» — это всегда означало катастрофу. Настоящую, непоправимую херню.

— Рита, говори уже, не испытывай моё терпение! — рявкнул я на всю палату, не спуская тяжёлого взгляда с Ани. Девка на кровати даже не вздрогнула от моего ора, продолжая неподвижно спать. — Что случилось?!

— Я беременна, — проговорила сестра. Быстро. Резко. Наотмашь, словно пулю в упор выпустила.

Воздух вокруг меня будто разом выкачали из комнаты. В ушах противно, высоко зазвенело.

— Что?.. — глухо, едва шевеля онемевшими губами, переспросил я, отказываясь верить собственным ушам.

— Я беременна, Макс. Срок шесть недель, — снова проговорила она, и в трубке послышался её судорожный всхлип. — Я была на УЗИ только что... Прости меня, нужно было раньше признаться, я хотела, но...

— От кого? — прорычал я.

Этот звук мало походил на человеческий голос — из моей груди вырвался утробный, животный рык зверя, у которого только что отняли единственное ценное, что у него было в этой жизни. Мои пальцы с такой силой сжали пластиковый корпус телефона, что он жалобно затрещал.

— Максим... — тут же испуганно, заикаясь, отозвалась Рита на том конце провода. Она поняла, что сорвала чеку с гранаты. — Я люблю его, Максим! Пожалуйста, не надо, я... — тут же испуганно пропищала она.

Я сжал зубы так крепко, что во рту появился солоноватый вкус собственной крови. В глазах полыхнуло багровое пламя. Всё. Конец. Мир рухнул и сгорел к чертям собачьим прямо сейчас, в этой подвальной палате.

— Убью, — только и прорычал я сквозь плотно сомкнутые челюсти.

Я резко нажал кнопку отбоя, отключая телефон, и с размаху швырнул мобильник в стену палаты. Пластик с хрустом

разлетелся на мелкие осколки, осыпавшись на линолеум. Тяжёлая, дикая ярость затопила моё сознание. Миха — труп. Я сниму с него шкуру живьём.

Я злился ещё около часа. Внутри всё просто выжигало натель от бешенства, но уходить отсюда, бросив пост, мне было нельзя. Кое-как переведя дыхание, я посмотрел на разлетевшийся об стену мобильник. Пришлось, матерясь сквозь зубы, ползать по полу на карачках и собирать до единого осколка пластик и стекло. Не хватало ещё, чтобы эта дура на кровати нашла хоть какой-то острый кусок и вскрыла себе вены, а я потом останусь виноват перед Филом.

Я вернулся в её палату ближе к обеду, неся в руках тарелку с тёплым куриным бульоном. Она должна была жрать, но я даже понятия не имел, как мне её кормить. Ту бабу-сиделку, которую Фил через свои каналы нашёл в городе, согласилась только мыть её раз в три дня, переодевать и помочь на случай её женских дней. И то, сука, содрала оплату в двойном размере. Старая гримза. Я вообще за всю эту неделю так и не понял, мыла она её хоть раз или нет — от Ани отчётливо пахло кислым потом вперемешку с медикаментами, и это меня дико бесило.

Сначала я честно попытался нормально накормить её ложкой. Но она даже рот не открывала — сидела как каменное изваяние, сжав зубы. Как её парни до этого кормили, я хрен знает. Наверное, вливали через силу, разжимая челюсти стволom.

Потеряв терпение, я решил применить способ сестры. Когда Аня в очередной раз дёрнулась, судорожно перехватила меня за руку своими тонкими пальцами и облилась бульоном, я не выдержал. Она, как и в прошлые дни, мертвым, остекленевшим взглядом смотрела прямо сквозь моё лицо и беззвучно, одними губами просила об одном — о смерти.

В груди у меня всё клокотало от дикой смеси злости, бессилия и этой грёбаной новости про Ритку. Порой, глядя на её мучения, мне реально хотелось ей помочь. Просто достать ПМ, приставить к её бледной голове и всадить пулю в лоб. Быстро. Без мучений. Чтобы она наконец обрела свой покой, раз так хочет. Но я не такой. Я палач, а не мясник. Она ни в чём не виновата, поэтому убивать её я не имел никакого права. Мой нож и пули предназначались только для уродов. Только для конченных мразей.

Я наклонился к самому её уху, перехватил её дрожащие пальцы и жёстко, но тихо прошептал:

— Я помогу тебе. Слышишь? Помогу сдохнуть тем тварям. Но сначала — еда. Жри.

И чёрт возьми, это сработало. Она медленно открыла рот. Всё так же смотрела сквозь меня, но послушно глотала бульон. Правда, половина жидкости стекала по её подбородку, пачкая футболку, но она влиwała его в себя.

Когда тарелка опустела, я посмотрел на её грязную шею, на спутанные волосы, и просто не вынес этого зрелища. Во всём особняке сейчас было тихо, Фил укатил по делам, пар-

ни были на зачистке хвостов. Пока никого не было, я подошёл, одним резким движением закинул её хрупкое, невесомое тело себе на плечо. Она даже не брыкалась — повисла как тряпичная кукла, свесив голову вниз.

И я потащил её наверх, из этого вонючего подвала прямо в свою ванную комнату.

Я сам толком не понимал, какого хера я творю. Зачем я сам намеревался её намыть? Один только факт того, что эта девка абсолютно беспомощна, а нанятая за двойной ценник баба ни хера ей не помогает, бесил меня до зубовного скрежета. Внутри меня воевали два абсолютно противоречивых чувства: я понимал, что веду себя как конченный еблан, ввязываясь в это бабское дерьмо, и эта слабость меня раздражала. Но я всё равно упрямо шёл вперёд, поднимаясь по лестнице. Я просто брал и делал.

Я затащил её в ванную комнату, нажал на защёлку замка и опустил Аню на холодный кафельный пол, прислонив спиной к стене. Пока я возился с кранами, настраивая тёплую воду, она медленно сползла по плитке вниз, поджав к себе колени, и снова уставилась в пустой угол. Её губы судорожно зашевелились, выплёвывая в пустоту прерывистый, безумный шёпот. Я разбирал только отдельные фразы: *«Олег... помоги... заberi меня... что мне сделать...»*

Этот её чёртов Олег, который вечно стоял в углах её воспалённого мозга, бесил меня до судорог. Что он, блять, ей там пиздит в её голове? Зачем зовёт за собой в могилу? Я

резко шагнул к ней, подхватил её подмышки, силой ставя обратно на ноги, и без лишних церемоний одним движением стянул с неё серую футболку, а следом — свободные спортивные штаны.

Аня осталась стоять передо мной в том самом новеньком хлопковом белье, которое ей купила Ритка. Я перевёл взгляд с её худых плеч на бьющую из душа струю воды и замер.

— Блять... — тихо шикнул я, опустив голову вниз и шумно задышав через плотно сжатые зубы.

Я как-то вообще не подумал в своём припадке ярости и упрямства, что именно мне придётся с ней делать дальше. С неё в любом случае нужно было снимать всё бельё до единой нитки. Сначала у меня промелькнула тупая мысль просто ополоснуть её прямо так, в трусах и топе, но потом дошло: не будет же она ходить в сыром, а сменного шмотья я наверх не натаскал.

— А, к чёрту! — ругнулся я, вскидывая голову. — Ты всё равно об этом завтра не вспомнишь, а я обещаю тебе никогда не напоминать.

Я подошёл вплотную, быстро расстегнул плотный топ, скинул его на пол, а следом потянул вниз хлопковые трусы. Одной рукой придерживая её за талию, я просто затолкал её хрупкое тело прямо под горячие струи воды.

Аня вздрогнула всем телом, когда капли ударили по её бледной коже, и резко развернулась ко мне лицом. Наркотический туман в её глазах на секунду расступился, уступая

место чистой, звенящей боли.

— Помоги мне... — в который раз выдохнула она, глядя мне прямо в душу своими огромными зелёно-карими глазами.

— Помогу, помогу, — угрюмо буркнул я, дотягиваясь до полки и хватая жёсткую мочалку и бутылку с гелем для душа. — Вот сейчас и помогу. Сначала избавлю тебя от этого подвального смрада, а потом уже со всем остальным разберёмся. Ты же в курсе, девочка, что подышать в чистоте намного лучше?

Я выдавил приличную порцию геля и упрямо, с силой стал тереть мочалкой её плечи, шею, спину, стараясь обходить стороной свежие, едва затянувшиеся багровые шрамы на лопатках, где раньше торчали ржавые крюки. Но она больше не сопротивлялась. Она просто стояла под водой и смотрела на меня в упор своим остекленевшим взглядом.

Чёрт, это просто сводило меня с ума. Она была похожа на призрак. Красивый, голый, измученный призрак, запертый в четырёх стенах моей ванной. За эту неделю синяки на её теле начали понемногу бледнеть и сходить, страшные гематомы желтели, а благодаря тому, что она хоть что-то ела, её кожа перестала обтягивать кости так пугающе, она начинала едва заметно набирать вес.

Мне приходилось трогать её везде, скользя мыльной мочалкой по её телу, не делая отступов ни на сантиметр. В какой-то момент я поймал себя на том, что просто закрываю

глаза и до хруста зажимаю зубы, когда мои руки касались её бёдер или груди. Не потому, что мне было противно. Вовсе нет. Она была женщиной, чертовски красивой бабой, а я был здоровым 28-летним мужчиной и, чего греха таить, любил касаться женщин везде, забирая своё с лихвой. Но не сейчас. Не с ней.

Сейчас, смывая с неё грязь, я чувствовал себя последней, самой конченной мразью на этой земле. Настоящим стервятником. Но у меня просто не было другого выбора — в этом доме ей никто, сука, нормально не помогал. Сестре Рите я явно не дам заниматься этой чернухой, она слишком чистая для этого болота. А та старая стерва-сиделка... Да ей за её отношение первой пулю в лоб пустить надо.

Я выключил воду, сорвал с крючка большое махровое полотенце и бережно, словно хрустальную вазу, закутал в него дрожащую, чистую Аню. Дело было сделано. Но пожар внутри меня от её близости разгорелся с такой силой, что я уже физически хотел пойти и выпустить кому-нибудь кишки, просто чтобы заглушить этот дикий, пугающий стук сердца.

Я вынес чистую, закутанную в полотенце Аню из ванной и понёс по длинному коридору второго этажа. В огромном загородном особняке Филадельфии у каждого из нашей палаческой семьи была своя личная комната. Моя берлога располагалась в самом конце крыла, подальше от суеты и лишних глаз.

Я толкнул ногой тяжёлую дверь, зашёл внутрь и аккуратно опустил её на край своей кровати. Комната выглядела имен-

но так, как и подобает жилью человека, который привык существовать на чемоданах и кормить смерть. Никакого уюта. Огромная, застеленная тёмным армейским покрывалом двухспальная кровать, массивный дубовый шкаф, а у окна — тяжёлый письменный стол, заваленный стреляными гильзами, чертежами каких-то городских коммуникаций и разобранными частями запасного ПМ. На полу валялись мои старые берцы, а в углу у двери стоял открытый сейф для оружия. Настоящее логово хищника.

Аня сидела неподвижно, из-под махровой ткани полотенца торчали только её бледные худые плечи и влажные тёмные волосы.

— Сиди здесь и ничего, блять, не трогай, — строго приказал я ей, нависая над ней всей своей огромной тушей. — Иначе...

Я осёкся и раздражённо повертел головой по сторонам. Мой взгляд скользнул по столу с деталями пистолета, по острому охотничьему ножу, который лежал на тумбочке, по стеклянному стакану из-под виски. Твою мать. Я только сейчас понял, что в моей комнате было просто дохера всего, чем человек в её состоянии мог за секунду прикончить себя. Из неё суицидальные мысли пёрли, как фонтан, а я притащил её на склад холодного оружия.

Но Аня даже не смотрела на ножи. Я проследил за её пустым, направленным в одну точку взглядом и криво, зло усмехнулся. Она снова уставилась в глухой тёмный угол

между шкафом и стеной. Её губы беззвучно задрожали. Она видела его. Своего мёртвого Олега.

Меня этот бред выбесил окончательно. Напряжение дня, новость о Ритке и этот призрачный ублюдок смешались внутри в один гремучий коктейль. Я резко сделал шаг к шкафу, вытянул руку и с силой ткнул указательным пальцем прямо в пустоту, в самый центр тёмного угла.

— Иначе я лично прикончу этого уроды, который сидит у меня в углу! — рявкнул я.

Девка от моего крика и жеста дико вздрогнула всем телом, словно её ошпарили. В её остекленевших глазах впервые за всё время мелькнула не пустота, а сильный, живой испуг за своего мертвеца. Она судорожно подожала колени к груди, сильнее кутаясь в полотенце, и с ужасом посмотрела на мою руку, которая виртуально держала за горло её галлюцинацию. Моя угроза сработала лучше любых замков и верёвок.

— Вот так-то. Жди здесь, — буркнул я, тяжело дыша через нос.

Я развернулся, подошёл к столу, сгрёб в ящик все опасные железки, запер его на ключ и быстрыми шагами вышел из комнаты, плотно захлопнув за собой дверь. Мне нужно было спуститься вниз, найти Риткины пакеты с чистым сухим шмотьем и вернуться, чтобы одеть эту девку.

глава 5

Прошло несколько часов. Время перевалило далеко за полночь, но в особняке Филадельфии было тихо. Аня спала на своей кровати, укутавшись в тёмное армейское покрывало по самый нос. Я же, скинув кобуру и оставшись в одной чёрной футболке, лежал рядом — прямо поверх одеяла, закинув руки за голову. Из угла в угол по потолку ползали тени от блёклого лунного света, пробивавшегося сквозь мокрое окно. Было тошно. Настроение — дрянь, новость о Ритке жгла нутро раскалённым железом, но уйти из комнаты я не мог.

Чтобы хоть как-то заглушить эту звенящую, давящую тишину, я листал в руке чужой старый журнальчик, который нашёл на тумбочке, и просто вслух читал какие-то дебилские новости. Болтал монотонно, словно сам с собой: про погоду, про дурацкие налоги, про аварии на дорогах. Мне казалось, что мой ровный, глухой голос хоть немного прижимает её безумие к полу, не давая ему разгореться.

Вдруг Аня беспокойно заелозила в кровати. Покрывало сбилось. Она начала что-то сдавленно, хрипло бурчать себе под нос, а через секунду её тело резко свело судорогой. Она заметалась по матрасу, начала дико брыкаться, махать руками во все стороны и задыхаться, словно отчаянно пыталась спастись от кого-то, кто навалился на неё всей массой.

— Блять... — выругался я, мгновенно садясь на постели.

— Опять началось.

Ей явно сейчас было totally дерьмово, и снилась ей точно не поляна с единорогами. В этом её кошмаре её прямо сейчас резали на куски, ломали пальцы и втаптывали в грязный матрас ангара.

— Прошу, не надо! Прекратите! Олег, нет! — истошно закричала она.

Этот звонкий девичий голос, сорвавшийся на первобытную, дикую панику, бил мне прямо под рёбра, наизнанку выворачивая всё, что ещё оставалось во мне живого. На лбу у неё выступил крупный холодный пот, пальцы судорожно скрючились, раздирая ногтями простынь.

— Ань! Аня, блять, очнись! — я подскочил к ней, схватил за худые плечи и принялся изо всех сил тормошить. — Аня! Это сон! Слышишь меня, сука, проснись!

Но она не слышала. Она продолжала кричать, выть раненым зверем и реветь, не разжимая зажмуренных глаз. Её колотило так, что кровать ходила ходуном. Я вообще не знал, как ей помочь, матерился на всю комнату, чувствуя себя полным, беспомощным придурком.

— Да что за нахрен! — прошипел я и, потеряв терпение, наотмашь дал ей короткую, несильную пощёчину.

Звук удара сухим щелчком разорвал комнату. Аня тут же распахнула глаза, резко втянув в себя воздух. На какую-то долю секунды мне показалось, что её взгляд стал чистым, сфокусированным. Сердце внутри меня предательски под-

прыгнуло. Но — мать его за ногу — она всё равно смотрела сквозь меня. Абсолютно пустая, стеклянная матрица. Не знаю, понимала ли она вообще в тот момент, кого видит перед собой, или я для неё был частью её бесконечного кошмара.

Она тяжело, со свистом выдохнула. Медленно перевела взгляд в свой любимый тёмный угол у шкафа, словно проверяя, на месте ли её призрачный спутник. Видимо, убедившись, что мёртвый Олег никуда не делся, Аня послушно повернулась на бок, поджав подбородок к груди.

А затем в тишине комнаты раздался странный, монотонный звук.

Тук. Тук. Тук. Тук.

Она начала отстукивать указательным пальцем чёткий, ритмичный стук по деревянной спинке кровати. Я сначала вообще не понял, что за херня происходит. Столбенел, глядя на её бледную руку. А потом до меня внезапно дошло. Это секунды. Чёртовы секунды. Она с хирургической точностью отсчитывала ритм.

— Что ты делаешь? — глухо проговорил я, наклоняясь к ней.

Но она молчала, продолжая монотонно вбивать ноготь в дерево. *Тук. Тук. Тук.*

— Что ты, нахрен, делаешь?! — взбесился я. Напряжение сорвало тормоза. Я резко рванул её за руку на себя, заставляя перестать стучать. — Отвечай мне!

Аня подалась вперёд, её лицо оказалось в паре сантиметров от моего, и я почувствовал её горячее, прерывистое дыхание.

— Они придут... — едва слышно, леденящим душу шёпотом произнесла она, и её зрачки расширились от ужаса. — Через тридцать минут они придут поиграть. Время пошло. Раз. Два. Три...

Меня аж перекосило от этой её фразы. Я тут же со злостью оттолкнул её обратно на подушки.

— Никто к тебе больше не придёт, дура! — рявкнул я, тяжело поднимаясь на ноги. — Те ублюдки уже гниют в земле, ясно тебе?! Я лично выпустил им кишки!

Я сел обратно на край кровати, сгорбился и с силой потёр лицо ладонями, пытаясь содрать с себя эту удушливую усталость. Зачем мне всё это нахрен надо? Какого хера я вообще в это ввязался? Мне казалось, что с такими раскладами я сам быстрее стану законченным психом и уеду в дурку, нежели эта мёртвая девка хоть на шаг вернётся в реальную жизнь.

В этот момент за дверью на первом этаже послышался тяжёлый гул подъехавшей машины и громкий хлопок входной двери. Миха вернулся. Я медленно опустил руки от лица, чувствуя, как внутри, вместо бабской жалости, снова просыпается первобытная, чистая ярость палача. У меня в кармане лежал шнурок Ани, в голове был её безумный отсчёт секунд, а внизу ждал ублюдок, который заставил плакать мою сестру.

Я спустился вниз, напрочь позабыв в этот момент, где во-

обще оставил девчонку, и резко замер у подножия лестницы. В холле было прохладно, пахло сыростью от мокрого асфальта за дверью. Но ждал меня не Миха со своими виноватыми объяснениями.

Там стоял Фил. Он лениво засунул руки в карманы своего неизменного пальто, а за его спиной переминались с ноги на ногу двое крепких, широкоплечих ребят в стерильно-белых больничных халатах. Они выглядели скорее как вышибалы из подпольного клуба, чем как санитары.

— Ну, как дела? — ровным, прокуренным голосом спросил старик, вскинув на меня цепкий взгляд.

— Нормально, — отрезал я, буравя глазами незваных гостей. — А это ещё кто такие?

— Отвезут нашу девочку на лечение, — Фил кивнул на людей в халатах. — Я через свои каналы нашёл одну закрытую частную клинику. Хорошее место, надёжное. Там её подлечат, уберут эту чёртову судорогу и выведут дрянь из крови. Вернут её нам уже вменяемой. Думаю, месяца им хватит, а там посмотрим, что с ней делать дальше.

Внутри меня будто гранату взорвали. Вся ярость, которую я копил последние часы, мгновенно сменила вектор.

— Ты что, сука, её в дурку отсылаешь?! — рявкнул я, делая шаг вперёд.

Фил лишь равнодушно пожал плечами, даже не поменяв позы.

— Она доставляет слишком много проблем парням,

Макс. И сильно отвлекает от дел. Нам нужно искать заказчика, а не караулить её судороги в подвале.

— Я сам её отвезу, — сквозь зубы прошипел я, переводя леденящий взгляд на бугаёв в халатах. — А вы, уроды, пальцем её троньте — и я вам обоим кишки вскрою прямо на этом паркете. Ясно?

Санитары заметно напряглись, один из них инстинктивно убрал руку за спину, но Фил поднял ладонь, призывая их к спокойствию.

— Адрес, — выплюнул я, глядя в лицо старику.

Фил удивлённо вздёрнул седые брови. Он явно не ожидал от меня такой бешеной вспышки собственничества по отношению к девке, которую я ещё неделю назад называл грязным пятном. Но адрес он всё же назвал.

— Чтобы я через десять минут никого из этих амбалов здесь не видел, — прорычал я, разворачиваясь.

Я взлетел обратно на второй этаж, на ходу подхватывая из гостиной остатки тёплых шмоток, которые днём бросила Рита. Залетев в свою комнату, я обнаружил Аню в той же позе на краю кровати.

Мне пришлось снова одевать её. Только теперь уже по-нормальному, в тёплые уличные вещи: плотную толстовку, дутые штаны и куртку. На моё удивление, она оказалась странно податливой. Будто у неё отключилась последняя воля к сопротивлению. Когда я глухо командовал: «Приподними ногу», «Сунь руку сюда», — она послушно выполняла

приказы.

Я опустился перед ней на одно колено, чтобы завязать шнурки на кроссовках. И в этот момент из дверного проема раздался тихий, ироничный смешок Фила. Старик поднялся следом и теперь молча наблюдал за этой картиной.

— Ты что, Макс, её за этот день надрессировал? — хмыкнул он.

— Никого я не дрессировал, — огрызнулся я, дёргая за шнурок так, что кожа на кроссовке скрипнула. — Просто привёл её в чувство.

— Похвально, — посерьёзнел Фил. — Но давай быстрее. У тебя ночью ещё дело есть по её мажору.

Закончив со шнурками, я резко поднялся на ноги и осмотрел Аню. Она сидела упакованная в тёплые вещи, но её взгляд по-прежнему намертво впивался в тот самый пустой угол.

— Ну чё сидишь? Пошли. И ты пошёл, урод невидимый, — злобно прошипел я в пустоту угла, давая понять её призраку, кто здесь хозяин.

Я взял Аню за руку и потянул за собой. И тут произошло то, чего я вообще не ожидал. Её тонкие, ледяные пальцы судорожно сжали мою ладонь. Она не просто пошла следом — она испуганно придвинулась ко мне почти вплотную, чуть ли не вжимаясь своим плечом в меня. Девка кожей чувствовала, что я — её единственная реальная стена. Единственное спасение от тех ублюдков, которые каждую секунду пресле-

довали её во снах и наяву.

Мы вышли на лестницу. Ноги у неё после недели на верёвках и жестоких судорог были абсолютно ватными, не держали её толком. На третьей ступени она оступилась и едва не полетела вниз. Я ругнулся, подхватил её под ягодицы и бедра и легко поднял на руки, прижимая к груди.

Аня тут же обвила мою шею тонкими руками, прячась от всего мира, и до боли уткнулась носом мне в кожу чуть ниже уха.

— Они придут поиграть... — мертвенным, вкрадчивым шёпотом выдохнула она прямо мне в шею, и у меня по спине стаем поползли дикие, леденящие мурашки. Её голос звучал как проклятие. — Раз... два... три... Они уже рядом. Шесть... семь... восемь... Мне не сбегать. Тридцать пять... тридцать шесть...

Я почувствовал, как её тёплые слёзы прожигают мне кожу на шее, смешиваясь с её прерывистым дыханием. Я до хруста костей сжал её в своих объятиях, перешагивая через последние ступени холла, мимо притихшего Фила.

— Прекрати считать, Аня, — глухо, но чертовски твёрдо проговорил я ей прямо в макушку. — Никто к тебе больше не придёт. Я здесь. Слышишь? Я.

Я вынес её на улицу под холодную ночную изморось, рванул дверь Марка II и бережно усадил её на переднее сиденье.

Дорога до окраины города заняла чуть больше получаса. Дождь хлестал по лобовому стеклу моего Марка II, смывая

дорожную грязь и превращая мир за окном в размытое серое месиво. Навигатор вывел меня к высокому глухому забору, усаженному по верху колючей проволокой. За тяжёлыми автоматическими воротами, которые открылись только после звонка Фила, показалось массивное трёхэтажное здание из тёмного кирпича. **Закрытая частная клиника для душевнобольных.** Мрачное, зловещее место, где человеческое безумие прятали от глаз нормального мира.

Я заглушил мотор, обошел машину и рванул переднюю дверцу. Аня сидела неподвижно, уставившись перед собой. Я снова аккуратно поднял её на руки — невесомую, хрупкую, пахнущую свежестью после ванной. Стоило мне прижать её к себе, как она рефлексивно, словно испуганный ребёнок, снова уткнулась носом мне в шею, обвив руками мои плечи.

— Помоги мне... — едва различимо прошептала она, и её горячее дыхание обожгло мне кожу.

— Я здесь, девочка. Держись, — глухо отозвался я.

Я толкнул тяжёлую стеклянную дверь и занёс её в стерильный, пугающе тихий вестибюль больницы. Навстречу нам тут же вышла строгая, немолодая женщина в идеально накрахмаленном белом халате — судя по всему, главврач этой богадельни. Я коротко назвал имя Фила, давая понять, от кого мы приехали. Женщина понимающе кивнула, не задавая лишних вопросов, и жестом указала на коридор, ведя меня к палате.

Мы прошли мимо нескольких железных дверей. В самом конце коридора нас ждал нужный блок. Я занёс Аню внутрь и замер, оглядывая помещение. Комната была точь-в-точь как в моих худших предчувствиях: стены, оббитые мягкими душными квадратами, одинокая железная койка, намертво прикрученная к полу, простая тумбочка, стул и узкое окно, затянутое прочной металлической сеткой. Абсолютная пустота. Ничего лишнего для людей, чью голову вечно посещают плохие мысли о смерти.

Я бережно усадил Аню на край матраса. В этот момент врачаха шагнула вперёд и протянула мне плотный сверток серой ткани с длинными завязками.

— Думаю, лучше это сразу надеть на неё, пока мы изучаем её анамнез и подбираем терапию, господин, — ровным, лишённым эмоций голосом проговорила она, протягивая мне смирительную рубашку.

Внутри меня всё мгновенно перекошило от бешеной ярости. Я до хруста сжал зубы, чувствуя, как желваки ходят ходуном.

— Она не дикая собака, — леденящим шёпотом прошипел я, глядя женщине прямо в глаза. — И она не бросается на людей. Поняла меня?

Я проигнорировал протянутую тряпку, быстро скинул с Ани верхнюю куртку и кроссовки, оставив её в тёплой толстовке и штанах, которые выбрала Ритка. Мягко уложил её на подушку и укрыл тяжёлым больничным одеялом до само-

го подбородка. Аня послушно закрыла глаза, свернувшись калачиком.

— Будь послушной девочкой, — негромко проговорил я, наклоняясь к ней. — Я скоро тебя заберу. Слышишь? Скоро.

Я на секунду задержался и коротко поцеловал её в холодный бледный лоб. После чего резко развернулся и решительным шагом направился к выходу из палаты, на ходу буквально выхватив из рук опешившей врачихи смирную рубашку.

Тяжёлая металлическая дверь палаты закрылась за нашими спинами со страшным, глухим стуком. Мы остались в пустом коридоре. Я повернулся к женщине в халате и смерил её таким диким, звериным взглядом, от которого она невольно вжалась спиной в стену.

— Если я узнаю, что вы колите её под овоща и ни хера путевого не делаете... — я резко вскинул руку и поматал серой смирной рубашкой прямо у неё перед носом, — или если эта дрянь будет надета на неё, или вы решите просто связывать её бинтами ради своего удобства... Просто знайте.

Я молниеносным движением выхватил из-под косухи свой ПМ и с сухим металлическим щелчком плотно приложил холодное дуло прямо к её бледной голове. Женщина мгновенно замерла, её зрачки расширились от первобытного ужаса, а лицо стало белее её халата. Она даже дышать перестала.

— ...пуля в лоб будет сначала у вас, — прошипел я ей

прямо в лицо, вдавливая ствол сильнее. — А потом у всех остальных в этой клинике, кто окажется причастен. Я буду навещать её тогда, когда сам захочу. Днём, ночью — мне плевать. И предупреждать об этом я не думаю. Даже не надеюсь, что вы будете готовы к моим визитам. Она моя, ясно вам? Ваша единственная задача — помочь ей вернуться в реальность. Если нет... то я помогу вам. Покормлю вами червяков на местном кладбище.

Женщина судорожно, едва заметно кивнула, с трудом сглатывая застрявший в горле ком.

— Все... всё будет сделано в лучшем виде, господин Рогов... Как требуется, — заикаясь, едва слышно выдавила она.

Я медленно опустил пистолет, закинул его обратно в кобуру и наглухо застегнул куртку. Стиснув зубы от разрывающей изнутри злости и тоски, я ещё раз обернулся и посмотрел сквозь маленькое квадратное окошко в двери. Там, в полумраке палаты, лежала ко мне спиной Аня. Чистая, хрупкая и абсолютно одинокая в своём персональном аду.

Я развернулся и быстрыми, тяжёлыми шагами ушел прочь из клиники.

глава 6

Аня

Всё, что я видела перед глазами — это сплошное белое пятно.

Я не помню, в какой именно момент сознание начало корыстными, болезненными толчками возвращаться ко мне. Но это было самое ужасное, что могло со мной случиться. Лучше бы я осталась в той темноте. Память выжжена: я не помню своего прошлого, не помню, кем я была, не помню, как дышать без боли. Всё, что осталось — это настоящее. И теперь мне приходится каждый божий день терпеть новые издевательства.

Да, меня больше не насиловали толпой на грязном полу. Мне не наносили новых увечий, не резали лопатки ржавым железом и не вкалывали ту липкую, дешёвую дрянь, от которой потолок ангара кружился со скоростью карусели. Но они всё равно издевались. По-своему. Психологически. Садистски.

Каждое утро меня приковывали к этой проклятой кровати. Люди в белом кричали на меня, обзывали, брезгливо кривили губы и монотонно, раз за разом вбивали в мою пустую голову, что я просто использованная подстилка. Что моё место на кладбище, в безымянной канаве, и что они просто зря тратят на меня своё драгоценное время.

Особенно злилась женщина. Та самая, в накрахмаленном халате, которая пахла горьким лекарственным спиртом и дешёвым мылом. Она приходила в ярость от того, что я не хочу лечиться по её приказам, что я не улыбаюсь и мне не становится лучше. У неё истекало какое-то её личное, важное время. Я видела, как у неё тряслись поджатые губы. И тогда она шла на месть: пичкала меня горькими таблетками, удваивая дозу вопреки всем медицинским картам. Меня часами полоскало на кафельном полу, выворачивало наизнанку чуть ли не кровью от дикой интоксикации, пока стены палаты плавилась и текли вниз, как грязный воск.

А потом она внезапно становилась шёлковой. Лживой, приторной, пугающе вежливой. Это происходило всегда по одной причине.

Я слышала шаг. Тяжёлый, уверенный, грохочущий шаг берцев по больничному линолеуму. Этот голос... Он всегда приходил ко мне. Часто. Очень часто. Низкий, вибрирующий, пахнувший морозом, бензином и дорогим табаком. Но я никогда не смотрела на него. Я упрямо отворачивалась к стене, натягивая одеяло до самых ушей. Я не хотела видеть мужчин. Физически не могла их выносить, не хотела слышать их дыхание. Потому что этот человек — не мой Олег. А других мне было не надо. Мне нужен был только он. Мой нежный, мой убитый мальчик. Но его не было рядом. И не будет уже никогда.

В моменты, когда чужак садился на край моей кровати,

у меня начиналась дикая паника. Боль скручивала грудную клетку, лёгкие сводило жестокой, удушливой судорогой, и я плакала. Сильно, часто, захлёбываясь собственными слезами до режущей, невыносимой боли в глазах.

И тогда в тёмном углу палаты, прямо между тумбочкой и шкафом, появлялся Олег. Он сидел там, на полу, весь залитый багровой, подсохшей кровью. Олег смотрел на меня, улыбался своей бледной, мёртвой улыбкой и звал меня к себе. Но он никогда не говорил, что конкретно мне нужно сделать, чтобы прийти. Он только кричал на меня, срывая голос, когда этот чужак пытался коснуться моей руки или заговорить со мной. Олег яростно требовал: *«Не смотри на него! Не смей отвечать! Только я!»* И я слушалась. Я верила только своему мертвецу.

А потом всё снова и снова повторялось по кругу. Чужак уходил, оставляя после себя шлейф табачного дыма. Мужской шаг затихал в коридоре. И в белой комнате снова начинался ад: тишина, двойные дозы таблеток, рвота, крики санитаров и упрёки Олега из угла.

Я сижу на кровати, отстукивая пальцем секунды по деревянной спинке, и внутри меня, под слоем наркотического тумана, закипает что-то первобытное, первозданное и злое. Я больше не хочу просто плакать. Я мечтаю прирезать их всех. Своими руками. Вонзить тупую пластиковую ложку в глаз этой шёлковой суке-врачихе, перерезать глотку каждому санитару, а потом... потом наконец-то пойти к Олегу. В

его уютную, чистую темноту. Я хочу этого. Безумно. До дрожи в каждой измученной клетке своего тела.

Я не говорю им о том, что мне лучше. Не хочу говорить, не хочу смотреть. Зачем им знать? Я просто продолжаю монотонно выстукивать секунды ногтем по холодному дереву спинки.

У меня появилось новое время. Те капли в грязном ангаре больше мне были не нужны, потому что сюда больше не приходили со мной поиграть. Здесь, в этой белой глухой коробке, я выстукивала совершенно другое время — время, когда они придут связать меня. Заковать в серую удушливую рубашку и пичкать силой вместо еды какой-то горькой, вязкой гадостью, от которой горит в груди. Ведь, по их словам, только этого жранья я здесь и заслужила.

Я отстукиваю. Раз. Два. Три...

В коридоре раздаются шаги. Тяжёлые, гулкие. Я замираю, но палец продолжает вбивать ритм в спинку койки. Я уже готова. Восемь. Девять. Десять.

Скрип двери. Двенадцать...

— Николаева, к тебе гости, — испуганно-приторный голос женщины бьёт по ушам.

Я не сбиваюсь. Я стучу. Считаю. Четырнадцать. Пятнадцать.

— Вы сказали, что ей лучше, — раздаётся над ухом другой голос.

Но он сегодня злой. Очень злой, пропитанный опасным,

леденящим холодом. Я помню его. Он обещал однажды, что заберёт меня. Обещал, что никто больше не придёт.

Олег снова появился в своём углу. Но сегодня он не улыбался — он дико злился. Его мёртвое лицо исказилось от ярости. Он видит пришедшего чужака, а я — нет. Я не смотрю. Не хочу. Я только считаю. Мой палец чеканит секунды. Сейчас этот грозный мужчина снова уйдёт, и моё привычное время вернётся. Начнётся ад.

— Пятьдесят четыре, — прошептала я, мёртвым взглядом уставившись в угол, где сжимал кулаки Олег. — Пятьдесят пять...

За моей спиной женщина в халате вдруг запаниковала. Её шёлковый голос дал трещину, она начала испуганно заикаться, оправдываться, лепетать что-то про дозировки и карты.

— Я её забираю, — наотмашь отрезал его голос. Металл. Чистый металл.

— Вы... вы не можете! Филипп дал ровно месяц! Бумаги ещё не готовы! — заголосила она.

— Я сказал: я её забираю! — крикнул он, и этот рывк заставил стены палаты задрожать.

Женщина замолчала на полуслове, начав заикаться ещё сильнее. Этот звук... звук её трусливого, животного страха был для меня как лучшая мелодия. Губы сами собой поползли в стороны, и на моём лице расплылась безумная, пугающая улыбка.

— Шестьдесят девять, — прошептала я в такт удару ногтя.

— Ань... — тихо, совсем близко позвал меня чужак.

В его голосе больше не было злости на меня. Только какая-то странная, тяжёлая глухая боль. Но мне нельзя отвлекаться. Мне надо считать. Я должна точно знать своё новое время...

— Семьдесят пять, — прошептала я в пустоту белой стены.

— Ань, — снова позвал меня этот низкий, хриплый голос.

И как только к моей ноге сквозь тонкую ткань больничных штанов прикоснулась его большая, горячая ладонь, я крупно вздрогнула. В минутную слабость, накрывшую меня с головой, показалось, что он сейчас тоже будет меня связывать. Что он сейчас достанет эту проклятую серую рубашку, начнёт кричать, унижать и пичкать горькой химией. Я так устала от этого. Я так безумно хочу наконец всё закончить.

Я дёрнулась всем телом, сильнее сжимаясь в оборонительный комок, но какая-то первобытная сила всё же заставила меня поднять голову и посмотреть на него.

Это лицо... Оно было знакомым. Все эти детали — резкие скулы, нахмуренные тёмные брови, льдистые глаза — снова и снова прокручивались в моей голове. Словно дежавю. Словно я уже это когда-то видела. Словно он уже вот так сидел передо мной на краю койки и говорил, что забирает меня. Сон. Это явно очередной вязкий больничный сон.

Я просто молча рассматривала это хищное, красивое мужское лицо, но внутри меня не шевелилось ничего — только

звнящая, холодная пустота.

А Олег сердился. Он сидел в своём углу, и его мёртвые глаза наливались яростью. Он считал, что я предаю его. Предаю тем, что просто смотрю на другого мужчину. Ему было невыносимо больно от моего взгляда, потому что этот живой человек сейчас стоял рядом, а Олег — нет. Чужак мог физически коснуться моей кожи, почувствовать моё дыхание, а Олег — нет. И моему мёртвому жениху было больно от того, что он не смог меня спасти на той даче. Ему было больно за то, что он был вынужден беспомощно смотреть, что со мной творят те твари. А мне... мне было больно до безумия чувствовать его вину и каждую секунду видеть перед глазами, как сталь раз за разом входила в его грудь.

— Ты пришёл мне помочь? — проговорила я, и мой собственный голос показался мне чужим.

Он ведь обещал. Этот человек много раз обещал мне помочь.

Он медленно протягивает ко мне свою огромную, мозолистую ладонь. На её костяшках виднелись свежие, подсохшие ссадины. И эта рука не дрожит.

— Меня зовут Максим Рогов, — тихо, но отчётливо говорит он, фиксируя мой блуждающий взгляд своим. — И ты едешь со мной.

Я перевела взгляд вниз. Посмотрела на свои тонкие, дрожащие пальцы, на уродливые синюшные шрамы от верёвок на запястьях. Потом снова подняла глаза на него. Внутри мо-

его выжженного нутра не ожило абсолютно ничего. Ни единой искорки надежды. Ни единого желания жить.

— Зачем? — мой голос прозвучал как шелест сухой, мёртвой травы на ветру. — Когда-то меня сломали, Максим. И нет ни одного в мире человека, который способен это вернуть. Знаешь почему? Потому что мёртвого вернуть нельзя. А я уже умерла. Тогда. Вместе с ним.

Я выразительно указала глазами на пустой для него угол палаты, где на полу, в невидимой луже крови, всё ещё корчился в безмолвном, раздирающем крике призрак моего жениха. Олег умолял меня остаться.

Максим даже не повернул головы в сторону пустой стены. Ему было плевать на моих призраков. Он просто сдвинул брови ещё суровее и протянул мне свою ладонь ещё ближе, почти касаясь моих пальцев.

— Мне плевать, Ань, — тихо, но веско, со свинцовой тяжестью в голосе ответил он. — Значит, мы будем мстить за твой труп вместе. Дай мне руку.

Я протянула ему руку, и как только его огромные пальцы намертво сжали мои, в голове словно что-то замкнулось. Жажды жить не появилось. Но глубоко внутри, под слоем льда и наркотического тумана, проснулось дикое, отчаянное чувство: мне захотелось его тепла. Сильнее, чем воздуха.

Я тут же резко подалась вперёд и прижалась к нему всем телом, пряча лицо в жесткой коже его куртки. Максим замер. Я знаю, я помню, кем я стала. Он наверняка считает меня

гнилью, к которой противно прикасаться после всего, что со мной сотворили. Я была грязной. Клеймо позора вьелось под кожу, и я никогда его не отмою. Я много раз честно пыталась, когда санитары водили меня в ледяной душ. Я драла себя до крови жёсткой, потрёпанной мочалкой, но эта грязь словно впиталась в самую мою суть.

Тогда почему... почему я чувствую, как его сильные руки обхватили мои лопатки? Он ведь прижал меня к себе, да? Или я снова окончательно схожу с ума? Где реальность? Я сейчас проснусь на грязном матрасе в ангаре?

— Максим Владимирович, может быть, вы всё же её оставите? — раздался приторный голос главврача, разрушая момент. — Осталась всего неделя до конца курса...

— Мне плевать, чего у вас там осталось. Я её забираю, — отрезал он, и от звука его голоса у меня по спине пробежала дрожь.

Женщина за его спиной сверлила меня диким, зловещим взглядом. Она смотрела прямо на меня, и я по одним губам, без звука, прочитала её привычный приказ: *«Сиди на месте и не шевелись, сука»*. Волна паники сама собой толкнула меня назад, заставив снова вжаться в угол кровати.

— Вы тогда выйдете, — бархатным, лживым тоном проговорила женщина, переводя взгляд на Максима. — Я передомену её к выписке.

Ухмылка сама собой появилась на моих губах. Кажется, Максим заметил это движение, потому что резко вздёрнул

тёмные брови. Идиотка. Она не переодеть меня хочет. Она хочет сделать совершенно другое. Она хочет наказать меня за то, что я уезжаю.

Максим медленно поднялся с матраса и стал отходить к стене палаты, но уходить совсем не собирался. Замер у двери. Ну и пусть. Плевать. Мой план был прост. Если этот мужчина не хочет или не может помочь мне избавиться от мучений, я сама помогу себе. И ей заодно.

Женщина тут же сократила расстояние до меня, её лицо исказилось от злости, она уже занесла руку, чтобы схватить меня за волосы. Но в эту секунду Максим громко окликнул её по фамилии. Это был мой единственный шанс. Не знаю, откуда в моём истощённом теле взялись силы.

Я диким зверем подскочила на кровати, мёртвой хваткой дёрнула толстую верёвку, которой эти твари привязали мою щиколотку к железной ножке койки, чтобы я не смела отходить дальше матраса. Рывок — и потерявшая равновесие врачиха с глухим стуком повалилась прямо на меня. Я мгновенно, не теряя ни секунды, накрутила свободный конец верёвки ей на горло и изо всех сил сдавила, перекрывая кислород. Она захрипела.

Свободной рукой я точным, заученным движениемхватила острую пластиковую ручку из нагрудного кармана её белого халата. И безжалостно, с глухим, влажным хрустом начала вонзать её прямо ей в лицо. Раз за разом. В глаз, в щёку, в подбородок.

Она истошно, оглушительно закричала от дикой боли, заливая простыни кровью. Но для меня этот крик был самой прекрасной музыкой. Мой личный, долгожданный плейлист мести. Я тыкала пластиковым остриём с бешеной скоростью, задыхаясь от ярости, пока меня просто силой, стальными руками не сорвали с бьющейся в конвульсиях женщины. Врачиха рухнула на пол, зажимая руками изуродованное лицо и захлёбываясь собственным криком.

Я перевела дикий, тяжело дышащий взгляд на Максима. Я тяжело, загнанно вздымала грудь, всё ещё сжимая в пальцах окровавленную ручку. По моему лицу крупными каплями стекала чужая тёплая кровь. Я замерла, ожидая, что сейчас он ударит меня, свяжет или начнёт орать.

Но он не злился. На его хищном лице не было ни капли осуждения. Максим просто медленно перевёл взгляд с натянутой верёвки на моей лодыжке на скулящую, катающуюся по полу женщину. Его брови нахмурились ещё сильнее, превращаясь в одну жёсткую линию.

Он молча потянулся к кобуре, достал свой тяжёлый чёрный пистолет и, даже не прицеливаясь, с глухим, хлестким хлопком выстрела всадил пулю прямо в голову орущей суке. За секунду в палате воцарилась идеальная, звенящая тишина. Багровое пятно быстро расплылось по линолеуму.

Максим убрал ствол, посмотрел на меня и криво, зловеще усмехнулся:

— Детка, ты слишком долго возишься, — лениво отозвал-

ся он.

Он спокойно подошёл к кровати, достал свой армейский нож и одним точным движением перерезал верёвку, освобождая мою ногу от железных оков койки.

глава 7

Максим

Я стоял у Марка, припаркованного на обочине у глухой лесополосы, и крепко, но аккуратно держал Аню за волосы, пока её хрупкое тело сотрясали дикие спазмы — её выворачивало какой-то жуткой больничной дрянью. В лицо бил ледяной ночной ветер, капли дождя смешивались с потом на её бледном лбу.

Я злился. Злился на весь этот проклятый мир, на себя, на Фила, который упрятал её в эту дыру, и на неё саму — за то, что она со мной творила одним своим существованием. Свободной рукой я небрежно стёр с лица капли чужой крови, размазав её по скуле, и криво, зловеще усмехнулся.

Я ведь, сука, предупреждал этих тварей в халатах. Приставлял ствол к башке главврача, обещал скормить червям. А они думали, что умнее всех. Думали, скроют от меня то, что творили в своей стерильной закрытой норе. Суки. Они всё равно продолжали привязывать её к койке. Видимо, когда я приехал без предупреждения и ворвался в блок, они просто не успели отвязать её ногу — наспех накинули сверху тяжёлое одеяло, чтобы спрятать верёвку. Думали, я, как обычно, приду, посижу рядом и уеду. Но не сегодня.

На протяжении почти трёх недель я не мог нормально спать. Ни одной чёртовой ночи. Каждый раз, когда я уходил

из её белой палаты, меня ломало, как конченого торчка без дозы. Моё нутро требовало контролировать каждый шаг её выздоровления, но всё, что я мог по уговору с Филом — это приехать, дать врачам указания, привезти свои, нормальные лекарства, чтобы облегчить её судороги, и обратиться восwoяси. А эти медицинские твари ломали её и здесь, удваивая дозы горьких колёс.

Только вот они не учли одного. У моей мёртвой девчонки за этот месяц подросли зубки.

Вспоминал сцену в палате, и у меня до сих пор кровь в жилах закипала. Я чуть не впился в неё прямо там, на зали- том кровью линолеуме — от того, как дико, жадно и перво- бытно она мстила за свою боль, вонзая пластиковую ручку в лицо врачихи. А потом, когда всё закончилось, она напу- галась. Увидела меня и замерла, испугалась, что я начну её бить или вязать?

Но я не собирался её винить или ругать. Она сделала то, что должна была. Пока я вёл её под руку по длинному боль- ничному коридору к выходу, Аня, словно хищная кошка, вы- стреливала злым, остекленевшим взглядом в каждого сани- тара и охранника, попадавшего на пути. Она просто указы- вала на своих обидчиков глазами. А я без лишних слов вски- дывал ПМ и пускал им пулю в лоб. Один за другим. Хлёсткие хлопки, брызги на белых стенах, падающие тела. Восемь че- ловек. Я насчитал ровно восемь трупов, оставшихся лежать за нашей спиной.

Но когда мы уже садились в машину, Аня вдруг глухо выдала, что обидчиков в этой клинике вообще-то было девять.

— Но... — она замялась тогда, судорожно сглотнув. Было видно кожей, как тяжело ей даётся каждое слово, как шевелятся её губы.

И всё же она рассказала, болезненно поморщившись от всплывших картинок. А я лишь до хруста сжал зубы, чувствуя, как руль в моих пальцах едва не гнётся. И теперь мне приходилось стоять у капота в темноте и смотреть, как её выворачивает наизнанку от одних только воспоминаний о девятом ублюдке.

Этот грёбанный санитар... Когда меня не было, он связал её, заковал в смирительную рубашку и попытался вогнать ей свой член прямо в рот. И вогнал. Вот только зубы у девчонки оказались сильнее, чем он думал. Она чуть не откусила этому выродку всё его хозяйство, из-за чего её потом три дня держали на одной воде и двойных дозах химии.

Мне хотелось прямо сейчас развернуться, рвануть обратно в эту лечебницу, найти этого скулящего кастрата и вогнать пулю точно ему между глаз. Но нет. Слишком лёгкая смерть для такой мрази. Пусть помучается, сука. Я его ещё найду. Землю носом перерою, но достану из-под любого камня и устрою ему такую анатомию боли, что он сам будет умолять меня о выстреле.

Аня в моих руках наконец затихла. Её плечи перестали

судорожно вздрагивать. Она слабо опёрлась рукой о крыло машины, тяжело и прерывисто дыша. На губах осталась горькая жёлтая пена. Я бережно отвёл мокрые тёмные пряди от её лица, заглядывая в её огромные, дикие глаза.

— Всё, — глухо сказал я, доставая из кармана чистую салфетку и аккуратно вытирая её подбородок. — Больше они к тебе не прикоснутся. Едем домой. У нас с тобой в городе ещё много незаконченных дел. И пара ублюдков, которые задолжали нам слишком много крови.

Я не повёз её к Филу. Старик, конечно, знатно охренеет, когда узнает, что я самовольно выкосил половину персонала закрытой клиники и увёл девку, но мне сейчас было абсолютно насрать на его планы. Включать заднюю я не собирался.

Вместо особняка босса я пригнал нас к воротам своего собственного загородного дома. Огромное двухэтажное здание из тёмного бруса и дикого камня, с панорамными окнами и глухой высокой оградой, стояло на самом отшибе, окружённое вековыми соснами. Я купил этот дом пару лет назад для Ритки, надеялся, что малявка будет жить здесь в тепле и безопасности, подальше от городского смрада. Но сестра наотрез отказалась: мол, до университета ездить далеко, глушь несусветная, одной страшно. В итоге мы оставили дом чисто как убежище, куда планировали приезжать только по самым важным дням.

И сегодня, глядя на тёмный силуэт здания в свете фар, я

чётко осознавал: этот важный, переломный день в моей жизни наступил.

Я заглушил мотор, обошёл капот и рванул на себя пассажирскую дверь. Аня сидела в салоне, сжавшись в плотный комок. В её огромных глазах плескался испуг. Она судорожно озиралась по сторонам, мечась взглядом по незнакомым сосновым веткам и тёмному крыльцу. Я кожей, каждым оголённым нервом чувствовал, как её колотит от страха. Ей казалось, что её привезли в новое место для очередных изощрённых пыток.

Я молча протянул ей свою большую ладонь, развёрнутую вверх.

— Выходи. Здесь тебя никто не тронет, — негромко, но со свинцовой уверенностью в голосе произнёс я.

Она долго, мучительно долго смотрела на мои ссадины на костяшках, переводила взгляд на моё лицо, будто сканировала, ищу ли я повод привязать её. Наконец, её тонкие пальцы несмело, дрожа, легли в мою руку. Она сделала шаг на мокрую траву, ватно переступая ногами, и замерла, разглядывая моё убежище.

Я аккуратно придерживал её за талию, чувствуя, как она едва заметно жмётся к моему боку в поисках защиты. Я до конца не понимал, насколько путно её вообще лечили в той чёртовой лечебнице. Хрен знает, какие демоны караулят её сознание по ночам и сколько секунд она успевает отсчитать до того, как в башке взрывается очередная паническая ата-

ка. Но одно я знал намертво: отдавать её Филу, парням или прятать в подвал я больше не собираюсь. Она — моя. Мой личный крест и моё добровольное сумасшествие. И только я один в этом проклятом городе вправе решать, что с ней делать дальше, как лечить и на чьих костях выстраивать её новую жизнь.

Я обнял её крепче, закрывая спиной от холодного ночного ветра, и повёл по ступеням к двери дома.

Дом внутри пах деревом, дорогой лакированной мебелью и той особенной, звенящей пустотой, которая бывает только в нежилых помещениях. Огромная гостиная с высокими потолками под крышу и панорамными окнами тонула в ночном полумраке. Лунный свет падал на накрытую белыми чехлами мебель, бросая длинные ломаные тени на полированный паркет. Здесь было тепло — автоматическое отопление работало исправно, но атмосфера всё равно оставалась чужой, не обжитой.

Я аккуратно вёл Аню под руку, чувствуя, как она едва заметно вздрагивает от каждого шороха. Мы поднялись по широкой деревянной лестнице на второй этаж, и тут я немного замялся, резко затормозив у перил. Мать твою, я в своей ярости и спешке совсем забыл, что здесь нет ни черта, кроме одной-единственной подготовленной комнаты, которую я с такой любовью обставлял для Ритки. Моя спальня стояла абсолютно голая, без мебели.

— Нам придётся пару дней переночевать вместе, — ото-

звался я строго, стараясь, чтобы мой голос звучал максимально уверенно. Словно я не сидел сейчас в полном дерьме из-за своей импульсивности, а всё именно так и было запланировано с самого начала. — Это было поспешное решение — привезти тебя сюда прямо сейчас. Поэтому завтра я наберу парням, и они довезут всё остальное, мебель со склада заберут. Если ты, конечно, не против.

Аня ничего не ответила. Она лишь молча переступила порог Риткиной комнаты и медленно огляделась. Помещение было светлым, уютным, с большой кроватью под пушистым пледом и туалетным столиком. Аня на ходу стянула с себя тяжёлую тёплую куртку и бросила её на кресло, оставшись в свободной толстовке.

Я быстро прошёл в примыкающую к спальне ванную, проверил напор воды, бросил взгляд на трубы — всё работало чисто. Спустился вниз к Марку, забрал с заднего сиденья дорожную сумку с бабскими вещами, которую мы днём собирали с сестрой, вернулся и с глухим стуком бросил её прямо у подножия кровати.

— Твои временные вещи. Кое-что Ритка выбирала, — я открыл шкаф, достал оттуда свежее банное полотенце и мягкий махровый халат, протягивая их ей. — Душ там.

Аня замерла, уставившись на пушистую ткань в моих руках. Её ресницы судорожно дрогнули, она снова молча посмотрела на меня снизу вверх и несколько раз медленно поморгала, будто силясь поверить, что этот кошмар с белыми

стенами закончился. А потом тихо, почти интимно спросила:
— А горячая вода есть?

Чёрт. Это вроде был какой-то самый обычный, банальный бытовой вопрос. Но почему-то именно он, сорвавшись с её губ, ударил меня прямо под дых. Сильнее любого кастета в уличной драке. В этом вопросе было столько скрытой, выстраданной боли человека, которого месяц держали на ледяных помоях, что у меня внутри всё перевернулось.

— Есть, — спокойно проговорил я, стараясь держать голос ровным. — Напор хороший. Но если ты хочешь свариться в ней, чтобы смыть с себя всё... то не получится. Только обожжёшься. Не надо.

Она едвазаметно поджала губы, коротко кивнула и скрылась за дверью ванной комнаты.

— Можешь не закрываться! — крикнул я ей вслед, облокотившись на косяк. — Я всё равно эту дверь с петель вынесу, если ты начнёшь там творить какую-нибудь глупость, ясно?!

За дверью потекла вода, но замок на двери так и не щелкнул. Она послушалась. Я облегчённо выдохнул, но не успел я сделать и шага, как дверь ванной снова приоткрылась. Аня робко выглянула наружу, держа в тонких пальцах пластиковый флакон.

— А твоя девушка не против, если я возьму её гель? — тихо спросила она.

— Девушка? — недоумённо уточнил я, нахмурившись.

— Ну... — она чуть потянула флакон вперёд, показывая этикетку с какими-то девичьими цветочками и сладким запахом ванили.

— Это сестры, — отозвался я, и внутри почему-то стало странно легко. — Бери всё, что хочешь. Там в шкафчике полно этого добра.

Дверь закрылась, и на этот раз окончательно. Чёрт. Я криво усмехнулся, медленно опустился на край мягкой кровати и с силой потёр лицо ладонями, слушая доносящийся из-за стены шум горячей воды. Голова раскалывалась от мыслей.

Она вроде бы в норме — разговаривает, задаёт вопросы, реагирует на слова. А вроде бы и абсолютно нет — в глазах по-прежнему гуляет этот жуткий, остекленевший туман, а пальцы то и дело норовят начать отстукивать секунды её личного апокалипсиса. Я точно рехнусь с ней за эти дни. Окончательно съеду с катушек. Но — дьявол меня дери — как же чертовски приятно было осознавать, что она сейчас здесь. За стеной. Живая, чистая и под моей защитой.

Пока Аня принимала душ, я рассчитывал, что это продлится ну минут на тридцать точно. Девчонки ведь всегда долго приводят себя в порядок, трут там что-то, мажут. И мне почему-то казалось: раз она даже про гель спросила, волнуется о таких вещах, значит, сейчас она в полном порядке. Ну, по крайней мере, мозг включился. Думал, будет сейчас там мазаться кремушками и всем тем девичьим добром, что Ритка оставила в шкафчиках.

Но когда Аня не вышла ни через час, ни через полтора, внутри у меня всё нехорошо напряглось. Вода за стеной всё ещё лилась — монотонно, глухо, без остановки.

Я подошел к двери, громко постучал костяшками по дереву. Тишина. Постучал сильнее, уже кулаком. Снова молчок.

— Ань, я вхожу, — глухо предупредил я и нажал на ручку, толкая дверь внутрь.

В глаза сразу ударил плотный, влажный пар — в ванной слегка затуманило от горячей воды. Сквозь эту белую дымку я увидел её. Аня сидела прямо на кафельном полу душевой кабинки, поджав под себя ноги, и медленно, ритмично раскачивалась из стороны в сторону. Горячая вода сверху лилась на неё сплошными, тяжёлыми потоками, насквозь промочив её тёмные волосы, которые облепили лицо и плечи. И она снова... сука, она снова отстукивала пальцем по сливной решётке свой грёбанный ритм.

Я лишь тяжело вздохнул, с силой потеряв виски ладонями. Всё моё напускное спокойствие полетело к чертям. Одним рваным движением я скинул с себя косуху, футболку, джинсы, оставшись в одних боксерах, и шагнул прямо к ней, под тёплые, хлещущие потоки. Выключать воду не хотелось — я понимал, что её тут же начнёт колотить от холода, она и так была синей. И, если честно, я вообще не знал, помылась ли она за эти полтора часа хоть как-то.

Судя по тому, что флакон с гелем, который она так бережно брала, успешно и сиротливо остался стоять на раковине

нетронутым — ни черта она здесь не сделала. Просто сидела в своём трансе и считала секунды до прихода призраков.

— Ты ведь не хочешь, чтобы я тебя снова мыл? — хмуро проговорил я, а потом прикусил губу. Идиот. С кем я разговариваю?

От звука моего голоса прямо над ухом Аня резко вздрогнула. Наркотический туман на миг колыхнулся в её зрачках. Я бережно, но крепко приподнял её за подмышки, заставляя подняться на ноги и прижимая спиной к своей груди, чтобы она не рухнула на скользкую плитку.

— Ты полтора часа отпариваешь тут задницу, детка, — негромко сказал я ей прямо в мокрую макушку. — Это слишком долго. Пора завязывать.

Я дотянулся рукой до раковины за пределами кабинки, достал жёсткую мочалку и хорошенько, густо намылил её ванильным гелем. А потом развернул Аню к себе спиной. Уже привычным, заученным движением я аккуратно стал мыть её плечи и лопатки. На её гладкой коже уродливыми багровыми узлами выпирали свежие шрамы от мясных крюков. Но, глядя на них, я не чувствовал брезгливости. Эта изрезанная спина лишь напоминала мне о её дикой силе духа. Она была чертовски сильной. И если она смогла пережить тот крошечный ад в ангаре и издевательства в клинике, то и всё остальное дерьмо в этой жизни точно сможет вывезти. Ей просто нужно время. Для души всегда нужно гораздо больше времени, чем для тела.

Я аккуратно развернул её к себе лицом, продолжая плавно водить мыльной мочалкой по её телу, смывая больничную грязь. Я даже не смотрел вниз, на её наготу — всё это время я упорно, упрямо смотрел только ей в глаза. Но сейчас её взгляд не был остекленевшим. Она не смотрела сквозь меня, как раньше. Её зрачки сфокусировались точно на моём лице, живые, глубокие, и от этого пристального внимания мне самому стало как-то чертовски некомфортно. Будто я — конченный ублюдок, который приказывает ей молча стоять и вытворяет тут с ней в душе всё, что захочет.

— Может... ты дальше сама? — глухо предложил я, чувствуя, как горло перехватывает от непонятного волнения.

Но она продолжала просто молча смотреть на меня, не двигаясь. Живой, красивый, голый призрак под потоками воды. Я шумно выдохнул сквозь зубы, силой вложил мочалку в её худую ладонь, а затем перехватил её кисть своей огромной рукой. И стал её же собственной рукой медленно водить мочалкой по её груди и животу.

— Я не могу сам, ты ведь знаешь? — тихо, почти интимно проговорил я, зажимая челюсти. — Это... это просто неправильно, Ань.

И снова в ответ звенящая тишина, перекрываемая лишь шумом бьющей сверху воды. По итогу мне так и пришлось плюнуть на всё и сделать всю работу самому от начала до конца. И за всё это время она даже ни разу не дёрнулась, не попыталась вырваться. Послушно стояла, позволяя себя

отмывать.

— Если ты захочешь меня за всё это убить, когда окончательно придёшь в себя... то ладно, — угрюмо проговорил я, выключая наконец краны. — Убивай. Мне хер с того. Просто знай, что я реально хотел помочь.

Я вытащил её из кабинки, насухо обтёр большим махровым полотенцем, от которого пахло домом, и аккуратно завернул в мягкий халат Ритки. Дотащил её до зеркала у раковины. Мой взгляд упал на открытый ящичек, и я стал хмуро в нём рыться, пока пальцы не наткнулись на какую-то круглую баночку с Риткиным кремом для лица.

Я нахмурился, посмотрел на бледное, чистое лицо Ани, на её веснушки на носу, и всё же подцепил пальцем немного прохладной белой массы.

— Все девчонки любят заниматься этой хернёй перед зеркалом, — буркнул я себе под нос, упрямо мажа крем ей на щёки. — Сделаем это и тебе. Будешь как нормальная.

Аня от неожиданности лишь смешно, по-детски поморщилась, когда я грубыми, мозолистыми пальцами принялся аккуратно размазывать холодный крем по её лицу. Но её глаза всё так же внимательно следили за каждым моим движением в отражении зеркала. И впервые за долгое время в этой тишине не было слышно её обратного отсчёта секунд.

глава 8

В наш поздний вечер в загородный дом без стука ворвалась настоящая светлая фурия.

Мы с Аней сидели на просторной кухне. Нам наконец-то привезли доставку еды из города, и я битый час упрямо пытался покормить её нормальным ужином. Аня сидела в пушистом халате Ритки, чистая, пахнущая ванилью, и всё ещё просто смотрела на меня, как замороженная. Её взгляд неотрывно следовал за каждым моим движением.

И тут входная дверь с грохотом распахнулась. Ритка влетела на кухню, расплываясь в счастливой улыбке и шурша какими-то пакетиками, а вот следом за ней, тяжело отдуваясь, шёл Миха. Рожа у него всё ещё была знатно опухшая и разукрашенная багровыми синяками после того, как я набил её ему на той неделе прямо у особняка Фила. Долго же эти двое прятались от меня по съёмным углам после Риткиного признания по телефону. Но убивать этого шрамованного выродка я всё же не стал. Как бы я ни злился, оставлять племянника или племянницу без отца в мои планы точно не входило. Да и Ритка тогда так истошно визжала, закрывая Миху собой, что я всерьёз испугался, как бы ей реально не стало плохо от стресса.

Миха тяжело дышал, раз за разом затаскивая из прихожей огромные дорожные чемоданы. На шестом заходе я не вы-

держал.

— Вы чё сюда притащили? — угрюмо спросил я, замерев с ложкой у самого рта Ани.

Сама Аня в этот момент, даже не дожидаясь моей команды, послушно наклонилась вперёд и аккуратно съела еду, продолжая преданно поглядывать на меня, как верный пёсик.

— Тут всё необходимое для дома, — заторила Ритка, вываливая на стол содержимое пакетов. — Наши вещи, ваши вещи на первое время. Ну, ещё нормальная еда, лекарства и... — она вдруг резко замялась, пряча глаза. — Немного вещей для ребёнка. На будущее.

— Чего, блять? — глухо переспросил я.

В этот момент я как раз машинально зачерпнул из тарелки сочный кусок мяса, собираясь отправить его себе в рот. Ложка замерла в сантиметре от моих губ. И вдруг я отчётливо почувствовал мягкое, робкое касание губ Ани, когда она, не дожидаясь, подалась вперёд и съела это мясо прямо с моей ложки. По её подбородку скользнула капля соуса, задев уголок моих губ. Я крупно вздрогнул, переводя на неё совершенно ошарашенный, дикий взгляд.

Но Аня даже не смутилась. Она преспокойно смотрела на застывшую ложку.

На кухне воцарилась секундная тишина, а потом Миха оглушительно, во всю глотку заржал, согнувшись пополам и едва не роняя очередной чемодан.

— Ну ты и дрессировщик, Макс! — сквозь хохот выдавил этот ублюдок. — Она у тебя скоро тапочки приносить будет!

Меня перекосило. Я почувствовал, как уши и шея заливаются пунцовой краской от этой нелепой, интимной сцены. Напряжение сжало горло. Чтобы скрыть нахлынувшую краску, я тут же с силой вложил ложку прямо в тонкие пальцы Ани и резко пододвинул тарелку ближе к её груди.

Выглядело это так, словно передо мной сидел маленький ребёнок, и у меня тут происходило ускоренное обучение на тему «как самому пользоваться столовыми приборами». Но Аньке было абсолютно насрать на наши мужские разборки и шутки. Почувствовав свободу, она просто стала жадно, быстро есть, работая ложкой и вообще не обращая ни на кого внимания.

Я только угрожающе погрозил Михе кулаком, и тот сразу поперхнулся собственным смехом, резко захлопнув рот.

— Никого я не дрессирую, идиот, — хмуро бросил я, пытаясь вернуть лицу привычное каменное выражение.

Ритка тем временем, не обращая внимания на наши мужские разборки, увлечённо копошилась в своих пакетах. Она аккуратно достала оттуда какое-то воздушное пирожное в прозрачной упаковке, быстро вскрыла её и ласково протянула десерт Ане:

— На, держи, это вкусно.

Реакция Ани была мгновенной и пугающей. Она резко, как атакующая кобра, дёрнулась всем телом вперёд и вце-

пилась Ритке в запястье. Пирожное выскочило из пальцев и шлёпнулось на стол. Аня тяжело дышала, дико, затравленно глядя сестре прямо в глаза.

Мы с Михой тут же синхронно напряглись, подорвавшись с мест. Моя рука инстинктивно легла на рукоять ножа, а Миха сделал шаг вперёд, закрывая собой жену. На кухне мгновенно запахло порохом.

— Эй, спокойнее, это просто еда, — твёрдо проговорила Рита.

Улыбка сошла с её лица, взгляд сделался колючим и взрослым. Она не попыталась вырвать руку, но её ладонь легла поверх Аниных пальцев, слегка сжимая их.

— И вообще, давай-ка полегче, — Рита свободной рукой выразительно указала пальцем себе на абсолютно плоский живот. — Я будущая мать. Там внутри маленький ребёнок. И если ты навредишь ему... поверь мне, девочка, я воскресну из мёртвых и убью тебя. А потом снова умру, найду тебя на том свете и буду убивать там очень долго и мучительно. И поверь, всё то дерьмо, что ты пережила в своём ангаре, покажется тебе цветочками. Ты поняла меня? Это ребёнок. Он вообще ни в чём не виноват.

Аня замерла, вслушиваясь в её жёсткий, звенящий голос. В её остекленевших глазах промелькнуло что-то похожее на осознание. Она медленно перевела взгляд на плоский живот Ритки, судорожно закусил губу и аккуратно, сантиметр за сантиметром, разжала свои тонкие пальцы, отпуская её руку.

— Прости... — едва слышно, сломанным шелестом прошептала Аня, утыкаясь взглядом в стол.

Я шумно выдохнул сквозь зубы и медленно опустился обратно на стул, косясь на сестру.

— Ты уверена, что все психологи работают по такой тактике, Рит? — глухо проговорил я, качая головой. — Угрожать девке с выжженным мозгом расправой на том свете — это сейчас в университетах преподают?

Рита резко нахмурилась, упирая руки в бока и сердито раздувая ноздри:

— Нет, не работают! А я работаю, когда моему ребёнку грозит беда, ясно тебе?! У меня сейчас гормоны, ранний ток-сикоз и чёртов запор, поэтому я дико злая! Не нарывайтесь на меня лучше оба!

— Боже мой... — я с силой зажал пальцами переносицу, чувствуя, как у меня начинает дёргаться левый глаз. — Мне-то, блять, зачем вся эта интимная информация про твои кишечные проблемы? За что мне это?

— Чтобы вы двое знали и не бесили меня! — отрезала малявка.

Миха, который до этого стоял бледный как смерть, карауля безопасность Риты, снова оглушительно заржал на всю кухню, утыкаясь лбом в плечо жены.

— Слушай, может, ты меня просто вырубишь, а, Макс? — сквозь хохот выдавил этот шрамованный выродок, косясь на меня. — Я заебался это слушать каждый божий день, честно.

Мои уши скоро в трубочку свернутся.

Рита резко развернулась к нему, наградив таким злым, испепеляющим взглядом, что Миха мгновенно подавился смехом. Он тут же обнял её за плечи, притягивая к себе, и виновато поцеловал в покрасневшую щеку.

— Малыш, я очень рад, безумно рад нашему мелкому, ты же знаешь, — быстро заторил он, пытаясь сгладить углы. — Но слушать за ужином про твой запор сил больше реально нет. Пощади мужиков.

Я посмотрел на эту нелепую, шумную семейную сцену, а потом перевёл взгляд на Аню. Она сидела тихо, сжавшись в комок, и упрямо ковыряла ложкой остатки остывающего мяса в тарелке. Ей этот мир живых людей с их глупыми бытовыми проблемами казался чужим и далёким.

Я не выдержал. Просто встал, подошёл к ней со спины, легко подхватил под мышки и перетащил к себе на колени, усаживаясь обратно на стул. Аня вздрогнула, но не отпрянула. Я крепко прижал её к своей груди, укрывая широкими ладонями её хрупкие плечи.

«Думаю, немного обычной человеческой нежности ей тоже не повредит», — мысленно оправдался я перед самим собой. Хотя кого я, блять, обманывал? Это нужно было мне. Именно мне, и никому больше. Мне жизненно необходимо было чувствовать, как её сердце бьётся сквозь мягкую ткань халата, как тепло её тела проникает сквозь мою футболку, доказывая, что она жива. Что я успел. Что мы оба ещё ды-

шим.

Миха с Риткой тут же притихли. Сестра тепло, понимающе улыбнулась, а шрамованный выродок лишь серьёзно кивнул, уважая эту внезапную тишину. Аня медленно расслабилась в моих руках, уронив голову мне на плечо, и её пальцы наконец замерли, перестав считать чужие секунды.

глава 9

Аня

Мы сидели в комнате, которая, как оказалось, принадлежала самой Рите. Светлая, тёплая, пахнувшая какими-то лавандовыми свечами комната. Рита опасливо, почти бесшумно ходила вокруг меня, то и дело инстинктивно поглаживая свой плоский живот. А я... я сидела на краю постели и чувствовала себя последней тварью. Настоящим чудовищем, которое всего полчаса назад на кухне едва не убило эту крошку в её животе. Дикая, животная вспышка паники заставила меня вцепиться в неё, и от этой мысли внутри всё болезненно сжималось.

Я даже не хотела сейчас смотреть на Олега. Он сидел в своём привычном углу, у самого шкафа, но вместо привычных тёплых слов говорил какую-то злую, бессвязную ерунду, упрямо перетягивая всё внимание на себя. Почему он стал таким? Раньше, в той, прошлой жизни, он никогда меня ни к кому не ревновал. Он был добрым, мягким, самым любящим человеком на земле. Что с ним стало теперь, когда он превратился в это окровавленное видение?

— Замолчи, — тихо, но резко шикнула я прямо в пустой угол. — Пожалуйста, помолчи.

Рита мгновенно замерла посреди комнаты. Её шаги стихли. Она медленно перевела взгляд в тот самый угол, нахму-

рилась, пытаюсь рассмотреть то, что видела я, а потом просто тяжело выдохнула и под села рядом со мной на кровать.

Она осторожно протянула руки и взяла мои ладони в свои. Я по привычке дёрнулась, пытаюсь вырваться, спрятаться в свой кокон, но Рита лишь упрямо нахмурилась, пододвинулась ещё ближе и снова крепко перехватила мои холодные пальцы.

Она что, совсем меня не боится? После того, как я едва не сломала ей запястье? После того, что со мной сотворили? Я медленно перевела на неё свой остекленевший взгляд.

— Послушай, — тихо, но очень твёрдо проговорила она, заглядывая мне в глаза. — Я знаю, что тебе тяжело. Знаю, что у тебя сейчас самый страшный, чёрный период в жизни. Но ты должна понимать одно. Мы... — она выразительно указала глазами на закрытую дверь спальни, явно намекая на мужчин, оставшихся внизу на кухне, — мы тебе не враги. Мы действительно хотим помочь. А Макс... — её лицо на секунду смягчилось, — он, скорее всего, хочет этого даже больше всех нас. Это ведь вообще он заварил всю эту кашу, — она обвела рукой просторную комнату. — Да, папа сначала сам приказал тебя забрать из того ангара, но он был уверен, что в клинике тебе помогут. Он не знал, что в этой закрытой психушке тебя просто сломают окончательно. И эти ублюдки в белых халатах... — она прошептала это, испуганно прикрывая ладонью живот, словно то, что росло внутри неё, могло услышать эти грязные слова. — Они ведь

тоже издевались над тобой, да? Максим что-то сделал с нами, правда?

Я судорожно втянула воздух через нос, чувствуя, как перед глазами снова вспыхивает багровая пелена.

— Я убила врача, — едва слышным, надломленным шёпотом произнесла я и трусливо опустила взгляд в пол.

Я отчётливо почувствовала, как пальцы Ритки на секунду крупно вздрогнули от моих слов. В комнате повисла удушливая тишина. Но не отпустила моих рук. Напротив, она сжала их сильнее.

— Ничего, — так же шёпотом отозвалась она, и в её голосе прорезалась глухая, жёсткая злость. — Уверена, эта сука заслужила. Не так ли?

От её неожиданных слов, от этого простого понимания по моим щекам хлынули горячие, удерживаемые до последнего слёзы. Нос заложило, а Олег в углу снова начал громко, настойчиво звать меня по имени, упрекая в том, что я плачу перед чужим человеком.

— Кого ты там видишь? — вдруг негромко спросила Рита, и я испуганно вздрогнула.

Я медленно перевела взгляд с угла на неё. Сердце колотилось как сумасшедшее.

— Это мой жених, — отозвалась я, с трудом сглатывая ком в горле. — Это Олег. И он... он ждёт меня там.

— Зачем ждёт? — нахмурилась Рита, внимательно вглядываясь в моё лицо.

— Мы должны быть вместе, — убеждённо, с какой-то фанатичной преданностью ответила я, глядя на силуэт любимого в темноте. — Мы ведь любим друг друга. Он зовёт меня с собой.

Рита долго молчала, переводя дыхание, а потом тихо, с глубокой грустью качнула головой:

— Я не понимаю этого, Ань. Знаешь... Если бы я искренне любила человека, я бы ни за что на свете, даже будучи мёртвой, не просила его умереть вслед за мной. Я бы хотела, чтобы он жил. Вопреки всему. Чтобы он дышал.

— Он сказал, что у него там спокойно... — упрямо проговорила я, продолжая смотреть на Олега, но его бледный образ от слов Ритки почему-то начал едва заметно пошатываться. — Он говорит, что там больше не больно.

— Рит! — вдруг истошно донёсся снизу, с первого этажа, громкий крик её мужа. Миха явно потерял свою благоверную и уже начинал паниковать.

Сестра раздражённо нахмурилась, закатив глаза к потолку:

— Ну вот, опять орёт. Он меня когда-нибудь точно с ума сведёт, — притворно заворчала она.

Глядя на её забавное, сердитое лицо, я вдруг почувствовала, как уголки моих губ сами собой дрогнули. И я впервые за этот долгий, бесконечный месяц слабо, но искренне улыбнулась.

Рита аккуратно потянула меня за собой, и мы вместе спу-

стились по широкой деревянной лестнице вниз, на первый этаж. На кухне было накурено, на столе громоздились пустые контейнеры из-под доставки.

— Малыш, нам надо доехать до одного места, — негромко проговорил Миша, косясь на меня и неловко переминаясь с ноги на ногу.

— И? — тут же с вызовом отозвалась Рита, скрестив руки на груди.

— Думаю, вам лучше поехать с нами.

— Зачем?

Но договорить они не успели. В этот момент входная дверь хлопнула, и в дом с улицы вошёл Максим. С его чёрной куртки ручьями стекала дождевая вода, на бледной щеке темнел свежий мазок грязи, но стоило ему увидеть меня, стоявшую на нижней ступени, как всё его хищное, жёсткое лицо в одно мгновение странно смягчилось. Лёд в глазах на секунду растаял.

— Ань, одевайся. Съездим кое-куда, — спокойно и ровно проговорил он, будто мы собирались на обычную прогулку, а не прятались от всего города. Он перевёл тяжёлый взгляд на парня и с силой пихнул Мишу кулаком в плечо: — А ты чё встал как вкопанный?

— Да я вот спрашивал, поедут ли они... — буркнул Миха, потирая ушибленное место.

— Чего ты там спрашивал? Надоел мямлить, ей-богу, — раздражённо отмахнулся Максим, проходя мимо него к ве-

шалке. — Ребёнок вырастет, не дай бог, такой же, как ты, придурок будешь. Нам только второго Михи в банде не хватало.

Он снова повернулся и в упор посмотрел на меня, выжидающе выгнув бровь.

— Ну? И чего мы стоим? Иди куртку бери. И кофту теплее надень, заебал уже этот бесконечный дождь на улице, простудишься ещё.

Я лишь растерянно поджала губы, переводя взгляд с Максима на Риту. В голове снова зашумело. Я всё ещё абсолютно не понимала, чего эти люди от меня хотят, куда меня везут и почему этот огромный, опасный мужчина так упрямо распоряжается моей жизнью. Паника лёгким шлейфом коснулась мыслей. Олег в своём углу у двери снова зашептал: *«Не ходи с ними, Аня. Они обманывают. Остаься»*.

— Чёрт... Ты чё, опять зависла, да? — глухо выдохнул Максим, заметив мой отсутствующий взгляд.

Он не стал орать или злиться. Он просто быстро подошёл ближе, бесцеремонно, но очень надёжно взял меня за кисть и упрямо повёл обратно вверх, на второй этаж — одеваться. Его ладонь была такой горячей, что этот жар мгновенно прошил меня до самых кончиков пальцев, заглушая злой шёпот Олега. В этот раз я даже не попыталась вырваться.

Максим быстро выудил из дорожной сумки тёплые вещи и положил их на застеленную кровать. Я сидела, обхватив колени, и смотрела на его широкую спину. Паника, тлевшая

внутри, всё-таки прорвалась наружу.

— Ты мне скажешь, куда мы едем? — мой голос прозвучал тихо, сдавленно. Я судорожно сжала пальцами ткань футболки. — Ты... ты меня снова повезешь в больницу?туда, к тем белым стенам?

Он тут же выглянул из ванной, где до этого чем-то шумел, переставляя баночки и бутылки на полках. Максим замер, оглядел меня своим тяжёлым льдистым взглядом, а потом и вовсе вышел оттуда, держа в руке небольшую женскую сумочку, туго набитую какими-то девичьими принадлежностями.

— Я, конечно, хоть и выгляжу как конченный урод, — глухо отозвался он, проходя вглубь комнаты, — но не настолько, чтобы везти тебя обратно в тот ад после всего, что случилось.

Он подошел ближе, размашистым движением сел предомной на корточки и небрежно бросил эту косметичку на покрывало, прямо рядом с вещами.

— Фил просит срочно съездить по кое-каким делам в город, — Максим хмуро заглянул мне в глаза, и его голос стал ещё ниже. — И оставить тебя здесь одну с Риткой я сейчас просто не могу. Мне так спокойнее. И за тебя, и за неё.

В его словах было мало романтики, это было даже немного неприятно — осознавать, что меня тащат за собой как балласт, потому что не доверяют моему поехавшему мозгу. Но с другой стороны, в его логике был смысл. После того,

как я едва не придушила его беременную сестру на кухне, оставлять нас двоих без присмотра в пустом доме было вершиной идиотизма.

— Давай, одевайся, — тут же скомандовал он, тяжело поднимаясь на ноги и расправляя плечи. На его лице снова появилась эта привычная, жёсткая уверенность хищника. — А потом мы кое-куда заедем по пути. Хочу устроить тебе одну мини-терапию.

Я проводила его взглядом до двери. Олег в углу у шкафа дико кричал, требуя, чтобы я выбросила эти вещи и никуда не ехала с живым Роговым, но его призрачный голос почему-то казался всё глуше и глуше. Я медленно протянула руку, взяла со стопки мягкую чёрную толстовку и принялась одеваться.

Я сидела на переднем сиденье, вжавшись в мягкую обивку и уставившись перед собой. За стеклом бесконечными, унылыми потоками лился дождь. На заднем сиденье Ритка весело щебетала о чём-то с Мишей, они смеялись, то и дело перешёптывались и шуршали пакетами. Глядя на них в зеркало заднего вида, я невольно, с корнем вырывая остатки рассудка, вспоминала свою прошлую жизнь.

Мы с Олегом были точно такими же. Беззаботными. Смешными. Сумасшедшими от своей наивной романтики. Я ведь до каждой мелочи помню, как мечтала о нашей свадьбе, как мы выбирали платье, как планировали поехать куда-нибудь к морю... А мои родители...

Тяжёлый, колющий ком намертво встал в горле, перекрывая кислород. В глазах полыхнуло багровым. Перед глазами, прямо поверх залитого каплями лобового стекла, со стопроцентной чёткостью вспыхнула та проклятая картина. Наша дача. Зелёная, сочная трава лужайки перед беседкой. И мои мама и папа... Они лежали там, в саду, с глубоко перерезанным горлом, а трава вокруг них медленно окрашивалась в густой, чёрный в темноте цвет.

Я тут же судорожно поджала губы, сдерживая рвущийся наружу крик. Горячие, крупные слёзы сами собой хлынули из глаз, обжигая щёки. Настоящая паника сковала дыхание, лёгкие будто сжались в сухую губку. Мой взгляд намертво заступорился на пластиковой дверце бардачка, пальцы начали рефлекторно подёргиваться, выискивая ритм секундам.

Мои родители... За что? Что я им всем сделала? За что они так поступили с нами? С моей семьёй, со мной, с Олегом?

— Эй, — негромко, но веско отозвался Максим, мимолётом поглядывая на моё побелевшее лицо сквозь полумрак салона.

Он не стал расспрашивать или читать нотации. Он просто убрал одну руку с руля, мягко, но настойчиво взял мою дрожащую ладонь в свою, перетащил её на своё плотное бедро и принялся медленно, успокаивающе поглаживать большим пальцем мои шрамы на запястье.

— Расскажешь? — тихо спросил он.

Но я не смотрела на него. Вообще не двигалась. Не хоте-

ла говорить, не хотела выдавливать из себя ни одного слова. Всё, чего мне хотелось — это просто помолчать. Забиться в самый тёмный угол, подумать и попытаться хоть как-то пережить это. А ещё лучше — вообще не жить. Да, так намного проще. Не хочу больше чувствовать эту адскую боль под рёбрами. Не хочу ничего вспоминать.

Я упрямо повернула голову вбок, уставившись в залитое ливнем боковое стекло, и вдруг замерла. Сердце пропустило удар, а потом бешено, скрежеща, заколотилось о грудную клетку.

По тротуару на другой стороне улицы, прячась под козырьками магазинов, шёл парень. Обычная куртка, капюшон, он лениво болтал по телефону, жестикулируя свободной рукой. Мой взгляд намертво прилип к его силуэту. Голова сама собой, словно на шарнирах, начала медленно поворачиваться вслед за его шагами — сначала к боковому стеклу, потом дальше, назад, до самого заднего стекла.

Я знала его. Парень, который всё время меня преследовал и передавал грязные сообщения от Романа. Роман... Он то и дело швырял своими деньгами, упиваясь безнаказанностью, а этот урод на той стороне улицы был его верной ручной собакой — ходил по моим следам и передавал его грязные, извращённые послания. Каждое из которых до сих пор выжигало мне душу.

— Что такое? — резко переменившимся голосом проговорил Максим.

Он мгновенно уловил моё оцепенение и тоже обернулся назад, пытаясь рассмотреть сквозь пелену дождя прохожего.

— Ты его знаешь?

Я лишь судорожно, в дикой панике отвернулась обратно к лобовому стеклу, сжимая пальцы в кулаки. В этой истерике я совсем забыла, что моя ладонь всё ещё лежит у Рогова на ноге. Я со всей силы, до хруста в суставах, сжала пальцами его бедро, вонзаясь ногтями сквозь джинсы в его мышцы.

Максим отреагировал как хищник. Марк II со свистом резины по мокрому асфальту тут же припарковался у обочины, едва не влетев в бордюр. Макс коротко, жёстко кивнул в зеркало Мише. Тот мгновенно посерьёзней, быстро чмокнул удивлённую Ритку в щёку и бесшумно вышел из машины, скрывшись в дожде.

— Кто это? — Макс развернулся ко мне всем телом, нависая над рулём. Его льдистые глаза опасно потемнели. — Аня. Кто это был?

Но я упрямо молчала. Просто смотрела прямо перед собой на дворники. Не хочу говорить. И не буду. Нахрен мне это надо? Это моя личная головная боль, мои призраки, я сама должна захлебнуться в этой грязи.

— Аня, мать твою, кто это?! — уже требовательнее надавил он.

Нахрен. Пусть идёт к чёрту со своими допросами.

— Сидите здесь, — леденящим шёпотом бросил Максим, выразительно посмотрев мне прямо в зрачки. — Посмеешь

выйти из машины — пожалеешь. Обещаю.

«Почему он опять мне командует? Кто он такой, чтобы запирать меня здесь?» — злая, глухая обида обожгла грудь.

— Макс, ну ты куда?! — тут же испуганно прикрикнула сзади Ритка, дёргая его за плечо.

Но тот лишь проигнорировал сестру, громко хлопнул тяжёлой водительской дверцей, прямо под ливнем достал из пачки сигарету и жадно закурил. Сделав одну мощную затяжку, он быстрыми, размашистыми шагами пошагал сквозь потоки воды на другую сторону дороги — туда, куда ушёл парень.

В салоне воцарилась удушливая тишина. Рита медленно перегнулась со своего сиденья вперёд, осторожно положила руку мне на плечо и тихо, умоляюще прошептала:

— Ань... Если ты правда знаешь, кто этот человек... лучше скажи мне. Пожалуйста. Макс ведь его сейчас...

Но она не договорила.

Сзади раздался резкий, тяжёлый скрежет — крышка багажника со скрипом взлетела вверх. Мы обе синхронно вздрогнули и обернулись. В следующую секунду в багажное отделение с глухим, корявым стуком сбросили что-то очень тяжёлое. Старый Марк II даже ощутимо прогнулся, скрипнув задними амортизаторами. Послышался хлёсткий хлопок закрывшегося железа.

Парни на улице совершенно спокойно, не торопясь, закурили свои сигареты, побросали бычки прямо в лужу и рассе-

лись по своим местам в салоне. Дверцы захлопнулись. Из открывшихся окон на нас тут же густо повеяло сыростью ночного дождя, бензином и едким табачным дымом.

— Ну, как дела? — довольно, почти хищно улыбнулся Максим, поворачиваясь ко мне всем телом и поглядывая на моё побелевшее лицо.

И прежде чем я успела хотя бы моргнуть или отсчитать очередную секунду, он просто нагнулся вперёд, перехватил мой подбородок и крепко, властно поцеловал меня прямо в губы. Его губы были холодными от уличного ливня и горькими от никотина, но от этого поцелуя у меня внутри словно предохранители сорвало. Он оторвался от меня, плавно провёл большим, мозолистым пальцем по моей щеке, стирая остатки моих слёз, и заодно подмигнул.

Я окончательно опешила. Воздух застрял в лёгких. Что это сейчас было? Что, с ним вообще такое? Куда делся тот хмурый, циничный палач из подвала?

— Сейчас повеселимся, — проговорил он, улыбаясь так широко и безумно, как никогда в жизни. Глаза его бешено горели азартом.

Он резко врубил передачу, рванул руль, и Марк с рёвом и пробуксовкой сорвался с места, вылетая обратно на пустую тёмную трассу.

— Ты знала, Ань, что ты у меня умница? — громко, сквозь гул мотора проговорил он, глядя только на дорогу и не поворачивая ко мне головы. — Чёрт, да ты просто чертов-

ски умная девочка! — он со всей силы от избытка эмоций победно ударил ладонью по рулю.

С заднего сиденья тут же оглушительно и весело рассмеялся Миша, довольно потирая свои ушибленные кулаки.

глава 10

Мы уже приблизились к особняку Фила. Дорога пролетала под колёсами моего автомобиля с бешеной скоростью. Дворники со скрипом металась по лобовому стеклу, едва справляясь с потоками ливня. По пути я набрал старику по сотовому — коротко, без лишних соплей обрисовал, что планы немного меняются и товар в багажнике требует отдельной, сугубо деликатной приёмки. Вдаваться в детали по телефону я не стал, Фил и так всё понял по моему рывку в трубку.

Аня периодически косилась на меня с пассажирского сиденья. Испуганно, затравленно, вжимаясь в Риткину толстовку, будто я прямо сейчас превращался на её глазах в одного из тех монстров, что караулили её в подвалах. Но меня это не волновало. Я был в полном, абсолютном бешенстве от дикого охотничьего азарта. В венах бурлил чистый адреналин, смешанный с запахом дешёвого табака.

Всего лишь один её испуганный, случайный взгляд в окно — и такая прекрасная, бесценная находка на грязном городском тротуаре. Оказалось, даже её глухое молчание способно говорить о многом. Я поймал себя на пугающей мысли: я был готов бежать за её грёбаным взглядом как преданная собачонка, вырывая глотки любому, на кого укажут эти остекленевшие зелёно-карие глаза. Это было нездорово. Это ломало весь мой хваленый цинизм и контроль, но мне было

наплевать.

Я до сих пор не знал, зачем я её поцеловал. Мои губы до сих пор горели от этого короткого, судорожного касания. Наверное, это напугало её до усрачки. А может, ей было противно до тошноты — прикоснуться к чужому мужику после всего, что с ней сотворили в том ангаре. Но в ту секунду мне просто наглухо сорвало крышу от ярости и радости. Мне до безумия, до дрожи в разбитых кулаках хотелось прикоснуться к ней, присвоить себе её первый осознанный проблеск реальности, доказать, что её мертвец в углу — ничто по сравнению со мной. Живым, злым и готовым ради неё пустить этот город на растопку.

Марк II с рёвом пролетел сквозь бесшумно открывшиеся металлические ворота особняка Филя и с сухим хрустом затормозил на гравии прямо у крыльца подвального корпуса. Сзади в багажнике что-то глухо заворочалось и жалобно заскулило. Наша «терапия» прибыла по адресу.

Когда Миша и Рита вышли из машины, я запер двери изнутри и повернулся к Ане. Она была натянута как струна, вжавшись в сиденье, а её пальцы судорожно комкали ткань куртки.

— Вообще-то, детка, терапия должна была быть совсем не такой, — глухо проговорил я, всматриваясь в её бледный профиль. — Я просто хотел вывезти тебя в одно тихое место за городом, погулять, разжечь костёр и пожарить маршмеллоу. Сделать что-то... нормальное. Но, думаю, то, что ждёт

нас сейчас, даже круче.

Я толкнул дверь, вышел под непрекращающийся ливень и, обойдя капот, открыл пассажирскую дверцу. Протянул ей руку. Аня несмело приняла её, ватно шагнула на мокрую траву и тут же проследила взглядом за парнями. Миха с Антоном уже выволакивали из багажника извивающееся, уродливое тело этого связного. Из его разбитого носа густо текла кровь, заливая подбородок и воротник куртки. Миша всегда любил портить чужие лица — видимо, сказывалась его собственная жажда мести за ту разукрашенную харю, с которой он ходил всю последнюю часть жизни.

Ублюдок вскинул голову и сквозь пелену дождя вдруг увидел Аню. Она мгновенно напряглась всем телом, растеряв последние остатки вменяемости, и буквально вжалась в меня, ища защиты. Я крепко приобнял её одной рукой, притягивая к своему боку и зарываясь пальцами в её влажные тёмные волосы, прижимая её голову к своей груди.

— Не бойся, детка. Он тебе больше ничего не сделает. Я обещаю, — леденящим шёпотом проговорил я ей в макушку.

— Аня! — истошно закричал ублюдок, хлюпая кровью и пытаясь вырваться из хватки парней. — Ты, сука!.. Ты должна была сдохнуть! Роман тебя из-под земли достанет!

Договорить он не успел. Миха с размаху вкатил ему коленом прямо под дых. Парень захлебнулся собственным криком, согнулся пополам, и парни поволокли его хнычущую тушу через открытые двери подвального корпуса.

Я заглянул Ане в глаза. В них горел огонь — туман диссоциации на секунду полностью отступил, обнажая чистую, концентрированную ненависть.

— Если хочешь, ты можешь просто посмотреть со стороны, что с ним будет, — тихо сказал я, фиксируя её взгляд. — Либо... ты можешь поучаствовать.

Она тут же вздрогнула, уставившись на меня в упор. В её голове прямо сейчас происходила невидимая ментальная битва. Она думала, размышляла, взвешивала... а потом медленно, но чертовски уверенно кивнула.

Мои губы сами собой расплылись в такой идиотской, коварной и безумной улыбке, какую я от себя никогда не ожидал. Какого хера я творю? По всем законам логики я, как нормальный мужик, должен был оградить её от этого дерьма, запереть в доме, защитить её хрупкую девичью психику. Но мне казалось, что только так сейчас будет верно. Она не должна быть жертвой. Она должна была сама, своими руками отомстить за каждую каплю своей боли, за свою растоптанную семью. А моя задача — быть её тенью. Опорой. Просто помочь и повести её дрожащую руку в нужном направлении.

— Я научу тебя, — прошептал я, склоняясь к её лицу так низко, что почти коснулся её холодного носа своими губами. — Пошли.

Мы вошли в подвал. Это помещение разительно отличалось от той спешно оббитой войлоком коробки, где Аня гни-

ла последние недели. Здесь царил стерильный, хирургический холод. В центре комнаты под яркой, бьющей по глазам неоновой лампой стоял тяжёлый железный стул, к которому Миха с Антоном уже привязывали этого ублюдка. Тот извивался, пачкая пол кровавыми соплями, но парни работали чётко.

Я крепко держал Аню за руку. Её пальцы были ледяными, но она больше не вырывалась. Я медленно провёл её в глубь комнаты, к массивному железному столу, и она тут же, словно замороженная, принялась разглядывать разложенные на металле инструменты. Здесь было всё: от хирургических скальпелей, зажимов и длинных игл до тяжёлых кастетов и пушек. Я аккуратно снял с её плеч куртку, но она даже не повела головой — её взгляд прилип к холодному железу, которое хищно блестело под светом лампы.

Я развернул её к себе лицом. Взял со спинки стула плотный чёрный прорезиненный фартук и накинул ей через голову, аккуратно завязывая тесьму на её тонкой талии.

— Не хочу, чтобы ты запачкалась, — негромко отозвался я, заглядывая ей в глаза. — С чего хочешь начать?

Аня посмотрела на меня с чистым, неподдельным недоумением. Ей казалось, что это какой-то сюрреалистичный сон. Я лишь мягко, ободряюще улыбнулся и повернулся к столу.

— Смотри.

Я взял со стола тонкий, идеально заточенный скальпель.

Сталь тускло звякнула.

— Ты чё, Макс, идиот, что ли, совсем?! — громом среди ясного неба раздался тяжёлый, злой голос Антона. Он стоял у дверей, скрестив руки на груди, и его лицо перекосило от искреннего возмущения. — Ты реально хочешь её во всё это дерьмо ввязать? Башку включи! У неё и так проблемы с головой, её месяц из петли вытаскивали, а ты её сейчас ещё сильнее доламываешь!

— Заткнись, Тох, — леденящим шёпотом огрызнулся я, даже не оборачиваясь к нему. Внутри всё вспыхнуло от глухого раздражения. — Если не замолчишь, проблема будет уже у тебя. Понял? Моя девочка в полном порядке.

Я снова перевёл взгляд на Аню. Зафиксировал её расширившиеся зрачки и задорно подмигнул ей.

— Я уверен, прямо сейчас она точно в полном порядке.

— Ты тоже больной, Макс, честное слово... Конченный психопат, — угрюмо отозвался Антон, сплюнул на кафель и вышел из комнаты, с грохотом захлопнув за собой тяжёлую железную дверь.

— Так вот, — как ни в чём не бывало начал я снова, приподнимая лезвие перед лицом Ани. — Это скальпель. Думаю, ты и так прекрасно знаешь, для чего он нужен.

Она медленно, едва заметно кивнула. Я стал постепенно, один за другим, показывать ей инструменты, ровным, почти лекторским тоном объясняя, что конкретно мы с ними делаем, для каких суставов они подходят и как глубоко нужно

вгонять сталь, чтобы человек подольше оставался в сознании.

Всё это время привязанный к стулу ублюдок дико, истощенно шипел, брызгал слюной и пытался крыть нас матом, пока Миха сзади со всей дури не затянул у него на ротовой полости плотную грязную тряпку. На подвальный этаж опустилось глухое мычание.

— Ну, Миха, зачем ты так сразу? — шутливо отозвался я, косясь на друга. — Дай парню высказаться.

— У меня вообще-то беременная жена наверху, если ты забыл, — хмуро буркнул Миша, завязывая тугой узел на затылке связного. — И её безумный запор, гормоны и токсикоз. Нам только её лишний раз нервировать не хватало, если этот петух тут ультразвуком заорёт.

Аня от этих слов внезапно замерла и смешно поджала губы, пытаясь сдержать рвущийся наружу нервный смешок. И это движение её лица снова меня дико, до дрожи в костях раззадорило. Она что, посмеяться хотела? Сквозь весь свой ад вспомнила Риткины кухонные тирады?

«Чёрт... Да, детка, смейся! — мысленно взмолился я, чувствуя, как адреналин бьёт по мозгам. — Смейся, это лучшая музыка для моих ушей».

— Ладно, — я резко посерьёзnel и повернулся к Михе. — Свободен. Дальше мы сами разберёмся.

Миша понимающе кивнул, бросил короткий взгляд на Аню и бесшумно вышел из палаты. Мы остались втроём.

Я дотянулся до края железного стола, нажал на кнопку старого диктофона, который зашипел, запуская запись, а затем аккуратно взял Аню за плечи и развернул свою девочку лицом к сидящему на стуле парню.

глава 11

Аня

Первым делом в мою ладонь вложили длинную, тонкую хирургическую иглу.

Стоило моим пальцам ощутить этот холодный металл, как в горле твёрдым комом встал удушливый спазм. Всё моё существо сжалось. Сколько... сколько таких чёртовых иголок вгоняли мне под кожу за эти проклятые недели? Раз за разом, день за днём. В ангаре, потом в этой стерильной клинике. После каждого укола по венам разливался вязкий, липкий дурман, туман поглощал мой разум, лишая воли. Тогда я не чувствовала физической боли. Но я до тошноты, до крика внутри ощущала то омерзение, которое со мной вытворяли, пока я лежала неподвижным овощем. А когда дурман спадал... приходила боль. Настоящая, рвущая на части. Бывали дни, когда я была настолько слаба и накачана химией, что даже мочилась под себя, не в силах доползти до края матраса.

От одного этого мимолётного воспоминания моё тело сковала дикая, крупная судорога. Челюсть свело, а пальцы рефлекторно сжали металл до белых костяшек. Время внутри меня замерло на отметке ноль.

— Не бойся, — мягко, едва различимо прошептал прямо над ухом голос Максима.

Его дыхание обожгло мокрую от пота шею. Он медлен-

но подошёл со спины, накрыл мою дрожащую кисть своей огромной, горячей и мозолистой ладонью. Осторожно, сантиметр за сантиметром, он потянул мою руку вперёд, в сторону привязанного к железному стулу Данила.

Данил Пожарский. Двадцать девять лет. Верная, цепная шестёрка мажора Романа Гурьянова. И последняя, самая конченная мразь этого грёбаного города.

Я размышляла об этом, глядя на то, как ублюдок дико дёргается на стуле, хрипя сквозь грязную тряпку на рту. Моя рука под плотным руководством Максима опустилась ниже. Остриё иглы коснулось тыльной стороны ладони Данила, привязанной к подлокотнику стула. Я повела рукой. Металл со скрипом поцарапал его кожу, оставляя за собой лишь бледную, быстро наливающуюся кровью красную полосу. Данил замычал, забился в путах, его глаза расширились от ужаса.

Шёпот Максима за спиной странно расслаблял меня. Успокаивал, будто вкалывал под кожу совершенно другое, спасительное лекарство. И — чёрт возьми — Олег впервые не приходил в свой угол. Его не было в этой комнате. Он мне был пока здесь просто не нужен. Ведь всё, что я сейчас делала — я делала ради него. Ради его памяти. Месть смывала его кровь с моих рук.

— Смелее, детка. Посмотри на него, он в полном ожидании, — снова вкрадчиво прошептал голос Максима, вибрируя где-то у меня в груди.

И я повернула к нему лицо. Чисто инстинктивно, упрямо, желая посмотреть на него в упор. Я хотела на него посмотреть. Лицо Максима оказалось так близко, что я видела каждую мелкую ссадину на его жёсткой коже, чувствовала, как от него пахнет табаком, дождём и мокрой кожей его куртки. А ещё я наконец-то, сквозь всю эту больничную химию и страх, отчётливо почувствовала его личный аромат. Приятный, густой хвойный запах с едва различимой, странной ноткой сладкой карамели. Этот контраст сбивал с толку.

— Он уже трепещет от ожидания, девочка моя, — тихо, со зловещей ухмылкой проговорил он, глядя мне прямо в зрачки.

От этих его слов по моей коже мгновенно, табуном пронеслись дикие мурашки. «Девочка моя»... Почему он меня так зовёт? Разве я давала ему на это право? Он что... присвоил меня? Счёл своей собственностью после того, как смыл с меня грязь в своей ванной? Или у него просто тип общения такой — со всеми бабами?

Эта мысль обожгла меня изнутри, я резко, судорожно дёрнула рукой, пытаюсь отстраниться. И в эту же секунду длинная хирургическая игла под весом моей ладони с сухим, влажным хрустом наполовину вошла в тыльную сторону ладони Данила. Прямо между костей.

Ублюдок на стуле мгновенно истошно зашипел, взвыл сквозь кляп и бешено заколотился в верёвках, выгибая спину дугой от резкой боли. Кровь тонкой струйкой брызнула

на металл подлокотника.

— Нежнее, детка. Чего ты так торопишься? — негромко посмеялся Максим, ни капли не удивлённый моей вспышке. Его ладонь продолжала надёжно фиксировать мои пальцы.

А я просто замерла, во все глаза уставившись на его руку. Я сделала это случайно. Не специально, честное слово. Но то, как тонкая стальная игла теперь упрямо торчала из его окровавленной плоти, покачиваясь в такт его судорожным вздохам... это зрелище внезапно придавало мне дикий, пугающий интерес. Пустота внутри меня начала заполняться чужой, заслуженной болью.

Максим, довольный моей внезапной смелостью, коварно улыбнулся и предложил мне правила этой игры.

— План действий такой, детка, — вкрадчиво проговорил он, не убирая ладони с моего плеча. — Я задаю вопросы. Но если тебе не нравится его ответ, или ты чувствуешь, что эта мразь нагло лжёт — ты выполняешь любое действие. Какое сама захочешь. Главное условие: оно не должно его убить или отключить. Просто пускай слегка подергается и побудоражит свои нервы. Идёт?

Я молча кивнула.

Максим подошёл к стулу и одним резким движением сорвал с лица Данила окровавленную тряпку. Ублюдок тут же судорожно вдохнул воздух и сразу, брызгая слюной, стал плескать в нашу сторону грязные, отборные оскорбления. Он орал, обещал сгноить нас в канаве, кричал, что Роман

скормит нас свиньям.

Но мы с Максом просто смотрели на него. Спокойно. Равнодушно. Словно перед нами был не человек, а пойманная в капкан бродячая собака.

— Не слушай его, детка, — лениво отозвался Максим, косясь на бьющегося в путах Данила. — Они всегда так громко ругаются, когда до усрачки боятся. Выбирай себе новую игрушку на столе, а я пока придумаю первый вопрос.

Я медленно повернулась к металлическому верстаку. Мой взгляд скользнул по рядам блестящих зажимов, скальпелей и игл, но остановился на другом. Тяжёлый армейский нож. Он лежал чуть поодаль от медицинского хлама. Обычное с виду оружие с широким матовым лезвием, но оно мне почему-то сразу чертовски понравилось. Я протянула руку, взяла его за рукоять и перевернула. На тёмном металле была грубая, старая гравировка — странные, глубоко нацарапанные чьи-то инициалы: «Р. А.».

Максим внимательно проследил за моим выбором. Заметив, какую именно вещь я взяла, он сначала сильно нахмурился, и в его льдистых глазах промелькнула тень какого-то старого воспоминания. Но уже в следующую секунду он снова коварно улыбнулся.

— Если хочешь, я потом тебе его подарю, — тихо сказал он, делая шаг ко мне. — Но только тогда, когда тебе станет совсем лучше. Договорились?

Я лишь коротко кивнула, не отводя взгляда от острого

лезвия. Сталь манила меня своей простотой. Она была честной. Намного честнее тех людей, что ломали мою жизнь.

— Итак, — Максим повернулся к привязанному Данилу, и его голос мгновенно налился свинцовой, убийственной тяжестью. — Вопрос первый. Где сейчас скрывается Роман Гурьянов? Нам нужен точный адрес его пентхауса или загородного клуба, в котором эта сука заперлась.

Данил на стуле дико, безумно оскалился, дёрнулся всем телом и просто грязно выругался, а затем со всей дури сплюнул кровью прямо под ноги Максиму.

— Пошёл ты нахуй, палач! Я тебе ничего не скажу! — проорал он.

Но я даже не обратила внимания на его крик. Я стояла, заворожённо разглядывая рукоять ножа, проводя подушечкой большого пальца по вырезанным буквам «Р. А.». В голове снова зашумело, уводя меня куда-то далеко от этого сырого подвала.

— Ань, — тут же негромко, но строго позвал Максим, и я крупно вздрогнула, возвращаясь в реальность. Он легонько коснулся моего локтя. — Ты немного отвлекаешься. Сосредоточься на цели.

Я виновато поджала губы и послушно кивнула.

— Попробуем ещё раз, — Максим сделал шаг ближе к стулу, нависая над связным своей огромной тушей. — Пожарский, не придуривайся. Твой хозяин Роман швыряет деньгами, а ты ради него тут кровью истекаешь. Давай адрес. Где

он?

Данил судорожно сглотнул, его глаза заметались по комнате, и он заговорил — слишком быстро, слишком заискивающе, пытаясь выдать фальшивую уверенность за правду:

— Его нет в городе! Клянусь вам, он улетел! Дня три назад собрал шмотки и рванул за границу, в Эмираты! Его не достать, слышите?! Он далеко!

Я посмотрела на его дрожащие губы, на то, как судорожно пульсировала жилка у него на шее, и кожей почувствовала: он врёт. Нагло, трусливо пытается выгородить своего мажора, чтобы мы отпустили его. Туман в моей голове окончательно рассеялся. Я медленно перехватила поудобнее рукоять армейского ножа с инициалами «Р. А.», сделала уверенный шаг вперёд и вплотную подошла к его привязанной фигуре.

Я медленно занесла матовое лезвие над его привязанной рукой, замирая в каких-то жалких миллиметрах от дрожащей кожи. Кончик ножа тускло поблёскивал прямо над его ладонью.

Данил судорожно втянул ноздрями воздух, уставившись на сталь. Он перевёл на меня безумный, умоляющий взгляд, в котором была трусость.

— Николаева... ты же не убийца, — хрипло, давясь собственной слюной и кровью, проговорил он. — Зачем тебе это дерьмо? Разве ты сможешь потом спокойно жить с мыслью, что ты... ты стала такой же тварью, как этот ублюдок Рогов?

Что скажут твои родители, Аня? Подумай о них!

Я тут же вся напряглась, качнувшись вперёд. Каждое его слово падало в меня раскалённым свинцом.

Данил заметил эту перемену. На его окровавленных губах даже промелькнула слабая, торжествующая ухмылка — этот дебил искренне подумал, что нащупал мою слабость и задел меня за самое живое. Да, он задел. Только просчитался с направлением.

— Да, Николаева... — зашептал он быстрее, ловя ртом воздух. — Они точно не будут тобой гордиться, если ты сейчас...

— Мои родители мертвы, ублюдок, — леденящим шёпотом прошипела я ему прямо в испуганное лицо.

И прежде чем он успел хотя бы моргнуть, я со всей дури вонзила нож прямо в его ладонь. Тяжёлое стальное лезвие с влажным хрустом пробило плоть, сухожилия и кости насквозь, выйдя с обратной стороны подлокотника. Нож пригвоздил его руку к железному стулу.

Данил заорал. Это был уже не человеческий крик — он взвыл так дико, истошно и оглушительно, что за закрытой железной дверью подвала наверняка вздрогнул Антон. Ублюдок заколотился в путах, его глаза едва не вылезли из орбит от болевого шока. От этого жуткого напряжения и страха у него между ног прямо сквозь штаны хлынула тёмная струя, и под железным стулом стремительно потекла воющая лужа.

— Упс, — лениво проговорил Максим за моей спиной, складывая руки на груди и с циничной усмешкой разглядывая мокрый пол под связным. — Слабоват паренёк. Обмо-
чился со страху.

Он подошёл ближе, бережно положил свою большую ладонь мне на плечо и мягко притянул назад, заставляя отпустить рукоять ножа.

— Детка, поаккуратнее, — негромко, с улыбкой пожурил он меня, и в его голосе сквозь суровость проскользнула чистая гордость за мои новые зубки. — Он от такой дозы адреналина может прямо сейчас и отключиться. Давай чуток нежнее. Мы ведь никуда не торопимся. У меня к этой мрази ещё очень много вопросов. А Роман Гурьянов сам себя из-под земли не выкопает.

Я тяжело, загнанно дышала, глядя на окровавленную рукоять, торчащую из его руки. По лицу всё ещё стекали капли, но туман в голове окончательно пропал. Я посмотрела на Максима — он спокойно достал из кармана новую сигарету и щёлкнул зажигалкой, ожидая, пока Данил перестанет выть и вернёт себе дар речи для следующего вопроса.

Я смотрела на Максима пристально, не отводя взгляда от огонька его зажигалки.

— Что такое? — негромко проговорил он, выпуская первую тонкую струю дыма. Его льдистые глаза внимательно сканировали моё лицо. — Тебя мутит от крови?

— Нет, — твёрдо проговорила я, чувствуя, как внутри на-

растает странная, лихорадочная смелость. Я указала глазами на пачку в его руке: — Можно мне тоже?

Максим нахмурился. Его тёмные брови сошлись у переносицы, а взгляд стал оценивающим, почти покровительственным.

— Не думаю, — проговорил он со своей привычной суровой хрипотцой. — Это же вредно для девушек. Тем более для таких хрупких.

Я лишь упрямо поджала губы, продолжая смотреть ему прямо в глаза и не делая ни шага назад. Максим замер. Он немного посмотрел на меня, изучая это новое, упрямое выражение на моём лице, потом перевёл взгляд на тлеющий кончик своей сигареты. На секунду в сыром подвале воцарилась тишина, сквозь которую пробивался лишь тяжёлый, прерывистый хрип Данила на стуле.

Максим медленно, глубоко затянулся, наполняя лёгкие крепким, горьким дымом. А в следующую секунду его свободная огромная ладонь резко, но удивительно бережно скользнула мне за шею, пальцы зарылись в мои волосы, притягивая мой затылок к себе. Он накрыл мои приоткрытые от удивления губы своими — горячими, сухими, пахнущими карамелью и табаком.

Это не было похоже на обычный поцелуй. Максим медленно, плавно выдохнул весь накопленный в лёгких никотин прямо мне в рот. Из-за абсолютной неожиданности я судорожно вдохнула этот горький, обжигающий дым глубоко

внутри себя. Тяжёлый влажный звук поцелуя эхом разнёсся по кафельным стенам подвальной комнаты. Мои пальцы инстинктивно взлетели вверх и вцепились в жёсткие края его расстёгнутой кожаной куртки, просто чтобы не упасть — колени в один миг превратились в кашу. По телу прокатилась волна такого дикого, парализующего тепла, какого я не чувствовала никогда в жизни.

Он медленно, нехотя отстранился, убирая руку от моей шеи. Его лицо оставалось в паре сантиметров от моего. Я сделала судорожный выдох, и сизая струя горького дыма плавно вырвалась из моих губ, растворяясь в холодном неоновом свете. Олег в своём тёмном углу закричал, забился в немом припадке ревности, но я впервые даже не повернула головы в его сторону. Его крик стал беззвучным.

— Нормально всё? — тихо, всматриваясь в мои расширенные зрачки, спросил Максим. В его голосе больше не было палача. — Голова не кружится?

— Немного... — прошептала я, всё ещё продолжая крепко держать его за края расстёгнутой куртки.

Моё сердце колотилось где-то в районе горла, а мир вокруг перестал казаться выжженной пустыней. В нём появился этот хвойный, карамельный запах мужчины, который только что переписал правила моего ада.

— Потрахайтесь здесь ещё, ублюдки... — внезапно раздался сзади захлёбывающийся, бешеный хрип Данила. Он корчился на стуле, брызгая кровью из пробитой руки. —

Твари... Суки конченные...

Мы с Максимом от этого крика синхронно, в одну секунду повернули головы в сторону привязанного связного. А потом так же синхронно перевели взгляды обратно друг на друга. И посреди этого мрачного, залитого чужой кровью подвала мы одновременно, коварно и весело рассмеялись.

глава 12

Максим

Если бы мне в самом начале всей этой истории сказали, что я буду до дрожи в костях, до безумия тащиться от девушки с тяжёлыми психологическими расстройствами — я бы просто послал этого сказочника нахер и без лишних слов сломал ему челюсть. Я всегда считал себя железобетонным. Циничным, расчётливым палачом, у которого вместо сердца — кусок выжженного гранита. Но теперь...

Я сидел на полу у кровати в полумраке спальни и тупо глядел на неё. Вспоминал, как в том сыром подвале, всего час назад, на её бледном лице впервые за весь этот проклятый месяц промелькнула слабая, но искренняя улыбка. Как она рассмеялась. Как забавно дёрнулись её веснушки у переносицы. Вспоминал сводящий с ума вкус её губ, когда я выдохнул в неё табачный дым. Мне всё это... чёрт меня дери, мне всё это казалось правильным. Настоящим. Тем единственным, чего мне, как оказалось, не хватало всю мою сознательную жизнь среди трупов и оружейной смазки.

Наверное, я в какой-то степени и сам окончательно рехнулся. А может быть, я давно уже был глубоко болен, просто до этого дня некому было достать эту дремавшую внутри черноту наружу. Хотел ли я её? Да. Безумно. Властно, грубо. Скрывать это от самого себя было глупо. Мне хотелось со-

рвать с неё этот халат, коснуться каждого сантиметра её чистой кожи, присвоить себе её мысли, её тело, её дыхание. Но зная её ситуацию, вспоминая, в каком жутком виде мы среза-ли её с мясных крюков в ангаре, я мысленно материл и ругал себя за эти грязные мысли. Насилия в её жизни хватило с лихвой. Я меньше всего на свете хотел стать тем ублюдком, который снова сломает её едва начавшую срастаться душу.

Я перехожу черту. Отчётливо чувствую, как с каждым днём срываю собственные тормоза и лечу в эту пропасть. Ведь изначально план был простым и понятным: я хотел просто помочь ей, вернуть к жизни, дать ей оружие и вместе отомстить мажору за её расстрелянную семью. А в итоге? А в итоге я сам погряз в ней по самые уши. За какой-то сра-ный месяц эта сломанная мёртвая девка стала моим возду-хом. Единственным чистым, свежим глотком в моём персо-нальном аду. Я засыпаю — и вижу её лицо, просыпаюсь — и первым делом проверяю, дышит ли она. Она стала моим личным, неотвязным призраком в голове. Наверное, точно таким же, каким для неё был её погибший жених.

Но в отличие от меня, она продолжала видеть своего мерт-веца взаправду.

Вот и сейчас, после нашей кровавой игры в подвале, когда мы знатно пересчитали рёбра связному Роману и выбили из него адрес загородного пентхауса, мы поднялись наверх. Аня послушно приняла душ, смыв с лица капли чуждой крови, и легла спать в тёплую постель. Я надеялся, что этот выброс

адреналина и первый шаг мести даруют её уставшему мозгу хотя бы несколько часов спокойного забвения.

Но хрен там. Мои надежды рассыпались в пыль.

Прошёл всего какой-то жалкий час. За окном всё так же монотонно и уныло барабанил бесконечный осенний ливень. Я сидел в кресле у окна, карауля её покой, как вдруг в тишине дома раздался знакомый, леденящий душу звук.

Тук. Тук. Тук. Тук.

Она резко заелозила в кровати, сбрасывая одеяло. Её указательный палец судорожно, с хирургической точностью принялся вбивать ритм в деревянную спинку кровати. А следом из её приоткрытых губ вырвалось прерывистое, безумное шептание, переходящее в сдавленный хрип: *«Олег... нет... не уходи... они близко... раз, два, три...»*

Её снова накрыло. Дико, судорожно, с потерей реальности. Проклятый психоз вернулся, выжигая всё то хрупкое тепло, что мы построили в подвале. И это было совсем не круто. Напряжение в комнате подскочило до предела, и я, медленно поднимаясь с пола, кожей почувствовал, как внутри меня снова просыпается злой, голодный зверь, готовый крушить стены.

Я подошёл к кровати и перехватил её бьющуюся руку.

Я сел на самый край кровати. Из окна пробивался блёклый, холодный лунный свет, разрезая полумрак спальни и ложась белыми полосами на одеяло. Аня не шевелилась — её остекленевший взгляд снова намертво впился в пустой тём-

ный угол у шкафа. Мне в эту секунду безумно, до скрежета в зубах хотелось пойти и набить рожу этому чёртову Олегу. Физически уничтожить мертвеца, разорвать его на куски, просто чтобы он наконец оставил в покое её разум. Из-за него она погибает. Каждый божий день сгорает в этом адском тумане, а я медленно и упрямо погибаю вместе с ней.

Я бережно перехватил её тонкие пальцы, переставшие стучать, и коротко поцеловал холодные костяшки. А потом, не выдержав этой дистанции, одним движением пересадил её к себе на колени, лицом к себе. Аня послушно, словно испуганный ребёнок, обвила руками мою шею и опустила голову мне на плечо, пряча лицо, а ногами крепко обхватила мою талию.

— Скоро они придут поиграть... — мертвенным, едва различимым шёпотом прошептала она мне прямо в шею. — Восемь... девять... десять...

Этот счёт всегда был одинаковым. Из ночи в ночь её личный кошмар прокручивался с точностью до доли секунды, и её фразы всегда падали именно в эти временные промежутки. Каждый чёртов день. Я за эти недели выучил её апокалипсис наизусть. Я уже знал, что ровно на 45-й секунде она зажмурится и прошепчет: *«Сегодня их трое»*. На 78-й её тело сведёт лёгкая судорога, и она выдавит: *«Нет, пятеро»*. На 91-й секунде она начнёт умолять Олега, чтобы он остался и не бросал её одну в этой темноте, а на 325-й — судорожно закричит, прося его уйти, чтобы он не смотрел, не видел того

омержения, что с ней вытворяют. Обычно она считала ровно до 965. На этой отметке она всегда безвольно выдыхала: «*Хочу умереть*» — и мгновенно засыпала тяжёлым, вязким сном. Видимо, именно на этой секунде ублюдки в ангаре кололи ей дозу, отключая сознание.

Но сегодня её сломанные часы впервые дали сбой.

Она монотонно шептала цифры дальше, перевалив за привычную грань. Время шло, а укол не наступал. Она посчитала до 1321, а потом её дыхание резко перехватило. Она замерла на моих коленях, медленно приподняла голову и со страхом, смешанным с безумной надеждой, заглянула мне в глаза.

— Почему они не идут?.. — тихо спросила она, и её нижняя губа задрожала. — Ты... ты прогнал их?

У меня внутри всё перевернулось и сгорело к едрене фене от её взгляда.

— Да, детка, — хрипло, со свинцовой тяжестью в голосе ответил я, крепче прижимая её к своей груди. — Я прогнал их. Навсегда. И я спасу тебя. Слышишь? Всегда спасу, из любого ада вытащу.

Я до боли, до хруста хотел, чтобы она мне верила. Чтобы этот живой Рогов вытеснил из её башки мёртвого Олега. И она... она верит. Кожей чувствую, как её хрупкое тело расслабляется в моих руках, она обнимает мою шею ещё крепче, отчаяннее. Аня начинает тихо, абсолютно беззвучно плакать. Моя чёрная футболка на плече быстро становится лип-

кой и мокрой от её слёз.

Я обнимаю её в ответ, теряя остатки своего хвалёного контроля. Зарываюсь пальцами в её тёмные волосы на затылке и начинаю покрывать её лицо поцелуями. Коротко, бережно, оставляя едва заметные, невесомые касания — целую её в висок, в лоб, в острые скулы и бледные щёки. Ласкаю губами её закрытые, дрожащие веки и, наконец, касаюсь её сухих губ.

Но стоит мне попытаться углубить поцелуй, приоткрыть её рот и забрать эту ночь себе, как Аня резко вздрагивает. Она упирается ладонями мне в грудь, отстраняется на расстояние вытянутых рук и испуганно качает головой.

— Нельзя... — шепчет она, пряча глаза, а по её лицу снова текут слёзы. — Я не могу, Максим... Он смотрит. Он сидит там и смотрит на нас. Он не рад... Я люблю его. Только его.

И я в этот момент просто сгораю от дикой, физической боли под рёбрами. Внутри всё выжигает дотла. Какая же это, сука, изошрённая пытка. Физически, телом она сейчас сидит на моих коленях, обнимает меня и ищет защиты у моей груди, но морально, всеми своими мыслями и выжженной душой она всё равно остаётся там. С ним. Навечно привязана к мертвецу. И осознавать, что я проигрываю войну призраку — это чертовски паршиво и больно.

Я молча сжал зубы, гася в себе ярость, и просто уткнулся подбородком в её плечо, продолжая держать её на руках в

холодном лунном свете. Нам обоим предстоял долгий путь через этот ад.

Когда она окончательно расслабилась и её дыхание стало ровным, я бережно переложил её обратно на кровать. Натянул до самого подбородка тяжёлое одеяло, укрывая её от прохлады.

Я поднялся, сделал несколько шагов к окну и со всей силы запустил пальцы в свои жёсткие тёмные волосы, судорожно, со свистом вздыхая. Бешеная, слепая злость затапливала сознание, катилась по венам раскалённой лавой. Внутри всё горело. Не выдержав этого удушливого жара, я рванул на себе чёрную футболку, сорвал её через голову и с остервенением швырнул на пол, в темноту комнаты.

После чего я медленно обернулся и в упор посмотрел на этот проклятый, пустой тёмный угол у шкафа. Шагнул туда, сокращая расстояние, и со всей дури, резко пиннул воздух, мысленно с пугающей отчётливостью представляя, как мой тяжёлый ботинок с хрустом ломает челюсть этому ублюдку Олегу.

Я точно сбрендил. Окончательно и бесповоротно съехал с катушек, если на полном серьёзе начал ревновать живую девчонку к грёбаному трупу. К картинке в её больной голове.

Я тяжело выдохнул через нос, пытаюсь унять дрожь в руках, скинул джинсы, оставаясь в одних боксерах, и вернулся к кровати. Залез под одеяло, ложась рядом с ней на мягкий матрас. Сегодня Аня спала в моей чистой чёрной футболке,

которую Ритка выудила из пакетов, и осознание этого приносило странное, эгоистичное удовлетворение. Хотя бы что-то материальное в её новой жизни сейчас было напрямую связано со мной. Моя вещь обнимала её кожу вместо меня.

Я придвинулся ближе, обхватил её за талию и плотно прижал её хрупкую спину к своей обнажённой груди, заставляя её согреться. Наклонился к её уху и едва различимым, но непреклонным шёпотом проговорил прямо в бархатистую кожу её плеча:

— Я не собираюсь уступать какому-то призраку, Ань. Слышишь меня? Не дождётся твой мертвец. Я смогу защитить тебя от любого ада. Я смогу защитить тебя, вытащить наружу и заставить дышать. А он — нет. Ему конец.

Я коротко, собственнически поцеловал её в плечо, закрыл глаза и провалился в тяжёлый, тревожный сон, продолжая мёртвой хваткой удерживать её в своих руках.

глава 13

Я очнулся в пустой постели. Ладонь машинально скользнула по простыне вправо, но наткнулась лишь на пустоту. С её стороны кровать была абсолютно холодной — значит, она ушла уже давно. Внутри мгновенно, с оглушительным треском сорвало все предохранители. Ошмётки сна улетучились из башки за долю секунды.

Я подорвался на матрасе, бешено дыша. Схватил с пола джинсы, натянул их на ходу и, наплевав на футболку и обувь, босиком бросился искать её по дому. Сердце колотилось в ушах как сумасшедшее. Мы остались в этом огромном здании только вдвоём — Миха увёз Ритку в город ещё на вчера. И этот факт пугал меня до усрачки. Я проспал всё на свете. Проявил слабость. Упустил контроль.

Я пулей влетел в ванную — пусто. С криком пронёсся по второму этажу — никого. Сбежал по деревянной лестнице вниз, ворвался в гостиную, проверил кухню и даже спустился в холодный подвал, где всё ещё стоял железный стул с засохшей лужей под ногами. Подвал был пуст.

«Куда она делась? Куда?!» — паника сдавливала горло, превращаясь в слепую, животную ярость. Если она нашла в доме хоть одну острую херню, если она сделала то, о чём просила каждую секунду...

Вдруг боковым зрением я заметил, что дверь, ведущая на

задний двор, приоткрыта. Из узкой щели тянуло сыростью и ледяным ветром. Я рванул её на себя и выскочил на крыльцо прямо босиком. Сделал пару шагов и замер, шумно выдыхая сквозь зубы.

Аня сидела на нижней ступеньке крыльца, прямо под накрапывающим дождём. На её хрупкие плечи была накинута моя огромная, тяжёлая кожаная косуха, в которой она буквально утопала, а в тонких, дрожащих пальцах дымилась сигарета. Чёрт меня дери... Я чуть с ума не сошёл за эти пять минут. Век бы не подумал, что смогу так сильно испугаться за чужую жизнь.

— Ань, какого хера?! — хрипло, сорванным шёпотом проговорил я.

Я быстро пересёк расстояние между нами, наступая голыми ступнями на сырую, холодную землю, наклонился и резко вырвал тлеющий окурок из её пальцев, швыряя его в мокрую траву. Она даже не вздрогнула от моего резкого движения. Медленно, со скрипом подняла голову и посмотрела на меня снизу вверх. Снова это проклятое, мёртвое стекло в глазах. Полная диссоциация. Разум опять улетел в её персональный ад.

Я скользнул взглядом ниже и заметил валявшуюся у её ног пустую стеклянную бутылку из-под моего дорогого виски, который я оставил на кухонном столе. Бутылка была вылизана дочиста.

— Ты что, пьяная? — глухо переспросил я, чувствуя, как

желваки ходят ходуном. — Чёрт, да что нахрен с тобой опять не так?! Всё же нормально было. Ты улыбалась, Аня!

Она ничего не ответила. Просто отвернулась, упрямо уставившись мёртвым взглядом куда-то в пространство перед собой, между сосновых стволов. Её губы судорожно, едва заметно зашевелились, выплёвывая в сырой воздух беззвучные слова. Она снова считала секунды. И в этой пустоте перед ней снова стоял её Олег. Опять этот грёбанный мертвец встал между нами, забирая её у меня.

— Слышь! — я в ярости вцепился в её плечи, обтянутые моей курткой, и одним резким движением дёрнул её на себя, приподнимая со ступени и заставляя встать на ватные ноги. — Слышишь меня?! Скажи своему чёртову Олегу, чтобы он катился нахрен из твоей башки! Поняла меня?! Катился нахрен!

Я тряхнул её, удерживая за талию, чтобы она не рухнула на землю. Моё лицо было в паре сантиметров от её бледных, пахнущих алкоголем губ.

— Ты моя. Слышишь? Моя и только моя! — со всей дури, теряя остатки рассудка, проорал я ей прямо в лицо. — Его больше нет, Аня! Он сдох! Он на том свете и он не смог тебе помочь! Он не спас тебя и не спасёт сейчас! А я могу, ясно тебе?! Я могу! Всё, что ты захочешь, я тебе дам! Любые головы к твоим ногам швырну! Только не проси меня о смерти, слышишь?! Не смей просить о конце!

Я крепко прижал её к своей обнажённой груди, чувствуя,

как её холодное тело дрожит в моих руках.

— Я не дам её тебе, — леденящим шёпотом, задыхаясь от собственной слабости, закончил я прямо ей в висок. — Смерти ты от меня не дождёшься. Я дам тебе жизнь. Нормальную, чистую жизнь. И ты... ты тоже дай её мне. Дай мне повод остаться человеком. Я дышу тобой, дура, как же ты этого не поймёшь?!

Аня безвольно повисла на моей шее, пряча лицо в моих плечах. Она плакала — беззвучно, горько, вздрагивая всем телом, а капли холодного дождя стекали по моей голой спине, остужая раскалённую ярость. Я выиграю эту войну у её мертвеца. Чего бы мне это ни стоило. Даже если ради этого мне придётся сжечь собственную душу дотла.

Я занёс её обратно в спальню, и она почти сразу отключилась прямо у меня на руках. Осушить в один присест целую бутылку крепкого пойла для её истощённого, измученного тела — это была настоящая, чистая катастрофа. Я аккуратно уложил её на кровать, сбегал в ванную и поставил пластиковый таз прямо у края матраса. Мой внутренний расчёт подсказывал: с вероятностью процентов в девяносто вся эта алкогольная дрянь очень скоро попросится наружу, организм просто не выдержит интоксикации.

Спустившись вниз, я поставил чайник. Заварил себе крепкий, чёрный как ночь кофе без сахара. Пока я стоял у окна, глуша обжигающий напиток огромными глотками и пытаюсь унять дрожь в пальцах, меня внезапно осенило. Одна бешен-

ная, дикая идея ударила в голову с силой пули.

Я швырнул пустую кружку в раковину и помчался в одну из дальних комнат, где валялись старые, неразобранные коробки. Эти вещи привезли сюда ещё пару лет назад, когда я только выкупил дом. Я принялся с остервенением рвать скотч, вываливая всё содержимое коробок прямо на пол, судорожно ища то, что засело в памяти. Хлам, старые журналы, шнуры... И да. Сука, да!

На самом дне лежали старые, массивные настольные часы в деревянном корпусе. Я крутанул шестерёнку, проверил ход — механизм заскрежетал, маятник качнулся, пружина сработала. Работает.

Я быстро вернулся в спальню, подошёл к спящей Ане и с глухим стуком поставил эти часы на тумбочку прямо рядом с её головой. В обычной жизни они меня всегда дико, до зубовного скрежета бесили — тикали слишком громко, навязчиво, этот мерный стук над ухом ночью раздражал до крайности. Но ей... я искренне надеялся, что этот громкий, механический ритм поможет. Пусть вечно бьёт по её воспалённым нервам. Хотя бы пальцы свои в кровь сбивать не будет о деревянную спинку койки. Пускай ведёт свой чёртов счёт под эти часы, раз ей так жизненно необходимо за что-то цепляться в темноте.

После этого я повернулся к её любимому тёмному углу между шкафом и стеной. Желваки на челюсти заходили ходуном. Я подошёл к тяжёлому шкафу, упёрся в него плечом

и, хрипло рыча от напряжения, с силой придвинул его вплотную к стене. Массивная мебель со скрипом прочертила паркет и перекрыла проклятое пространство. Мысленно я с диким наслаждением представлял, как этот шкаф впечатывает в бетон и в щепки расплющивает башку Олега, размазывая его призрачные мозги по стене.

«Ты хочешь, чтобы я с ним воевал? — зло подумал я, тяжело дыша и глядя на закрытый угол. — Да я скоро сам с катушек съеду, начну видеть твоего призрака наяву и лично пристрелю его во второй раз за то, что эта мёртвая тварь пытается тебя у меня забрать. Пусть катится куда подальше. Живым нужны живые. А мёртвым — ничего».

И, конечно же, как я и ожидал, чуда не произошло. Аня резко дернулась на кровати, её перекосило, и из горла вырвался рвотный спазм. Я едва успел подставить таз, перехватывая её за лоб и придерживая волосы, пока её организм судорожно очищался от виски.

Когда её окончательно отпустило и она в изнеможении рухнула обратно на подушки, тяжело ловя ртом воздух, я аккуратно вытер её подбородок салфеткой. Наклонился к самому её уху и леденящим, тихим шёпотом проговорил:

— Ещё хоть раз притронешься к моему дерьму и наклюкаешься как малолетний подросток — я тебя накажу, Ань. Лично. Поняла меня? Больше никаких поблажек.

Я укрыл её одеялом, вынес таз и сел в кресло напротив, слушая, как комнату методично, громко и глухо заполняет

тяжёлый механический стук настольных часов.

Пол дня я просто просидел в кресле, прилипнув взглядом к её бледной фигуре на кровати. Мои собственные нервы были натянуты так, что в ушах звенело, и я сам уже, нахрен, под это громкое, дебильное тиканье часов на тумбочке начал мысленно считать долбанные секунды. Раз, два, три, сорок, сто... Безумие Ани медленно, но уверенно переползало в мою собственную голову, заражая кровь.

— Максим... — вдруг едва различимым, сорванным шепелестом прошептала она.

Я тут же подорвался с места, едва не опрокинув кресло, и в два шага оказался у кровати, опускаясь перед ней на колени.

— Детка? — хрипло позвал я, вглядываясь в её лицо. — Я здесь.

— Максим... — снова повторила она, но её ресницы даже не дрогнули.

Спит. Мать твою, она спала, запертая в глубине своего очередного кошмара, но звала уже не Олега. Она звала меня. Внутри меня всё болезненно сжалось, а в груди заворочался тяжёлый, горячий ком. Я сел на край матраса, не сводя с неё глаз.

— Максим, где ты... — опять прошептала она, и её голова судорожно заметалась по подушке. Тонкие пальцы впились в простынь, сминая ткань. — Просту тебя... где ты... помоги мне...

Она металась, задыхаясь от невидимого страха, а я внутри просто выл от бессилия. Я не выдержал этого зрелища, схватил её за плечи и слегка потряс прямо на постели, пытаюсь выдернуть её разум из этой липкой темноты.

— Я здесь, Ань! Я рядом! Всегда рядом, слышишь?! — рычал я, сжимая её плечи. — Очнись, мать его, открой глаза!

Она резко, судорожно распахнула веки, шумно хватая ртом воздух, словно только что вынырнула из ледяной воды. Её дикий, блуждающий взгляд на секунду замер на моём лице, и в следующую секунду Аня резко подскочила на кровати. Она вцепилась пальцами в мою обнажённую грудь, раздирая кожу ногтями, будто тонула и пыталась удержаться за меня, как за единственный спасательный плот.

Я тут же подхватил её хрупкое, дрожащее тело к себе на колени, вжимая в себя и укрывая своими огромными руками от всех призраков этого мира.

— Я здесь, — леденящим, сорванным шёпотом повторил я ей прямо в мокрый от слёз висок, зарываясь пальцами в её растрёпанные волосы на затылке. — Я здесь, маленькая моя. Больше никто к тебе не прикоснётся. Я держу тебя.

Она судорожно дышала мне в шею, содрагаясь всем телом от беззвучных рыданий, а громкие настольные часы на тумбочке продолжали методично чеканить секунды.

глава 14

Аня

Я сидела на кровати, изо всех сил прижав к себе колени, и смотрела в угол. Точнее, туда, где раньше был тёмный, манящий провал между стеной и деревом, а теперь в упор стоял массивный дубовый шкаф.

Там никого не было. Вообще никого.

Я испуганно перевела взгляд в другой угол спальни, где сиротливо стояла вешалка для одежды — и там тоже было пусто. Посмотрела в третий, где красовался изящный туалетный столик с зеркалом — нет. На тумбу, на которой теперь стояли и оглушительно, тяжело били по барабанным перепонкам массивные часы — пусто.

Куда он делся? Неужели он бросил меня? Оставил здесь одну, растворился в темноте из-за того, что я... из-за того, что я трусливо ищу спасения и тепла в руках другого мужчины?

— Где ты?.. — едва слышным, испуганным шёпотом выдавила я в пустоту комнаты. — Прошу тебя, ну где ты? Олег...

Но в ответ мне была лишь тишина, разрезаемая методичным, безжалостным стуком маятника.

Раз... два... три... — мысленно попыталась посчитать я, прислушиваясь к часам. Нет, не то. *Четыре... пять...*

шесть... — пальцы рефлекторно дёрнулись, пытаюсь нащупать привычный ритм капель из ангара. Нет. *Семь... восемь... девять...* — счёт сбивался, громкое тиканье на тумбочке путало мысли, не давая зацепиться за привычный кошмар.

— Ань, пошли поедим, — дверь спальни тихо скрипнула, и в комнату уверенным шагом зашёл Максим.

Я замерла, глядя на его широкие плечи. Настоящий ужас и стыд накрыли меня с головой. Я предала своего любимого. Предала Олега. Где он сейчас? Почему он молчит? Я безумно, до дрожи в суставах хотела снова увидеть его окровавленное лицо в углу, услышать его упрёки — только бы знать, что он не ушёл навсегда.

— Ань? — Максим тихо окликнул меня, заметив мой дикий, блуждающий взгляд.

Он спокойно подошёл и сел на край матраса. И я... я снова, подчиняясь какому-то странному, животному инстинкту, сама перебралась к нему на колени. Это уже становилось пугающе привычным: обвила руками его мощную шею, пряча лицо и утыкаясь носом в его горячую кожу. С ним было безопасно. С ним призраки отступали.

— Он ушёл... — разбитым, надломленным шёпотом прошептала я ему прямо в шею. — Почему он ушёл, Максим? Ты его прогнал? Зачем... зачем ты это сделал? Ты ведь прекрасно знаешь, что я не могу без него. Он — всё, что у меня осталось от прошлой жизни.

— Я никого не прогонял, — ровным, глухим голосом ото-

звался он, и его ладони надёжно легли мне на поясницу. — Просто небольшую перестановку в комнате сделал. Шкаф передвинул. Он у тебя что, любит только этот конкретный угол? — Максим криво, едва заметно усмехнулся.

Я сердито нахмурилась, сильнее утыкаясь ему в плечо. Почему он шутит и скалится, когда я так смертельно серьёзна? Когда у меня внутри всё буквально рвётся на части от боли и потери?

— Пойдём есть. Я умираю с голода, — проговорил он, прерывая мои мысли.

И прежде чем я успела что-то возразить, Максим легко подхватил меня под бёдра и уверенным, размашистым шагом понёс вниз по лестнице.

Я немного смутилась, рефлекторно обвивая его талию ногами, чтобы не соскользнуть. В этот момент до моего воспалённого мозга наконец дошло, в каком виде я нахожусь. На мне была только его огромная чёрная футболка, которая едва доходила до середины бёдер, и больше ни-че-го. Ритка, добрая душа, прислала мне из магазина кучу нижнего белья, но все эти кружевные комплекты были такими крошечными, что едва прикрывали зад.

С одной стороны, это было странно и здорово — глубоко внутри меня впервые за месяц проснулась обычная девушка, которой захотелось надеть что-то по-настоящему красивое, новое, дорогое. А с другой... мне было дико, невыносимо стыдно перед ним. Кожа буквально горела, покрываясь

мурашками в тех местах, где его ладони касались моих бёдер.

Но, судя по его спокойному, сосредоточенному лицу, Максим вообще не переводил эту ситуацию во что-то пошлое или запредельное. Он держал меня крепко, но без грязного подтекста. После того проклятого ангара мне казалось, что абсолютно любой мужчина трогает моё тело только потому, что хочет им воспользоваться ради своей минутной животной утехы. Но Рогов был другим. Он ломал мои страхи одним своим существованием.

Он занёс меня на просторную кухню, аккуратно усадил на высокий барный стул у острова и сразу направился к холодильнику, распахивая тяжёлую дверцу.

— Ты умеешь готовить? — спросил он, оборачиваясь ко мне и выуживая из недр полки какие-то пакеты с продуктами.

Я молча, неуверенно кивнула. До трагедии я любила готовить для... для семьи.

— Тогда можешь что-то приготовить? — Максим мягко, как-то совсем по-доброму улыбнулся, глядя на меня сквозь растрёпанную тёмную челку. — Я реально умираю с голоду. Просто если у плиты встану я, то мы точно ничего не поедим, а только переведём продукты и выкинем всё в мусорное ведро. Я в этом плане абсолютно безрукий.

Я лишь тяжело вздохнула, аккуратно помассировала пальцами ноющую от похмелья голову. Ещё раз машинально по-

вернула шею, осматривая углы кухни в бесплодных поисках багрового силуэта Олега. Вокруг было чисто. Тихо. Никого.

Я медленно сползла со стула, поправляя подол его длинной футболки, подошла ближе и вместе с Максимом заглянула в прохладное нутро забитого едой холодильника. Мир живых людей упрямо заставлял меня делать свой следующий шаг.

Мы сидели за столом, когда ужин уже подошёл к концу. Максим довольно, с каким-то диким аппетитом уплетал приготовленную мною еду — словно его вообще никогда в жизни нормально не кормили.

И тут в дом с шумом ворвалась наша Маргаритка, а следом за ней — жутко злой Миша. Он снова тащил в охапке кучу каких-то новых чемоданов и пакетов, беспрестанно бурча себе под нос, что живота у неё даже ещё не видно, а они уже скупили половину детских магазинов в городе.

— Да прекрати ты ворчать! — вскинулась Рита, на ходу скидывая туфли. — Если ты был не готов к семье, не нужно было вообще этого делать. Сейчас бы ходила с девчонками в клуб, свободная и счастливая!

— То есть со мной ты, блять, не счастлива?! — тут же возмутился Миша, с глухим стуком в сердцах бросая все пакеты прямо на пол в прихожей.

— Поаккуратнее там, слышь! Там же ходунки! — прикрикнула на него сестра. — Ой, привет, — Рита мгновенно сменила тон, заметив нас, быстрыми шагами подошла к сто-

лу и без лишних церемоний беспардонно стащила с тарелки Максима последний сочный кусочек мяса.

— Эй, это моё! Руки убрала! — тут же возмутился Рогов, нахмурившись и несильно шлёпнув её по пальцам. — Это мне приготовлено!

— Ого... Ты что, готовить научился? — Рита удивлённо вскинула брови и звонко рассмеялась, отправляя добычу в рот.

— Нет, — буркнул Максим с набитым ртом, а потом быстро запил еду остатками остывшего кофе. — Это Анютка приготовила, — он снова набил рот, даже не глядя на меня, всецело занятый попытками перехватить уворованное Ритой мясо.

— Жадина же ты, братец, — фыркнула Рита, а затем перевела свой тёплый, серьёзный взгляд на меня. — Ань, раз уж ты наконец-то пришла в себя... мне очень нужна твоя помощь наверху с этими детскими коробками. Поможешь разложить?

Я лишь молча, послушно кивнула.

Максим в это время как раз шумно доел последние крошки. Я поднялась со своего стула и как-то совершенно по привычке — словно делала это всю свою сознательную жизнь, а не знала его какой-то жалкий месяц — забрала его пустую грязную тарелку и кружку. Повернулась к раковине и тут же начала мыть посуду, пустив тёплую воду.

— Спасибо, детка, — негромко, бархатным голосом про-

говорил Максим прямо мне в затылок.

В следующую секунду его огромная, тяжёлая фигура выросла позади. Он нежно, но очень властно приобнял меня со спины за талию, утыкаясь подбородком мне в плечо, и коротко поцеловал в раскрасневшуюся щёку.

— Я думал, реально с голоду сдохну, пока их дождусь, — глухо добавил он.

— Пожалуйста... — едва различимо отозвалась я, густо краснея от его близости и сильнее сжимая в руках мыльную губку. Кожа в местах его прикосновений снова пугающе загорелась.

— Эй, Макс, хорош там титьки мять, у нас вообще-то дела! — недовольно прикрикнул из коридора Миша, гремя замками на сумках.

Максим лишь свирепо рыкнул на него, не разжимая своих объятий, и сильнее зарылся носом в мои тёмные, пахнущие ванилью волосы на шее.

— Обещаю тебе, Ань... я когда-нибудь точно прикончу этого ублюдка, — сквозь зубы прошептал он мне в кожу.

После чего он поцеловал меня в шею ещё раз — крепко, собственнически прижимая моё тело к своей обнажённой груди, и очень неохотно отпустил. Развернулся и громко, на весь дом крикнул Мише, что если тот оторвал его ради какой-то очередной херни, то его башка этой же ночью будет летать по двору вместо футбольного мяча.

Мы сидели с Ритой в комнате, которую они с Мишей ре-

шили сделать детской. Здесь уже вовсю пахло свежим ремонтом и новой мебелью: у стены стоял аккуратный комод, просторный шкаф, стеллаж под будущие игрушки и маленькая кроватка, бережно накрытая белой простынёй от пыли. Рита деловито доставала из пакета крошечные пластиковые вешалки и открыла огромный чемодан, доверху набитый детскими шмотками.

Я долго смотрела на это обилие вещей, а потом тихо спросила, зачем она столько накупила уже сейчас. Ведь ещё слишком рано, она даже пола ребёнка не знает.

— Потому что я живу сейчас, Ань, — грустно улыбнулась Рита, не прерывая своего занятия. — И хочу всё это чувствовать сейчас. Я думаю о будущем, понимаешь? Потом этого всего может не быть. Либо станет слишком дорого, либо у меня просто пропадёт желание самой ходить и выбирать. А я хочу сама. Знаешь... — её голос вдруг стал совсем тихим и надломленным. — Иногда мне кажется, что мой ребёнок вообще не родится. Страшно до безумия. Словно что-то случится и погубит его. Мне порой жутко осознавать, среди каких людей я живу и какое дерьмо творится вокруг. Враги всегда наступают на пятки, караулят в темноте... Но... — она запнулась, смахнув невидимую пылинку с комода. — Я доверяю им полностью. И Макс, и Мише. Они готовы землю жрать, костями лечь, но нас в обиду не дадут. Эх, ладно, чего это я о грустном! Давай, развешивай одежду на плечики, а я буду складывать в шкаф.

Я послушно кивнула и принялась помогать. Но каждый раз, когда я брала в руки очередную вещь, я замирала, подолгу разглядывая её. Микроскопические бодики, крошечные кофточка, штанишки, забавные мягкие царапки для младенцев... Неужели дети реально бывают такими крошечными? Это казалось чем-то невероятным.

Я ведь тоже когда-то мечтала о девочке. До того ада. А Олег безумно хотел мальчика. Мечтал, как будет водить его на футбол, учить пинать мяч, а я планировала отдать дочку на танцы... Но я никогда не рожу ему ребёнка. Да и смогу ли я когда-нибудь вообще родить? Нет. Конечно, нет. Моя миссия в этом мире теперь проста — отомстить всем ублюдкам до единого, а потом я со спокойной душой направлюсь к своему любимому. Ему там одиноко.

Я снова мимолётом попыталась найти взглядом Олега в углах детской, но там царила звенящая тишина. Никого. Я продолжала монотонно вешать одежду, разглядывая каждую деталь.

— Они очень красивые, — тихо проговорила я, проводя пальцем по мягкой ткани.

— Тогда я оставляю их потом тебе, — подмигнула Рита, пытаясь разрядить обстановку. — Дети ведь быстро растут. Им... — она на секунду запнулась, критически осматривая гору вещей. — Да я вообще не думаю, что мы всё это сносить успеем! Я просто с дуру нахватала всего подряд. Ну и чтоб Мишу позлить, если честно. Он меня там в магазине

так взбесил! Стоял с постной миной и не мог подсказать, что лучше, вот я и сгребла с полок всё, на что взгляд упал. Глаза просто разбегались. Я не уверена, что я...

— Конечно, уверена, — тут же перебила я её.

— Поверь, — Рита мягко коснулась моего плеча. — Ты тоже скоро будешь в полной норме. Заведёшь семью, родишь ребёнка, и всё это прошлое забудется как страшный, уродливый сон. Необязательно ведь помнить любимых именно по последнему, страшному кадру, Ань. Знаешь... мёртвые вообще не любят, когда их вспоминают исключительно через боль и грязь. Можно ведь просто помнить те моменты, где ты была по-настоящему счастлива. Как вы смеялись, как собирались всей семьёй на Рождество... И... — она сделала глубокий вдох. — Ты можешь продолжать любить своего Олега. Но при этом — любить другого человека. Живого. Это не предательство, Ань. Мёртвого воскресить нельзя, но живой человек — должен жить. Ради тех, кто уже сам не может этого сделать. Думаешь, если бы Олег оказался на твоём месте, он бы лёг в могилу? Нет. Он бы жил за вас обоих. Вот и ты живи. Ради этого.

Она с улыбкой помахала в воздухе потрясающе красивым, крошечным девичьим платицем из нежного розового хлопка, покрутила его перед моими глазами, а потом вдруг сунула его мне прямо в ладони:

— А знаешь что? Это платице — тебе. Твоей будущей дочке. Хочу, чтобы у меня родился мальчик, а тебе желаю де-

вочку. Они будут дружить, и мой маленький защитник станет оберегать твою принцессу. Она ведь будет помладше и невероятно красивая.

От этих слов по моей щеке мгновенно покатилась жгучая, горячая слеза. Я посмотрела на это крошечное розовое платице в своих дрожащих руках и судорожно всхлипла, качая головой. Сердце сжалось от дикого страха.

— Я не смогу, Рит... — выдохнула я, и голос мой сорвался. — Всё будет плохо. Что... что если я наврежу собственному ребёнку? Что если всё это дерьмо снова вернётся, я опять впаду в свой безумный транс, а у меня на руках в этот момент будет беззащитная малышка? Что если я случайно увижу в её лице кого-то из своих демонов? Я не могу... не имею права.

Я со слезами на глазах попыталась вернуть ей платье, отказываясь от этого невозможного будущего. Но Рита упрямо, с силой впихнула его мне обратно, сжимая мои пальцы на мягкой ткани. Её зелёные глаза смотрели на меня с абсолютной уверенностью:

— Уверена, ты никогда не причинишь ей вреда, Ань. Поверь мне. Потому что она будет твоей девочкой. Частью тебя. Разве ты способна причинить вред тому, кого любишь больше жизни?

Я прижала крошечную ткань к своей груди, поверх огромной чёрной футболки Максима, и впервые в жизни почувствовала, как в сердце сквозь глухую темноту пробивается

тонкий, пугающий, но такой живой лучик надежды.

глава 15

Максим

Мы сидели в просторном гараже, залитом резким светом люминесцентных ламп. На верстаке ровными рядами лежали разобранные стволы, магазины и пачки патронов. В воздухе густо пахло оружейным маслом, бензином и дешёвым табачным дымом. Я с остервенением драл шомполом ствол своего ПМа, и внутри меня до сих пор клочкотала глухая, бешеная злость на Миху. Этот выродок умудрился оторвать меня от Ани в самый интимный, хрупкий момент за весь чёртов месяц. Пока она стояла там, у раковины, такая податливая, спокойная и тёплая в моих руках, мне хотелось просто быть рядом. Защищать её, дышать её ванильным запахом и никуда, нахрен, не уходить.

— Да пошло оно всё, — злобно рыкнул я и с треском откинул затворную задержку пистолета на железную поверхность верстака. Металл уродливо звякнул. — Сам дочистишь. Мне насрать.

Я резко поднялся со своего табурета, поправляя съехавшую куртку.

— Да остынь ты, Макс, — Миха даже головы не поднял от своего разобранного Калаша, продолжая методично протирать газовый поршень засаленной ветошью. — Чё ты к ней прикипел-то так, а? Ты реально, в натуре, втюрился в эту

психопатку? Серьёзно, Рогов? Ты собираешься всю оставшуюся жизнь сидеть над ней и дрожать каждую ночь? Ждать, как бы она однажды в очередном припадке не вскрыла себе или тебе глотку твоим же армейским ножом?

Я медленно сократил расстояние между нами, нависая над его верстаком всей своей массой. Мой взгляд превратился в два куска льда.

— Завали пасть, Миха, — леденящим шёпотом прошипел я ему прямо в харю. Жилка на моём виске бешено запульсировала. — И не забывай, сука, с кем ты сейчас разговариваешь. Я вообще-то своей единственной сестре разрешил с тобой расписаться и штамп в паспорте поставить после того, как ты втихаря загнал в неё свой член и обрюхатил. А ведь я мог без лишних слов просто пристрелить тебя прямо во дворе Филя и закопать под ближайшей сосной, и мне бы за это ничего не было. Понял меня?

Миха заметно набычился, его челюсть сжалась, но перечесть мне он не рискнул. Он прекрасно знал, что в таком состоянии я тормозов не имею.

— Мы все здесь психи, — глухо продолжил я, сжимая кулаки. — В этой палаческой семёрке нет ни одного вменяемого человека. Ни одного, Миха! И поверь моему слову: она будет нормальной. Слышишь? Будет. Ей просто нужно чёртово время, чтобы склеить осколки в башке. А мне... — я резко замер у самого выхода из гаража, хватаясь рукой за холодную дверную ручку. Сердце сделало тяжёлый, болезнен-

ный толчок под рёбрами. — А мне нужна она. Живая. Любая. Больше всей этой грёбаной жизни и всей нашей мести вместе взятой.

Миха лишь тяжело вздохнул и покорно поджал губы, признавая моё окончательное, бесповоротное сумасшествие. Спорить со мной было бесполезно — я был болен Аней на терминальной стадии.

— Ладно, — примирительно махнул он рукой, возвращаясь к чистке затвора. — Вали давай к своей Аньке, Ромео недоделанный. Без тебя тут всё дочищу и снарягу раскидаю. Всё равно не хочу больше таскаться с этими вашими детскими вещами и пакетами из магазинов, ей-богу, устал как собака. Меня от этих ходунков и чемоданов уже тошнит.

Я лишь криво, понимаяюще усмехнулся, толкнул тяжёлую дверь гаража и быстрыми, размашистыми шагами пошёл обратно в дом.

Я замер на пороге детской комнаты и просто смотрел на девчонок, которые даже не обращали на меня внимания. Они о чём-то тихо болтали, словно делились самыми сокровенными девичьими секретами, и методично разбирали горю детских вещей. Анька то и дело замирала, глядя на крошечные платица, держала их в руках гораздо дольше, чем всю остальную одежду, и так мило, робко улыбалась, когда Рита что-то увлечённо ей доказывала. Я даже не хотел прислушиваться к их разговору. Мне было абсолютно насрать, о чём они говорят. Я просто стоял в дверном проёме и всем

своим выжженным нутром наслаждался её редким, выстраданным спокойствием. В этот момент она казалась по-настоящему живой.

— Если ты пришёл просто так поглазеть, то вали отсюда, — внезапно заворчала Рита, заметив мою тень в дверях.

Аня тут же повернула голову в мою сторону, её зрачки сфокусировались на мне, и туман в них даже не думал появляться.

— А что, есть что сделать? — лениво отозвался я, проходя внутрь светлой комнаты.

Я уселся на корточки прямо возле Ани и аккуратно взял в руки маленькое розовое платье, которое лежало на ковре рядом с ней. Оно казалось совсем невесомым в моих мозолистых пальцах. Аня слегка смутилась, на её щеках проступил едва заметный румянец, и она тихо, опустив глаза, сказала, что Рита подарила это платье ей для будущей дочки. Но тут же добавила со вздохом, что оно навряд ли когда-нибудь ей пригодится.

— Конечно пригодится, — твёрдо проговорил я, не терпящим возражений тоном.

Я наклонился и собственнически поцеловал её в макушку, вдыхая сладкий ванильный аромат её волос. После чего поднялся на ноги, скинул косуху на стул и осмотрелся вокруг. Хлама и полусобранной мебели тут хватало. Около двадцати минут я молча возился с инструментами, собирая большой платяной шкаф, пока девчонки продолжали копошиться

ся в коробках.

Постепенно мы разговорились. Болтали обо всякой ерунде, плавно перейдя на тему того, что же мы хотим делать на грядущий Новый год. Я, крутя отвёртку, предложил съездить всей нашей безумной компанией куда-нибудь за город, снять большой дом в лесу, но Рита тут же категорично отрезала: нет. Она заявила, что со своим растущим пузом никуда из этого дома не поедет. А ещё через минуту её гормоны окончательно сорвали резьбу, и малявка и вовсе начала горько рыдать прямо поверх детских бодиков, причитая, что скоро станет огромной, толстой бабой и её Миша её разлюбит.

— Да он сам урод редкий, ты посмотри на его шрамованную харю! — искренне возмущился я, забивая заднюю стенку шкафа. — За такого только со страху замуж выходить! Радоваться должна, что он от тебя никуда не денется.

Рита сквозь слёзы тут же сердито нахмурилась и яростно захлопала ресницами, вставая на защиту своего благоверного. Она стала громко протестовать, уверяя меня, что её Миша вообще-то самый красивый мужик в нашей банде, на что я лишь скептически бурчал, что её вкусы — полный отстой и ей пора проверить зрение.

Аня сидела на полу и поначалу лишь недоуменно, переводя взгляд с меня на Риту, смотрела на эту нашу типичную семейную перепалку. А потом, когда Рита выдала очередную порцию рыданий, Анька не выдержала и тихонько прыснула

в кулак, а через секунду уже вовсю смеялась над нелепыми, эмоциональными заскоками моей сестры.

— Чего ты смеёшься?! — в шутливой ярости возмутилась Рита, театрально размазывая слёзы по щекам. — Будешь смеяться над беременной — бог тебя накажет! Вот увидишь, во время своей беременности будешь дико хотеть соленый огурец вприкуску с приторным джемом! Будешь посреди ночи искать этот ужас по всем магазинам и есть банками!

Аня от такой жуткой гастрономической перспективы тут же в один миг перестала смеяться. Её лицо моментально перекосило, и она брезгливо, смешно скривилась, будто ей реально прямо сейчас подсунули этот огурец с вареньем. Я, глядя на неё, снова коварно усмьхнулся, понимая, что готов скупить все огурцы и джемы этого города, лишь бы увидеть её такой — капризной, живой и настоящей.

— А ты чего усмехаешься? — Рита резко перевела свой злой, зарёванный взгляд с Ани на меня. — Дошла очередь и до тебя! У тебя вообще член вставать перестанет, понял?! От моих проклятий ни один мужик ещё не уходил!

Я от такой бабской аналитики прямо у готового шкафа заржал ещё громче, едва не выронив из рук отвёртку. Гулкий мужской хохот разнёсся по всей будущей детской.

— Ты такая глупая, малявка, — проговорил я, упираясь плечом в дерево и одним мощным толчком с треском придвинув готовый шкаф вплотную к стене. — Ты сама себе

противоречишь, ясно тебе?

— И в чём же это, интересно?! — тут же нахмурилась сестра, упирая руки в бока и воинственно вставая в оборонительную позию.

Аня в этот момент так и застыла у открытой дверцы шкафа с крошечной вешалкой в руках. Она переводила свой круглый, совершенно ошарашенный взгляд с меня на Риту, явно не понимая, в какую сторону сейчас завернёт этот наш абсолютно дебильный семейный спор.

— Ну смотри, — я лениво подошёл к сестре, криво ухмыляясь. — Если у меня, по твоим словам, не будет стоять член... то как тогда Анька, по твоему же пророчеству, забеременеет и будет посреди ночи жрать свои солёные огурцы с джемом, а? Логика где, чудовище?

Рита на секунду зависла, переваривая мои слова, а её рот забавно приоткрылся. Я, пользуясь её ступором, легонько постучал костяшками пальцев по её глупой светлой голове, а затем быстро повернулся к Ане. Шагнул к ней вплотную, наклонился и крепко, сочно чмокнул её в покрасневшую от смущения щёку, пахнущую ванилью.

— Всё, девки, я вниз, — бросил я, разворачиваясь.

Я быстрыми шагами вышел из комнаты и направился к лестнице, чувствуя спиной, как в спальне повисла гробовая тишина. Я был абсолютно уверен: до них обеих сейчас с потрохами дойдёт весь скрытый смысл моих слов. Я фактически прямым текстом заявил, от кого именно Аня будет ро-

жать свою будущую принцессу.

— Она достойна лучшего, слышишь, Рогов?! — донёсся мне вдогонку истошный, возмущённый крик сестры, которая наконец-то опомнилась.

— Поэтому она со мной! — громко крикнул я в ответ, уже вовсю спускаясь по деревянным ступеням на первый этаж, где внизу меня ждал Миха с заряженными пушками.

Желваки на моих челюстях снова привычно заходили ходуном. Семейные шутки кончились. Пора было принимать-ся за настоящую, грязную работу палачей.

глава 16

Из гостиной доносился приглушённый чужой голос, звяканье фарфора и смех Михи. Я прошёл по коридору, толкнул дверь и замер на пороге.

В кресле у журнального столика, лениво вытянув длинные ноги, сидел Кирилл. Наш седьмой. В прошлый раз, когда мы вскрывали ангар, его не было в городе, да и вообще в течение всего этого месяца он у нас не появлялся — мотался по спецпоручениям старика. Но про Аню он, без базара, уже был наслышан. Правда, Фил скормил ему лишь официальную, сухую версию: девка чудом выжила после двух недель у торчков и нужна организации исключительно как свидетель, чтобы выбить из неё описание мажора и составить грёбаный фоторобот.

— Здорова, — я подошёл ближе, протянул ему руку для крепкого мужского рукопожатия и с размаху плюхнулся в кожаное кресло напротив. Лёжа на подлокотнике, я лениво спросил: — Как дела вообще? Что нарыл?

— Да заебался я уже, честно сказать, ездить по этой грёбаной Москве в поисках копчёных ублюдков, — Кирилл устало отхлебнул из чашки чёрный кофе, присланный Михой. — Но, надо признать, нашёл там много чего интересного. Столица, блять. Не то что в нашем родном, тихом Питере, где вся мразь по одним и тем же подвалам шкерится. И

ещё, Макс... Фил передал, что сегодня ночью есть одно дело. Очень важное. На нём должны быть вообще все наши. Без исключений.

Я лишь молча поджал губы, чувствуя, как внутри мгновенно взвинчивается охотничий азарт. Мы с Михой синхронно переглянулись. Время пришло.

В этот самый момент со стороны лестницы раздался весёлый, звонкий крик. По ступеням спускалась Рита, вовсю размахивая в воздухе какой-то очередной микроскопической тряпкой.

— Миш, смотри! Боже, я сейчас в обморок упаду от нежности! Это реально ты сам купил?! — она подлетел к мужу, тыча ему прямо в нос крошечные синие носочки.

Следом за ней, чуть поодаль, медленно спускалась Аня. На ней были короткие шорты из Риткиных пакетов и простая белая майка на тонких лямках. В этой одежде она выглядела совсем хрупкой, почти невесомой, но её лицо снова оставалось абсолютно безэмоциональным. Глаза застыли. Что это было? В её голове опять что-то щёлкнуло, возвращая демонов, или она всё ещё переваривала мои слова про огурцы и джем?

Кирилл инстинктивно обернулся на шумный голос Ритки, но в следующую секунду так и застыл с чашкой в руке, замерев при виде Ани.

Аня тоже резко остановилась на последней ступени, впад в глухой ступор перед абсолютно незнакомым, суровым му-

жиком в нашей гостиной. Паника готова была снова накрыть её с головой. Я не стал ждать, пока её психоз сделает обратный отсчёт. Мгновенно поднялся с кресла, сделал три шага, перехватил её ледяную кисть и упрямо потянул за собой обратно к креслу. Рухнул обратно и одним движением усадил Аню к себе на колени, лицом к парням.

Кирилл, не мигая, молча рассматривал её, оценивая шрамы на руках и эту дикую, увядающую красоту. Аня, чуть дыша, так же молча буравила его в ответ.

— Да, да, это я купил, — тем временем виновато буркнул Миха, почёсывая затылок под Риткиным натиском. — Хотел сделать приятно, малявка. Хотя, если честно, я даже не знаю, можно ли вообще эту херню назвать носками. Так чисто... на один большой палец моей ноги налезет, не больше.

— Хочешь сказать, у детей реально такая крошечная нога? — я скептически выгнул бровь, косясь на синюю ткань. Если честно, я в своей жизни младенцев в глаза ни разу не видел, но почему-то всегда представлял их нормальных размеров. — Я видел мамочек с колясками на улицах, там сидят вполне себе адекватные, крупные дети. Не настолько же они маленькие вначале, блять.

Рита резко обернулась ко мне, сердито раздувая ноздри:

— Да, Макс, это самые обычные детские носки для новорождённых! Ты бы лучше действительно в интернете хоть раз что-то путное посмотрел, вместо того чтобы в своих базах копать. А то только языком чесать горазд!

— Значит... это она и есть? — внезапно нарушил тишину Кирилл. Он медленно опустил чашку на столик и выразительно кивнул подбородком в сторону Ани, сидевшей на моих бёдрах.

— Да, — ровным, леденящим голосом проговорил я.

Я не торопясь положил свою ладонь ей на бедро. Медленно провёл пальцами вверх по нежной коже, останавливаясь у самого края коротких шорт, чуть ниже её ягодицы, и с силой, по-хозяйски слегка сжал пальцы.

Я был на сто процентов уверен: Кирилл всё понял с первого взгляда. Я чётко обозначил свою территорию. Этот сукин сын всегда отличался слишком цепким, сканирующим взглядом на баб. Уродился он красивым, спору нет — бабы на него вешались пачками. Но вот его повадки... Блядские. Хищные. Как и у многих столичных мажоров, которых мы привыкли пускать в расход. И подпускать его к своей мёртвой девочке я не собирался даже на пушечный выстрел.

— Нам пора обсудить ночной штурм, Кир, — оборвал я его гляделки, сильнее прижимая Аню к своей груди. — Выкладывай, где засел Гурьянов.

Кирилл всё-таки перевёл свой цепкий взгляд с Ани на Мihu, который продолжал неловко крутить в пальцах детские носочки. Стоило чужаку ослабить внимание, как я прямо кожей почувствовал, как моя девчонка едва заметно расслабилась на моих коленях. Она робко положила руку мне на плечо и слегка придвинулась ближе, прячась от остального

мира в моей тени.

Я аккуратно подхватил её под бёдра, закинул обе её тонкие ноги к себе на колени и прижал Аню к себе ещё плотнее, чтобы ей было удобнее сидеть. Её частое, прерывистое дыхание щекотало мне кожу прямо напротив уха. И — чёрт меня дери — это чертовски сильно отвлекало от разговоров о делах. Её грудь то и дело мягко касалась моей руки при каждом вздохе. Чтобы хоть как-то унять этот глухой, голодный пожар внутри, я мерно, монотонно стал поглаживать её обнажённую ногу. Мои пальцы двигались медленно, не нарушая границ, плавно скользя по шелковистой коже до колена и чуть выше, пока мы болтали.

Судя по едва уловимому аромату и потрясающей мягкости, Ритка всё-таки заставила её сегодня намыться и полностью попользоваться своими многочисленными баночками с кремами. Кожа Ани больше не была сухой и иссечённой, как в первые дни. На ощупь она была нежной, бархатистой и тёплой. А от неё самой теперь едва заметно пахло новыми духами — тонким ароматом цветущего жасмина и сладкой, тягучей карамели. Я вообще обожал карамель. До дрожи в кулаках.

Не выдержав, я слегка повёл головой и зарылся носом в её шею, вдыхая этот запах. Аня на мгновение испуганно застыла в моих руках, но отстраняться не стала. Лишь едва заметно поелозила на моих коленях, устраиваясь поудобнее.

— Не делай так, — леденящим, сорванным шёпотом про-

говорил я ей прямо в ухо, хватаясь пальцами за её бедро. — Иначе... сама понимаешь, детка.

Я судорожно выдохнул и слегка поправился в кресле, потому что от её движений она упёрлась своей задницей прямо мне в член, который мгновенно налился свинцом сквозь джинсы. В эту секунду я был готов послать нахрен Кирилла, Миху, Фила и всю эту чёртову организацию палачей — просто подхватить её на руки, утащить на второй этаж и запереться там до самого утра. Но нет. Тормози, Рогов. Пугать её я не хотел. Ей насилия и так хватило.

Аня от моего шёпота слегка смутилась. Она опустила голову и больше ни на кого в комнате не смотрела — её взгляд приковался к моей ладони, которая продолжала мерно и успокаивающе поглаживать её ногу.

— Короче, парни, — Кирилл наклонился вперёд, упираясь локтями в колени и прерывая нашу идиллию. — Вот что мы нарыли по Москве. Сам Гурьянов засел там, забаррикадировался в своём элитном пентхаусе под охраной. Но ехать нам туда, походу, не придётся. По моим данным, этот мажор на днях возвращается в Питер. А сегодня... сегодня у нас очень важный день. Фил через копов перехватил инфу. Мы нашли одного из тех трёх ублюдков, которые непосредственно были на той даче. Из тех сбежавших зеков.

Аня от этих слов мгновенно напряглась и замерла, перестав дышать. Её пальцы до боли впились в моё плечо. Взгляд в одну секунду остекленел, подёрнувшись тем самым страш-

ным больничным туманом — она явно с корнем вырывала из памяти те проклятые картинки, прокручивая в голове крики родителей и Олега.

— Только одного? — сухо уточнил я, и мой голос упал до опасного, зловещего рыка. Я почувствовал, как внутри закипает бешеная ярость. — Где остальные двое?

Я начинал дико злиться. Это проклятое дело затягивалось, а мне хотелось как можно скорее, одним махом избавиться мою девочку от всех её ночных кошмаров с этими животными. Я чётко понимал: если она сама, своими глазами увидит, что все эти твари до единой сдохли и захлебнулись собственной кровью, её мозг наконец-то перестанет вести этот ебанный обратный отсчёт. Она перестанет ждать, когда они снова придут в её снах, чтобы с ней «поиграть».

Чувствуя, как её продолжает мелко колотить от паники на моих коленях, я всё же не выдержал. Чуть приподнялся и собственнически, бережно поцеловал её в хрупкое плечо, прижимая к своей груди сильнее.

— Всё нормально, детка, — прошептал я ей прямо в бледную щёку, не сводя злого взгляда с Кирилла. — Я рядом. Слышишь? Мы их всех закопаем.

Как бы мне ни хотелось оставлять её, но у меня не было выбора — мне пришлось привезти Риту и Аню обратно к Филу. На его закрытом объекте за девочками приглядит вооружённая до зубов охрана, да и, как ни крути, старик остался на месте. За Аней нужен был глаз да глаз.

Пока Ритка помогала ей обустраиваться на втором этаже, в моей старой комнате, я выловил Филя в коридоре. Прижав его к стене, я попытался на пальцах объяснить ему пару критических моментов — про её ночные припадки, про судороги и этот проклятый обратный отсчёт, который слишком часто с ней происходит.

Старик выслушал меня с каменным лицом, а потом брезгливо поморщился и попытался отпихнуть мою руку.

— Хватит меня учить, Макс, — ровным, прокуренным голосом осадил он меня. — Я тебе не девственница на перегоне, чтобы мне инструкции выписывать. Думаешь, я с твоей бабой не справлюсь, пока вы будете потрошить этого зека?

Внутри меня мгновенно сорвало чеку. Это его пренебрежительное отношение, этот циничный слоган в её сторону выбесили меня до багровых пятен в глазах.

— Она не баба, ясно тебе?! — прорычал я.

Я вцепился пальцами в плотный край его дорогой рубашки и с силой дёрнул на себя, заставляя старика согнуться.

— Я тебя, нахуй, как отца прошу: просто посмотри за ней! Помоги, если потребуется, принеси воды, успокой. Но если я, сука, вернусь и узнаю, что ты снова привязал её к койке эластичными бинтами, или если твои люди сделают хоть один неверный шаг в её сторону... я тебя тоже закопаю. Точно так же, как всех этих тварей в ангаре и клинике, понял меня?!

Фил натянулся как струна. Его цепкие, старые глаза хищ-

ника опасно сузились, разглядывая моё бешеное лицо. Он не испугался ствола или моих угроз — его пугало то, что происходило со мной.

— Она тебя погубит, — тихо, с какой-то горькой жалостью качнул он седой головой. — Она не та девка, за которой нужно бегать палачу вроде тебя. Нельзя спасти того, кто этого спасения сам не ищет, Макс. Она упрямо уходит на самое дно, к своему мертвецу, а ты летишь туда вместе с ней.

— Мне плевать, куда она меня тянет, — леденящим шёпотом отрезал я, вдавливая его спиной в обшивку стены. — Хоть на тот свет, понял? Мне насрать. Я просто хочу быть с ней. И точка.

Я резко разжал пальцы, отпуская хватку, и небрежно, рваным движением поправил воротник его измятой рубашки. Напряжение в коридоре немного спало.

— Извини, — буркнул я под нос, отводя глаза. — Просто сделай то, о чём я прошу. Пожалуйста.

Я развернулся и уже зашагал в сторону выхода, к парням, которые грузили снарягу в машины, как Фил бросил мне вдогонку фразу, которая заставила меня замереть на месте:

— Главный вопрос во всём этом, мальчик мой... хочет ли она этого сама? То, чего хочешь ты, вся твоя одержимость — это просто дерьмо под ногами, если ей это не нужно. Бабы всегда всё решают за нас. И если она не хочет быть с тобой в мире живых, то ты можешь хоть разбиться башкой об эту стену — ничего не будет. Вы оба сгорите.

Я лишь до хруста сжал челюсти так, что зубы заскрипели. Старик был прав. Тварь, он всегда был чертовски прав, и это раздражало меня сильнее всего на свете. Я вспомнил её «нельзя, он смотрит», и под рёбрами снова заняла физическая, тупая боль.

— Не беспокойся, она в надёжных руках, — уже мягче добавил Фил мне в спину.

Я коротко, угрюмо кивнул и пошагал по коридору. Но не к выходу, к машинам. Сначала мне нужно было зайти к ней. Нам предстоял рейд на первого убийцу её семьи, и уйти, не посмотрев в её глаза, я не мог.

Я вошёл в комнату, когда Аня стояла у окна, обхватив плечи руками, и молча рассматривала блёклый, дождливый пейзаж за стеклом. Створка была слегка приоткрыта, и оттуда тянуло пронизывающим, сырым холодом поздней осени.

За этот короткий час комната успела неуловимо измениться. Рядом с моими охотничьими ножами на тумбочке уже выстроились девичьи баночки с кремами, на спинке стула аккуратно висела её мягкая пижама, а на рабочем столе — прямо среди разобранных стволов и запасных обойм — лежал чистый альбом и пара простых карандашей. Наверное, Ритка дала, чтобы Аня могла рисовать и хоть как-то успокаивать нервы. Сестрёрка явно решила проводить на ней свою первую студенческую практику: учиться в универе и одновременно помогать на живом примере. Ведь в той или иной степени Ане действительно нужен был хороший психолог,

вот малявка и крутилась как могла.

Я бесшумно сократил расстояние между нами, зашёл со спины и крепко прижал её к себе, утыкаясь носом в прохладную, пахнущую жасмином шею. Нахмурился, почувствовав, как она мелко дрожит. Свободной рукой я потянулся вперёд, с глухим стуком закрыл оконную раму и снова притянул Аню к своей груди, плавно облакачиваясь спиной на широкий подоконник.

— Ты замёрзла, — негромко проговорил я, сильнее смыкая руки на её талии, пытаясь согреть всем своим телом.

Она лишь тяжело, со свистом выдохнула и послушно прижалась к моей груди, пряча лицо в жесткой коже куртки.

— Ты вернёшься? — тихо, почти интимно проговорила она.

И этот вопрос просто заставил меня сжать её в объятиях ещё крепче. Я внутри аж замер, не понимая до конца, с какой целью она это спросила. Просто дежурное уточнение, или она реально нуждается во мне? Или... тоже хочет быть со мной? Ведь этого её проклятого Олега не было видно в углах уже целые сутки точно. Пространство оставалось чистым.

— Конечно вернусь, — глухо отозвался я, покрывая короткими поцелуями её шею и за ухом, зарываясь пальцами в тёмные волосы. — Фил за тобой присмотрит. Не бойся его. Хоть он и урод редкостный, вспыльчивый, но он точно тебе поможет, если что-то пойдёт не так. Он вырастил Ритку. И

тебя в обиду не даст, не обидит. Старик только прикидывается страшным криминальным боссом, а на самом деле к девушкам он нежен. Надеюсь... — я тут же криво усмехнулся, поправив сам себя. — Короче, я вернусь, как только всё закончу с этой мразью. Но не могу обещать, что это будет быстро.

— Могу я поехать с тобой? — вдруг спросила она, поднимая на меня свои огромные зелёно-карие глаза.

— Прости, детка, не могу тебя взять, — я качнула головой. — Это слишком опасно. Я знаю, что ты хочешь своими глазами увидеть смерть этого уroda, но...

Я на секунду отстранился, взял её бледное лицо в свои ладони, бережно поглаживая скулы большими пальцами.

— ...я не прощу себе, если тебя там ранят или тебе станет плохо. Плюс, я буду постоянно отвлекаться. Я всегда отвлекаюсь, когда ты рядом, Ань. Теряю контроль. Но я сделаю тебе селфи на фоне его туши, — тут же коварно улыбнулся я, пытаясь разрядить обстановку.

Аня от моей палаческой шутки внезапно негромко хихикнула.

— У тебя явно непорядок с головой, — отозвалась она, слабо улыбаясь.

— Знаю, — леденящим шёпотом подтвердил я, придвигаясь ближе. — Потому что я абсолютно без ума от тебя.

Я подался вперёд, собираясь поцеловать её, но она резко, испуганно отвернулась в сторону, судорожно вглядыва-

ясь сначала в один угол комнаты, а потом в другой. Проверяла.

— Сегодня нет зрителей? — негромко проговорил я, и Аня, поджав губы, медленно помотала головой. В углах было пусто. — Тогда тебя никто не осудит, — прошептал я ей прямо в приоткрытые губы. — Потому что если я тебя сейчас не поцелую, то вся моя выдержка пойдёт по пизде, так и знай.

Я снова подался вперёд, притягивая её к себе за затылок, а она... она вдруг послушно поддалась в ответ, приподнимаясь на носочках. «Да, детка», — победно пронеслось в моей башке. Я слишком долго об этом мечтал.

Я углубил поцелуй, забирая её губы себе. Я целовал её жадно, с ума сходя от накопленного голода, аккуратно сминая пальцами её лицо и шею, пока другая рука глубоко зарывалась в её густые тёмные волосы, удерживая на месте. В голове шумело, как от хорошего виски. Не выдержав этой пытки, я сильным движением подхватил её под бёдра, приподнимая и усаживая на себя, так что её согнутые ноги оказались прямо на подоконнике.

Аня отвечала мне так же жадно, до боли кусая мои губы, крепко обнимала за плечи и зарывалась пальцами в мои волосы на затылке. Я сминал её тонкую талию, ладонями опустил ниже к ягодицам. Не сдержавшись, запустил руку прямо под её короткие шорты, сминая пальцами мягкую, упругую и горячую кожу её задницы. Между нами искрило

так, что стены, казалось, плавились.

И в этот самый момент эти чёртовы уроды за дверью громко, настойчиво постучали в косяк.

Аня от неожиданности крупно вздрогнула, а я лишь тяжело, разочарованно простонал, утыкаясь носом в её шею и сжимая челюсти.

— Я перелوماю ваши грёбанные пальцы! — бешено крикнул я в сторону закрытой двери, тяжело дыша.

Девчонка тут же плавно сползла с моих колен обратно на пол. Вся покраснелась, тяжело вздымала грудь, а в глазах стояло чистое, милое смущение.

— Я вернусь как можно скорее, — я поправил джинсы, заглядывая ей в глаза. — И мы обязательно продолжим. Будь в этом уверена, девочка моя. Я хочу свой десерт.

Оставив на её пухлых губах последнее, едва заметное касание, я резко повернулся и вышел за дверь. Женька — наш молодой боец на побегушках — уже всюю припускал по коридору, испуганно оборачиваясь через плечо и крича на ходу, что Фил просил поторопиться, так как машины заведены. Знал, гад, что я сейчас отвешу ему за этот стук по полной программе и расшибу башку.

Дверь в мою спальню закрылась, и я быстрыми, тяжёлыми шагами направился вниз, к выходу.

глава 17

Аня

Парни не возвращались уже семнадцать часов. Время тянулось удушливо, как остывающий клей, и каждый удар масивных настольных часов Фила на первом этаже бил мне прямо по оголённым нервам. Рита, бледная, с покрасневшими глазами, мерила шагами просторную гостиную особняка туда-сюда, то и дело судорожно покусывая ноготь на большом пальце. Я сидела в глубоком кожаном кресле, поджав под себя ноги, и молча смотрела на неё.

В этот момент в гостиную вошёл Фил. Он выглядел уставшим, под глазами залегли тяжёлые тени, но взгляд оставался цепким. Старик первым делом строго шикнул на дочку:

— Да прекрати ты маячить, Маргаритка, и трясоти моего внука внутри себя. Сядь уже.

Рита послушно, со вздохом опустилась на диван. Фил медленно подошёл ко мне и аккуратно, по-отцовски накрыл мои голые колени тёплым шерстяным пледом.

— Спасибо... — едва различимо прошептала я.

Старик слабо, уголком губ улыбнулся, присаживаясь на стул напротив. От этой неожиданной заботы и мягкости криминального босса мне даже стало немного смутно.

— Как себя чувствуешь? — негромко отозвался он, всматриваясь в моё лицо.

— Болит голова, — честно проговорила я, опуская взгляд.
— И... сильно зудит кожа.

Фил слегка подался вперёд, его глаза сузились, разглядывая мои предплечья. Я сама не заметила, как под пледом растерзала ногтями собственную кожу — как раз в тех местах, где на венах чернели багровые точки и дорожки от старых больничных уколов.

— И давно зудит?

Я молча кивнула.

— Максим знает?

— Нет, — выдохнула я.

Фил тяжело, со свистом выпустил воздух сквозь зубы и откинулся на спинку.

— Понятно. Организм требует своего, девочка. Ломка никуда не делась, химия до конца не вышла. Но ты должна держаться. Я сейчас велю принести тебе специальную мазь, она немного охладит кожу, но... эта хрень в твоей крови всё равно продолжит сводить тебя с ума ещё какое-то время. В тебя слишком много качали этой дури. И уж извини, — он резко поднял ладони, заметив, как я сжалась, — я не буду, в отличие от твоего Максима, скрывать от тебя правду. Да, ты больна. Наглухо перекачана. И уверен, ты это сама прекрасно знаешь. Мне чертовски жаль, что тебе пришлось всё это пережить. Но... ты молодец, Аня. Правда, молодец.

Он помолчал, уважая мою тишину.

— Любая другая на твоём месте уже сдохла бы от пере-

доза в том ангаре. Или сбежала бы из этого дома в первую же ночь, чтобы на коленях ползать по притонам в поисках чека. А ты сидишь тут, терпеливо терпишь боль, смотришь на мою бешеную беременную дочь и искренне переживаешь за моего сына. И знаешь что? Я бы очень хотел, чтобы всё это так и оставалось. Потому что благодаря тебе этот говнюк наконец-то стал жить.

Я удивлённо вздёрнула брови, переводя на него ошарашенный взгляд.

— Да, девочка моя, именно жить, — твёрдо повторил Фил. — До твоего появления он просто существовал. Как робот. Выполнял мои самые грязные, кровавые приказы, зачищал уродов, зарабатывал бешеные бабки и всё до единой копейки скидывал на банковский счёт Ритки.

Рита на диване замерла, перестав грызть палец, и медленно кивнула головой, подтверждая его слова. На её глазах выступили слёзы.

— На её счету миллионы, — глухо продолжил старик. — Всё ради неё одной. Сам Максим жил исключительно одним днём. Сегодня есть — а завтра пуля в башку, и хрен с ним. Никаких планов, никаких привязанностей, ни с кем не делился своими переживаниями, баб менял как перчатки. А что сейчас? Он впервые за двадцать восемь лет планирует будущее. Стал откладывать деньги на свой собственный, отдельный счёт. И каждый чёртов день, каждую минуту говорит только о тебе.

— И думает о детях, — тихо встала сзади Рита.

Фил резко обернулся к дочери в чистом, неподдельном удивлении. Пару секунд он переваривал эту фразу, а потом снова медленно повернулся ко мне.

— Думает о детях... — прошептал он, словно пробуя эти слова на вкус, а потом просто бессильно откинулся на спинку стула и потёр переносицу. — Мать твою, мне срочно нужно выпить после такой информации. Я думал, до конца дней своих не доживу, когда этот debil захочет нормальной, человеческой жизни. Ты знаешь, Аня, что я вливал в него эту жизнь целых пятнадцать лет? А я вливал. Он прибежал ко мне совсем оборванцем, пацаном. Сбегал из детского дома, голодный, злой на весь мир. Выполнял мои мелкие поручения, шестерил поначалу, а взамен... в обмен на свою преданность он попросил меня только об одном: помочь ему вытащить и вырастить сестру.

Фил выразительно указал пальцем на Риту, и та тихо, навзрыд заплакала, утыкаясь лицом в ладони.

— И знаешь что? Я согласился. Но поставил ему жёсткое условие: как только ему стукнет восемнадцать, он выполнит моё самое важное, главное и смертельно опасное задание. И тогда я сделаю для его сестры всё. И знаешь, что этот придурок сделал? Он выполнил его. Один. Без страховки. Выжил чудом. Да, я его испортил. Из-за меня он стал палачом. Полюбил кровь, грубость, оружие. Но он и сам шёл на это добровольно — ради неё. Вырвал её из рук тех детдомовских

уродов и воспитателей, а я помог ему за них отомстить. А теперь... теперь он делает всё это ради тебя. Ломает кости, режет, стреляет. И поверь мне, он доведёт дело до конца. Сам в сырую землю ляжет, но сделает так, чтобы вернуть тебя к нормальной жизни. Поэтому у меня к тебе одна огромная просьба, Аня. Не забирай его у меня. Оставь ему эту жизнь.

— Я... я ничего у него не брала, — проговорила я, и мой голос сорвался на хрип. По бледной щеке, обжигая кожу, покатила горячая, крупная слеза.

Старик медленно поднялся со стула, тяжело потёр лицо руками. Он подошёл ко мне почти вплотную, чуть склонился к моему лицу и пугающе тихо, леденящим шёпотом прошептал прямо в глаза:

— Ты хочешь уйти на тот свет вслед за своим покойным женихом, Аня. Я знаю это. Вижу по твоим глазам, как ты караулишь его в углах. Но уйти туда — это и значит забрать жизнь у Максима. Потому что этот дебил по какой-то неведомой, безумной причине стал дышать и жить именно тобой. Это больная, деструктивная одержимость человеком, она всегда разрушает до основания. И куда пойдёшь ты — туда отправится и он. В ту же самую могилу. Я не буду скрывать от тебя, милая. Если по какой-то причине Максим сломается или содохнет из-за тебя... я тебя из-под земли достану и лично шкуру спущу. Так и знай.

— Пап! Ну ты чего, совсем уже?! — яростно возмутилась с дивана Рита, подсакивая на ноги.

— Это просто предупреждение, милая, — спокойно, уже нормальным тоном отозвался Фил, выпрямляясь во весь свой огромный рост.

Он развернулся и тяжёлым, размеренным шагом вышел из гостиной, оставив нас в удушливой тишине коридора.

Я застыла в кресле, мёртвым взглядом глядя куда-то перед собой на ковёр. Его страшные слова со скрипом, тяжело впитывались в мою воспалённую голову. И в следующую секунду дикий, леденящий страх перед этой пугающей, большой ответственностью намертво сковал мои лёгкие. Я поняла: Рогов реально пойдёт за моим трупом до самого ада.

— Но зачем ему это? — прошептала я в пустоту, когда шаги Фила окончательно затихли в коридоре. — Зачем ему сломанная, пустая оболочка?

Я ведь такая грязная, порочная, испорченная. Максим же прекрасно знает, что со мной делали, и знает, кто именно это сотворил. Меня оскверняли слишком долго. Те ублюдки вытворяли с моим податливым телом такие страшные, омерзительные вещи, что ему, по логике вещей, должно быть противно даже просто смотреть на меня. А он... а он целует. Так нежно и одновременно так властно, что у меня каждый раз голова идёт кругом, а сердце начинает бешено колотиться о рёбра.

Я до сих пор отчётливо чувствовала его поцелуй на своих губах и щеке — слегка горьковатый от табачного дыма, но такой сладкий и хмельной от его дикого, голодного жела-

ния. Воспоминание обрушилось лавиной. Внизу живота что-то мгновенно завязалось тугим узлом, жаркое возбуждение сладкой судорогой подкатило к горлу, и я невольно, судорожно сжала ноги, пытаясь хоть как-то утешить эту внезапную, пугающую манию. Чёрт, я схожу с ума по живому палачу.

— Я, наверное, пойду в комнату, Рит, — хрипло проговорила я сестре, торопливо откидывая тёплый плед. — Немного отдохну. Голова раскалывается.

Рита понимающе кивнула, быстро поднялась с дивана, подошла ко мне и бережно вложила в мою ладонь белую круглую таблетку.

— Это от головы, Ань. Поспишь немного, и уверена, они к твоему пробуждению уже приедут. Всё будет хорошо.

Я лишь слабо кивнула в ответ. Запила таблетку водой из стакана и быстрыми, ватными шагами вернулась на второй этаж, плотно закрыв за собой тяжёлую дверь спальни Максима. Сразу забралась на кровать, с головой закуталась в плотное одеяло, но внутри всё равно что-то было не так. Чего-то отчаянно не хватало. В комнате было удушливо пусто.

Я выползла из-под одеяла, судорожно порылась в своей дорожной сумке и достала оттуда маленькое розовое платице, которое мне в детской подарила Рита для моей воображаемой будущей дочки. А рядом, на стуле, отыскала огромную чёрную футболку Максима — ту самую, которую он оставил, когда наспех переодевался перед выездом. Она насквозь пропиталась его личным, хвойным ароматом с карамельной

ноткой. И это действовало сильнее любого успокоительного.

Вот теперь всё было нормально. Я улеглась на бок, со всей силы прижала эти две вещи к своей груди, утыкаясь носом в жёсткую ткань футболки, и наконец закрыла глаза. Громкие настольные часы, которые Максим специально поставил на тумбочку рядом с моей головой, методично и тяжело тикали прямо над ухом: *тик-так, тик-так*. Этот механический стук не давал мне делать мой привычный отсчёт секунд. Стрелки упрямо нарушали мои собственные цифры, которые я так тщательно высчитывала каждый день. Словно назло они тикали совершенно не так — то быстрее, то медленнее, сбивая ритм капель из ангара. Это откровенно сводило с ума, выкручивая мозг наизнанку.

— Ань... — вдруг послышался тихий, до боли знакомый голос.

Я резко открыла глаза и замерла. Мой Олег.

Но он больше не сидел в своём проклятом тёмном углу, залитый багровой кровью. И шкаф ему совершенно не мешал. Олег стоял прямо посреди залитой лунным светом спальни — чистый, красивый, абсолютно обычный. Именно такой, каким я его помнила в нашей прошлой, счастливой жизни, перед тем как весь этот ад обрушился на наши головы. Мы снова, как когда-то, говорили о будущем, о доме, о детях.

— Что ты делаешь, Ань? — негромко проговорил он, с мягкой улыбкой разглядывая розовую ткань у меня в руках.

— Мне Рита подарила... — я судорожно распрямила крошечное платье, быстро села на кровати и протянула его вперёд, показывая ему. Внутри всё затрепетало. — Скажи, Олег, ведь красивое? Скажи?

— Очень красивое, ласточка моя, — грустно отозвался он, делая шаг ближе. — Но зачем оно тебе здесь?

Я растерянно нахмурилась.

— Нам здесь не нужна привычная, земная одежда, милая, — тихо продолжил он.

— Но я... — я тут же запнулась, чувствуя, как слёзы подступают к горлу. — Олег, я хочу дочку. Очень хочу дочку...

Он печально, с бесконечной тоской посмотрел на меня и покачал головой.

— Мы не сможем, милая. Я бы очень хотел, клянусь тебе, но мы больше никогда не сможем сделать это там, где я сейчас нахожусь.

Олег протянул руку и медленно, ласково погладил меня по щеке. Я прямо физически, кожей почувствовала это касание — но оно было странным, леденящим, слегка холодным. Словно чужое, неживое тепло.

— Время пришло, Аня. Мы должны наконец встретиться, — тихо, но непреклонно проговорил он, протягивая мне свою ладонь. — Пойдём со мной. Хватит терпеть эту боль.

Я, словно замороженная, в полном трансе тут же вложила свои пальцы в его холодную руку и поднялась с кровати. Забыв про часы, про Риту, про всё на свете, я послушно пошла

туда, куда он меня вёл. Я не смотрела по сторонам — я смотрела только на него. Он шёл впереди меня, слегка повернувшись вполоборота по длинному коридору, и так тепло, так по-родному улыбался. Такой близкий, такой свой.

— Куда мы идём, Олег? — спросила я, и на моём лице впервые за долгое время расплылась светлая, счастливая улыбкой.

— Туда, где мы наконец-то встретимся навсегда, — отозвался он, не оборачиваясь. — Это очень красивое место, Ань. Я действительно очень долго его искал по этой темноте, поэтому так часто не приходил к тебе. Прости, что заставил тебя так долго ждать в этом аду.

— Всё хорошо, я не сержусь, — ласково отозвалась я, продолжая переставлять ноги.

Я сама не заметила, как мы вышли на чердак и через какой-то открытый технический люк оказались прямо на крыше огромного здания Филадельфии. Вокруг расстилалась глухая питерская ночь. Огромные звёзды на чёрном небе сияли ярче городских огоньков вдали. Осенний ветер мгновенно рванул полы моей лёгкой майки, и я судорожно выдохнула прохладный воздух — изо рта вылетело маленькое белое облачко пара.

— Пойдём, милая, — Олег сделал шаг вперёд.

— Олег... мы ведь теперь точно будем вместе? Не так ли? — спросила я, и мой голос задрожал от холода.

— Конечно будем. Очень скоро. Тебе просто нужно сде-

лать один маленький шаг, любимая. Всего один шаг.

— Шаг? — я резко замерла на самом краю мокрой бетонной крыши.

Внизу, в десятках метров под моими ногами, чернела бездонная, пугающая пропасть двора. Олег стоял чуть впереди, прямо в воздухе, но под его ногами было абсолютно пусто. Он не падал. Он парил.

— Ну же, ласточка моя. Смотри, я стою, видишь? Всё безопасно. Пойдём со мной. Дальше есть дорога, — он снова легонько потянул меня за руку, и моё тело послушно покачнулось вперёд, над бездной.

— Там... там ничего нет, любимый, — судорожно проговорила я, и по моим щекам одна за другой покатались горькие, горячие слёзы. Первобытный страх высоты на миг прорвал туман.

— Почему ты мне не веришь, Ань? — с мягким упрёком спросил он.

Олег демонстративно потопал ногой по пустому воздуху и остался стоять на месте.

— Обещаю тебе, там очень красиво. Спокойно. Больше никаких уколов. Никакой грязи.

Эта его родная улыбка, этот тихий голос и леденящее касание пальцев... Всё это привычно трепетало мне душу, утягивая за собой в небытие. Но я посмотрела вниз, на острые камни внизу, и никак не могла решиться сделать это последнее движение.

И вдруг в моей замерзающей голове, прямо сквозь его ласковый шёпот, оглушительным набатом раздался совершенно другой голос. Голос Максима Рогова. Тот самый суровый, леденящий и отчаянный шёпот, которым он кричал на меня на веранде, когда я стащила у него бутылку виски:

«Я дам тебе жизнь, Аня! Ты моя! Я дышу тобой, дура, как же ты этого не поймёшь?!»

Я замерла, тяжело дыша, и подняла глаза на жениха.

— Я нужна ему, Олег... — тихо, с трудом выдавила я, глядя в его бледное лицо. — Я... я нужна Максиму.

Олег от этих слов мгновенно изменился в лице. Он резко нахмурился, и в его глазах промелькнула обида.

— Ты больше меня не любишь, Аня? Не так ли? Ты променяла меня на этого палача?

— Люблю! Нет, конечно, люблю! — в панике запротестовала я, качая головой. — Просто... он...

Я запнулась, слова застряли в горле. Я закрыла лицо ладонями и отчаянно, навзрыд заплакала, чувствуя, как ветер рвёт мои волосы.

— С ним тепло, понимаешь, Олег?! — сквозь слёзы закричала я в пустоту неба. — Мне с ним... мне с Максимом хорошо! Не страшно! С ним те ублюдки из ангара больше не приходят со мной играть! Он защищает меня!

— Милая, и со мной они никогда не придут, если ты сделаешь этот шаг, — тихо, умоляюще проговорил Олег, снова протягивая ко мне руки. — Мне невыносимо больно смот-

реть на тебя из твоего тёмного угла, видеть, как тебя трогает чужой мужик. Твоё время в том мире закончилось, Аня. Пойдём со мной. Домой.

И в эту секунду прямо под моими босыми ногами, уходя в бездну, чудесным образом протянулась широкая, светящаяся хрустальная дорожка, на которой уверенно стоял Олег. Всё выглядело таким реальным, таким спасительным.

— Видишь? Я же говорю, здесь можно спокойно пройти, — ласково улыбнулся мой жених, делая шаг назад и увлекая меня за собой.

И я, окончательно закрыв глаза и отпустив остатки разорванного рассудка, сделала свой первый, решительный шаг.

глава 18

Максим

Я вернулся в особняк Филя в состоянии дикого, звенящего азарта, смешанного со смертельной усталостью. Девятнадцать часов долбаного процесса. Девятнадцать часов в каком-то вонючем притоне на окраине Питера. Я и подумать не мог, что с этим первым сбегавшим ублюдком-зеком будет так тяжело. Попался совсем отбитый, до самого конца скалился своими гнилыми зубами. Слушать его грязные, извращённые байки о том, зачем они ворвались на ту дачу, что именно они делали с её родителями и как выворачивали наизнанку её саму... У меня внутри всё горело. Мне каждую секунду хотелось вогнать в его поганый, орущий рот кусок битого стекла, чтобы этот выродок просто захлебнулся собственной кровью прямо передо мной.

Но нам нужна была информация про остальных двоих и про Романа Гурьянова. И как только мы более-менее её нарыли, выбив из него последние адреса, я прикончил эту мразь собственными руками. Медленно. С особым наслаждением.

Фотографию его безжизненной туши я, конечно же, сделал на сотовый для Ани. Она должна была своими глазами увидеть, что этого уроды больше нет. Что я выполняю каждое своё обещание, переверну этот город, но сделаю всё ра-

ди неё. К ней ни один ублюдок больше в этой жизни не прикоснётся, и ей больше не нужно будет вести свой проклятый отсчёт до прихода этих мразей.

Я влетел в особняк, даже не заботясь о своём внешнем виде — куртка в грязи и чужой крови, на лице копоть, руки сбиты в фарш. Пулей взлетел на второй этаж и толкнул дверь в свою комнату. Но постель оказалась пуста.

Одеяло было скомкано, а на полу сиротливо валялись только моя чёрная футболка и маленькое розовое платице.

У меня внутри всё разом рухнуло в бездну. Сна как не бывало. Я тут же выбежал из комнаты, вихрем пронёсся по коридору, шаря по всем углам и комнатам, где она могла запереться. Хватался за ручки дверей, орал её имя, чувствуя, как паника ледяными когтями раздирает грудную клетку.

— Макс! — меня тут же громко окликнул Марат, один из старших бойцов охраны Филя. Он стоял у лестничного пролёта, судорожно прижимая ладонь к наушнику в ухе и отдавая приказы парням на периметре не делать, сука, ни единого резкого движения. — Макс, твою мать, тебе лучше самому её забрать оттуда нахуй. Как можно скорее.

— Где она?! — тут же утробно прорычал я, хватая его за грудки косухи и едва не срывая с места.

— На крыше, — быстро проговорил Марат, указывая пальцем наверх. — Заметили по камерам пару минут назад. Она на самом краю. Парни на шухере, но приближаться боятся — сорвётся.

Я не стал дослушивать. Сорвался с места как ошпаренный, перепрыгивая через три ступени, вылетел на чердак и через открытый люк практически вывалился на скользкую от дождя крышу особняка.

Ледяной ветер сразу ударил в лицо, но я не заметил холода. Я отыскал её глазами у самого края. Аня стояла в одной майке и шортах, растрёпанная, бледная как смерть в свете далёких городских огней. Она плакала, навзрыд, судорожно вздыхая, и снова в пустоту говорила с этим своим проклятым уродом Олегом. И судя по тому, что она лепетала, этот мертвец прямо сейчас упрямо тянул её за собой в могилу. Но та в слезах не знала, между кем ей разорваться.

— Я нужна ему... — донёсся до меня её сорванный шёпот сквозь свист ветра. А в следующую секунду она тут же стала испуганно оправдываться перед пустой стеной: — Нет, Олег, нет! Я тебя люблю! Конечно, люблю!

Я подходил к ней тихо, бесшумно, стараясь не издать ни единого звука своими тяжёлыми берцами, чтобы, не дай бог, не напугать её в этом безумном трансе. Она стояла слишком близко к краю. Буквально в одном сантиметре от обрыва, вытянув вперёд одну руку, словно держалась за чьи-то невидимые пальцы. Её всю трясло — то ли от собачьего холода, то ли от страха.

Вдруг она судорожно, глубоко выдохнула, выпуская изо рта облачко пара, и... сделала шаг вперёд, прямо в пустоту. Моё сердце в эту долю секунды просто замерло и пере-

стало биться. Весь мир вокруг разорвался в клочья. Я сделал один сумасшедший рывок вперёд, выбрасывая руки, и едва, чудом успел схватить её за предплечье и талию, с силой дёрнув на себя. По инерции мы оба с глухим стуком повалились обратно на мокрую крышу. Я осел у самого края бездны, вжимая её хрупкое, ледяное тело в свою грудь.

Аня крупно вздрогнула в моих руках, шумно ловя ртом воздух, словно её только что вытащили с того света.

— Анька... Что же ты, сука, делаешь-то, а? — леденящим, сорванным шёпотом проговорил я ей прямо в мокрую от дождя шею, задыхаясь от пережитого ужаса. — Что ты со мной, нахуй, делаешь, девочка моя?..

Я прижал её к себе ещё сильнее, чувствуя, как у меня у самого — сурового, прошедшего через сотни смертей — на глазах предательски заблестели горячие слёзы. Смог бы я жить дальше, если бы она сейчас сбросилась на эти острые камни? Смог бы я дышать, зная, что не успел? Нет. Ни хрена. Не думаю. Я слишком глубоко погряз в ней. Чертовски сильно, неизлечимо погряз по самые уши в этой своей больной, безумной любви.

— Максим?.. — едва различимо прошептала она, испуганно оглядываясь по сторонам. Образ Олега в один миг бесследно растворились в темноте. Она только сейчас, приходя в себя, осознала, куда именно она только что шагала. — Максим...

Она резко развернулась в моих объятиях и в чистой пани-

ке, со слезами на глазах прижалась ко мне всем телом, вцепляясь в мою грязную куртку.

— Прости... Прости меня, Максим, пожалуйста, прости!

— заторила она, задыхаясь от плача. — Он... Олег сказал, что я могу туда пройти. Там была дорога, Максим! Я клянусь тебе, там была хрустальная, светящаяся дорога! Я видела её!

— Знаю, детка, знаю... — отозвался я, тяжело, загнанно дыша и изо всех сил пряча свои скупые мужские слёзы в её мокрых тёмных волосах. — Я всё знаю. Но там ничего нет, Ань. Понимаешь? Пустота. Этот твой мертвец просто ревнует. Он дико злится и хочет любой ценой забрать тебя у меня. Но зачем... зачем ты уходишь от меня туда? Зачем ты меня бросаешь одного в этой грязи?

Я перехватил её тонкую, дрожащую ладонь и с силой прижал её прямо к своей груди, туда, где бешено, как сумасшедший, колотился мой мотор. А другую её руку силой прижал к её собственным рёбрам.

— Посмотри на меня, Аня! Посмотри! Они оба быются! Слышишь этот стук? Мы живые, сука! Мы, блять, живые, детка! Здесь и сейчас! А он — нет! Он просто призрак из твоего страшного прошлого! Да, я знаю... знаю, что ты его безумно любишь, знаю, что те уроды в один день отобрали у вас всё, что у вас было. Это несправедливо, грязно, ублюдски! Но его больше нет, Аня! Его нет! А ты — есть! Ты живая! Ты столько чёртового времени боролась за свою жизнь там, на цепях в ангаре! Страдала, зубами цеплялась за каж-

дый вздох, пока он уже давно гнил в своей могиле! Мы дышим, посмотри на нас! Мы вместе живём эту чёртову, уродливую, гребаную жизнь! Но ты всё равно упрямо тащишь свою задницу вслед за ним на тот свет! Зачем?!

Я взял её за лицо своими грязными руками, заставляя смотреть мне прямо в глаза, в которых отражалось ночное небо.

— Просто отпусти его, Ань. Пожалуйста. Скажи ему, чтобы он оставил тебя в покое. Ты думаешь... ты реально думаешь, что я не смогу тебя любить так же сильно, как любил он? Ты ошибаешься, девочка моя. Я смогу сделать для тебя гораздо большее, ясно тебе? Я смогу защитить тебя от каждого ублюдка в этом городе, от каждой мрази, и если надо будет — заберу тебя обратно у самой смерти. Вырву зубами из любой петли. Просто останься со мной, Ань. Живи ради меня.

Она прижалась лбом к моему подбородку, сотрясаясь в беззвучных рыданиях, а я продолжал сидеть на самом краю крыши, закрывая её своим телом от ледяного ветра.

Я стоял в ванной перед большим зеркалом и резким движением ладони протёр пар со стекла, чтобы взглянуть на себя. До этого я около часа просидел неподвижной статуей у кровати, карауля её дыхание, пока она наконец-то не уснула глубоким, изнурительным сном. Я закрыл дверь комнаты на ключ изнутри, наглухо запер ебаное окно тоже на ключ, чтобы ни одна сука, ни один призрак не пролез к ней из темно-

ты, и только тогда ушёл в ванную. Смыл с себя всю грязь, засохшую чужую кровь и пот этого бесконечного рейда.

Теперь я смотрел на свою рожу. Глаза слегка покраснели, веки припухли, и эта внезапная, глухая слабость меня дико раздражала. Я никогда в жизни не ревел. Даже будучи совсем мелким пацаном в детдоме, когда меня избивали толпой в тёмных углах, я просто до сжимал зубы, пускал юшку из носа и терпел. Но сейчас... Сейчас я осознавал, что чуть не потерял целую жизнь. Свою жизнь.

Пока я нёс её с крыши, я чётко понял: я был готов воплотить в реальность абсолютно все её мечты, до единой. Был согласен даже на этого воображаемого ребёнка, про которого щебетала Ритка, лишь бы Аня была со мной. Лишь бы она улыбалась и чувствовала эту землю, а я чувствовал жизнь вместе с ней. Пока я несколько часов назад медленно убивал на лодочной станции того зека-ублюдка, я мысленно был не там. Я был с ней. Мне виделось, как мы идём по солнечному парку, смеёмся, а на моих широких плечах сидит маленькая дочка — в этом глупом, крошечном розовом платице, с чёрными хвостиками и россыпью веснушек на носу. Она была точной копией Ани, но её глаза... глаза были моими, льдисто-серыми. И эта картинка ударила мне по груди сильнее любого топора на зачистке. Я захлебнулся в этом мимолётном, призрачном счастье точно так же, как тот урод на полу захлебнулся собственной кровью. И я чуть в один её грёбаный шаг с крыши всё это к чертям не потерял.

Я хмуро выдохнул через нос, натянул чистые боксеры и вышел обратно в спальню. В дверь тихонько, робко постучали. Я повернул ключ, приоткрыл створку. На пороге, переминаясь с ноги на ногу, стояла Рита. Стоило ей увидеть моё измождённое, дикое лицо, как она, уверен, обо всём догадалась без лишних слов. Она знала, откуда я её снял.

— Я созвонилась со своим куратором из университета, — проговорила сестра, сильно замявшись и пряча глаза. — Она очень сильный специалист, я ей доверяю. Она согласилась поработать с Аней абсолютно бесплатно, чисто из научного интереса к такому тяжёлому случаю. Завтра утром я должна поехать с ней в наш психологический центр, а там на месте профессора уже скажут, что нам делать. Ей подпишут нормальные, сильные лекарства и официальное лечение. А после она начнёт проходить регулярные курсы психотерапии... И ещё, Макс.

Рита сделала глубокий вдох, её голос слегка задрожал:

— Фил сказал, завтра днём сюда приедет полиция. Свои люди из главка. Он уже сообщил по своим каналам, что девочка найдена. Ей нужно срочно вернуть документы и официально восстановить её в базах данных. А то она до сих пор считается без вести пропавшей, как призрак. Если ты так отчаянно пытаешься заставить Аню жить заново... сначала ей нужно вернуть её личность. Законным путём.

Рита судорожно поджимала губы и заламывала пальцы. Она прекрасно знала, как сильно меня бесит вся эта офи-

циальная бумажная волокита, и что из-за полиции сейчас начнётся лютый геморрой, допросы, протоколы и лишний стресс для Ани. Но, сука, сестра была права. На все сто процентов права. Если я действительно хочу, чтобы Аня жила в реальном мире, её нужно было вернуть туда официально. Со всеми правами, именем и фамилией.

— Спасибо, — глухо отозвался я сестре, протянул руку и ласково потрепал её по светлым волосам на макушке.

Малявка тут же привычно нахмурилась, смешно поправляя причёску, и я впервые за этот адский день слегка улыбнулся. Но эта улыбка получилась уродливой, измученной и тяжёлой. Сестра лишь молча, с глубокой нежностью чмокнула меня в небритую щеку, сунула мне в ладонь какую-то маленькую мягкую тряпку и быстро ушагала по коридору к Михе.

Я закрыл комнату обратно на ключ, повернулся спиной к двери и посмотрел в свою ладонь. На моей мозолистой, сбитой в кровь коже лежали два маленьких розовых носочка, у которых на пяточках были вышиты крошечные белые крылышки ангела.

Я лишь тихо, беззвучно улыбнулся. Бережно положил их на рабочий стол рядом с альбомом и розовым платтицем, прямо поверх разобранного пистолета.

Я проснулся очень рано от глухих звуков, доносившихся снизу, и какой-то невнятной приглушённой ругани. Этому дому явно были нужны стены потолка.

Аня уже не спала. Она лежала неподвижно, уставившись мёртвым взглядом куда-то прямо перед собой, в пустоту.

— Доброе утро, — негромко проговорил я, приподнимаясь на локте.

— Доброе, — едва различимым шёпотом отозвалась она, но даже не пошевелилась.

Я бережно притянул её к себе теснее, силой разворачивая в свои объятия, лицом к лицу. Она послушно, без сопротивления уткнулась носом мне в ключицу и тяжело выдохнула. Ничего не говорила, ни о чём не спрашивала. И я тоже молчал. Я просто не знал, с чего начать, и нужно ли вообще сейчас заводить этот тяжёлый разговор. Сегодня и так намечался на редкость дерьмовый день, и об этом нужно было как-то ей сообщить. Но как? Сказать: *«Приготовься, Ань, тебя сегодня будут допрашивать мусора и врачи, бесцеремонно швыряясь в твоей разорванной голове»?*

Я лишь молча поцеловал её в висок.

— Прости... — внезапно прошептала она мне в грудь. — Я не знаю, что сказать. Чувствую себя паршиво.

— Обещаю, однажды станет легче, — глухо проговорил я, крепче прижимая её к себе.

Но вот когда именно наступит это «однажды», я сказать не мог. И это неопределённое время бесило меня до судорог. Меня вообще в последнее время начало бесить само понятие времени. Оно упрямо связывало меня с её секундами, с этим мерным, раздражающим звуком паршивой стрелки.

Мне каждую минуту хотелось взять и со всей дури расширить эти настольные часы об стену, но я оставил их здесь исключительно ради неё. Я был уверен: когда они станут ей больше не нужны, она сама их расколотит. Потому что я видел, как Аня хмурится, когда маятник чеканит удары. Часы сбивали её собственный, внутренний отсчёт кошмара. Они путали её цифры — и именно так мной и было задумано.

Потому что это были мои часы. Мои секунды. Моё личное время. И только я один теперь решал, в какую именно секунду я поцелую её, в какую — скажу ласковое слово и в какую — дам ей наконец понять, что я целиком и полностью живу теперь только ради неё. Она этого ещё не понимала. Я фактически кричал об этом ей прямо в лицо, но она всё равно не слышала, оставаясь там, в своём выжженном мире. Ей было невыносимо тяжело, когда двое мужчин одновременно тянули её в разные стороны. И оба — в бездну. Только каждый в свою личную. Моя бездна тоже была непроглядно тёмной, кровавой и страшной, но она, сука, была живой. Я ради неё впервые в жизни захотел вырваться на свет, но вместо этого упрямо продолжал тонуть вместе с ней в этой тьме.

Но, блять, я любил её. Как же сильно я её любил. Если я скажу ей об этом прямо сейчас, она поверит? Почувствует?

Я ничего не произнёс. Просто бережно прикоснулся своими губами к её губам. Но Аня не ответила на поцелуй — её губы оставались неподвижными, холодными.

— Нужно вставать, — хмуро сказал я, отстраняясь.

Я резко сел на край кровати, упёрся локтями в колени и со всей силы запустил пальцы в волосы, сжимая их так сильно, чтобы в затылке отозвалось чистой физической болью. Я реально не знал, что мне делать. Не мог найти к ней путный подход. Я всегда думал, что у меня всё получится, что я смогу решить любую проблему силой и пулей, но здесь это не работало. Контроль утекал сквозь пальцы.

Позади меня зашуршало одеяло — Аня тоже молча встала с другой стороны кровати. Она тихо подошла к рабочему столу и замерла, заметив среди разобранного оружия те самые маленькие розовые носочки с ангельскими крылышками, которые ночью передала Рита. Аня долго рассматривала их, судорожно прикусив нижнюю губу. О чём-то напряжённо размышляла, думала, перебирая в пальцах мягкую ткань.

Но я снова ничего не спросил. Не хотел лезть к ней в душу. Она лишь медленно повернулась ко мне, вопросительно вскинув на меня свой немый, стеклянный взгляд: мол, откуда это здесь?

Я лишь равнодушно пожал плечами, поднимаясь на ноги. — Рита, — коротко бросил я и сразу скрылся за дверью ванной комнаты.

Мне до смерти хотелось побыть хотя бы несколько минут в абсолютном одиночестве, пока этот день окончательно не разнёс нас на куски.

Стоя под струями горячей воды, я до упора упёрся ладонями в скользкий кафель плитки, опустив голову вниз. За-

жмурился так сильно, что перед глазами пошли рваные фиолетовые пятна и волны. В голове и в мыслях царила полная, беспросветная темнота. Злость на собственное бессилие выжигала изнутри.

Вдруг — лёгкое, почти невесомое касание к моей мокрой спине.

Я крупно вздрогнул, резко обернулся и замер, перестав дышать. Аня стояла прямо передо мной, абсолютно без одежды. Её тёмные волосы уже успели мерно промокнуть под бьющим сверху водопадом воды и тяжёлыми прядями облепили худые плечи.

— Что ты, нахрен, делаешь, а? — глухо, сорванным голосом проговорил я, не в силах отвести от неё взгляда.

Но она снова молчала. Просто смотрела на меня снизу вверх — глаза в глаза. И её взгляд, вопреки всему, сейчас чётко, со стопроцентной осознанностью фокусировал моё лицо. Без тумана. Без остекленевшей пустоты. А в следующую секунду она просто робко подтянулась ко мне всем телом, обвивая мою шею тонкими руками, и сама поцеловала меня в губы, зарываясь ладошками в мои сырые волосы. Она прижалась ко мне — горячая, нежная, отчаянная.

— Ань... — прошептал я ей прямо в губы, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Это было выше моих сил. Мой хваленый контроль трещал по швам. — Я не смогу, Ань. Не смогу сдержаться, ясно тебе? Я очень давно не...

Она не дала мне договорить — снова впиалась в мои гу-

бы жадным, ломающим поцелуем, одновременно медленно опуская ладонь по моей мокрой груди, ниже к животу. Чёрт. Мой член тут же, в одну секунду бешено налился кровью, каменея до боли. Все мышцы тела судорожно сковало. Я едва успел перехватить её тонкие пальцы в районе лобка, оставливая.

— Ты ведь этого не хочешь, верно? — хрипло проговорил я, силой отстраняя её лицо от своего. — Лучше тебе уйти, Аня. Сейчас же. Я не хочу причинять тебе вред. Не хочу, чтобы ты потом очнулась и думала, что я такой же ублюдок, как все остальные в твоей жизни. Я не собираюсь пользоваться твоей невменяемостью и слабостью. Поняла?

— Просто заткнись, — пугающе чётко, осознанно прошептала она.

Аня снова упрямо подалась вперёд, силой вырывая свою руку из моего захвата, и без колебаний завершила то действие, которое начала. Я утробно, по-животному рыкнул ей прямо в губы, когда её пальцы уверенно сжали мою плоть. Мой член до упора упёрся ей в плоский живот, и она настойчиво, сводя меня с ума, повела рукой.

— Дьявол... — прошипел я, теряя последнюю связь с реальностью.

Я подхватил её хрупкое тело на руки, мёртвой хваткой вцепляясь пальцами в её бёдра, и с силой вжал её ягодицами в мокрый, горячий кафель стены. Она испуганно охнула от неожиданности, а я мгновенно углубил поцелуй — ди-

кий, необузданный, сумасшедший и такой манящий. Я всё это чёртово время, каждую грёбаную секунду невыносимо, до скрежета зубов хотел её.

Ни одной секунды больше на размышления. Ни одной минуты на отказ. Я просто одним мощным, плавным движением до самого основания вошёл в неё, слегка опуская её тело на себя. Аня тут же шумно, томно вздохнула и рефлекторно прикрыла глаза.

— Даже не смей! Смотри на меня! — яростно прорычал я ей в лицо, начиная двигаться внутри неё с такой жадностью и скоростью, словно у меня сейчас её навсегда отберут. — Только я! Только мы вдвоём! Ты должна видеть только меня сейчас, детка! Только меня!

Она послушно распахнула глаза, преданно уставившись в моё лицо, и сильно закусила нижнюю губу, сдерживая рвущиеся звуки. Я покрывал её лицо лихорадочными поцелуями, бережно целовывал горячие слёзы, которые от избытка чувств и боли начали толчками выходить из её глаз. Но я не собирался останавливаться. Только не сейчас.

От удовольствия она снова томно вздыхала и пыталась замуриться, улетая в свои мысли, но я упрямо звал её по имени, заставляя возвращаться ко мне, и она послушно слушалась. Аня держалась за мои плечи крепко и свой первый, громкий, сорванный стон она подарила мне, обессиленно откинув голову назад, на плитку.

Это была моя личная музыка. Моя магия и моя новая

жизнь.

В этот момент я не думал вообще ни о чём, кроме неё, кроме того дикого тепла, что мы ощущали на двоих. Мне не нужно было много времени — я слишком долго ждал этого дня. На пике необузданного, рваного ритма я с коротким рыком кончил глубоко в неё, взрываясь до самого конца, до последней капли.

Аня лишь судорожно вздернулась в моих руках несколько раз, широко и удивлённо распахнув свои зелёно-карие глаза, а я, тяжело дыша, криво и счастливо улыбнулся ей в ответ. Я прекрасно понимал, что её так сильно удивило. Мы кончили одновременно, секунда в секунду, и это было чертовски прекрасно.

Я нежно поцеловал её в мокрую ключицу, позволяя её ногам коснуться пола, и ещё на пару секунд крепко, бережно прижал её к своей груди, укрывая от струй воды. Она снова мгновенно смутилась, пряча лицо, но её сердце под моими пальцами теперь билось в одном ритме с моим.

глава 19

Аня

Я сидела, уставившись на чёрно-белые глянцевые снимки, разложенные передо мной на журнальном столике, и монотонно, как заведённая, повторяла себе одну и ту же мысль: хорошо, что я утром так и не смогла ничего съесть. Наверное, это меня и спасло. Всё, что мне сейчас упрямо показывали эти люди, я уже видела. Все эти мёртвые лица истерзанных зеков из лодочной станции — эта страшная багровая картинка, эта уродливая ментальная сетка навсегда засела в моей голове. Но видеть их снова, уже здесь, при ярком дневном свете, когда на фотографиях их тела выглядели совсем бледными, синюшными и ненастоящими, было невыносимо.

Я не шевелилась. Просто смотрела в одну точку. Максим сидел на диване рядом со мной. Он мёртвой хваткой держал мою ледяную ладонь в своей руке, и в гробовой тишине комнаты я отчётливо слышала, как бешено колотится его сердце и как с диким, глухим скрежетом скрипят его челюсти.

— То есть, гражданка Николаева, вы по-прежнему утверждаете, что их было трое? — мужчина в синей форме следователя, наверное, уже раз в десятый повторил мне один и тот же вопрос, лениво занося шариковую ручку над официальным бланком протокола.

— Да ты, сука, издеваешься над ней, что ли?! — не стер-

пел Максим, резко подаваясь вперёд. Его льдистые глаза опасно потемнели. — Она тебе уже, блять, десять раз ответила. Ты что, тупой, мусор?! Её слова с первого раза до твоей башки не доходят?

— Полегче, гражданин Рогов, — сухо отозвался сотрудник полиции, даже не поведя бровью. — Я действую строго согласно инструкции. Так как ваша девушка уже трижды ответила неверно, путаясь в собственных первоначальных показаниях...

Паника душевной волной снова стала накатывать со спины, сжимая лёгкие в сухую губку. Я изо всей силы прикусила нижнюю губу изнутри — видимо, до крови, потому что во рту мгновенно разлился солоноватый, металлический вкус. Дыхание участилось, стало рваным, а перед глазами, как на старой плёнке кинопроектора, со стопроцентной чёткостью вспыхнул тот проклятый день. Я судорожно пыталась проморгаться, стереть эти картинки, убрать этот бред из головы, но оно словно прямо сейчас происходило со мной наяву. Эти мерзкие, липкие касания чужих рук, удушливое зловоние из их ртов и пелена безумия в их расширенных зрачках. Они жадно, с гоготом заламывали меня на диване в гостиной... пока в паре метров от нас Олега монотонно и хладнокровно убивали железом.

— В целом... их было двенадцать, — хрипло, сорванным шелестом проговорила я.

Максим рядом со мной мгновенно замер, прекратив ды-

шать. Рука следователя зависла в воздухе. Я просто... я словно прямо сейчас, в эту секунду стояла там и заново их считала.

— В доме на даче было пятеро, — глухо продолжила я, уставившись в пол. — Трое меня насильовали. Двое в это время убивали моего жениха. В это же время на улице тоже были люди... они убивали моих родителей на лужайке. Кто убивал конкретно — я не знаю, не видела, но вытаскивали меня из дома в машину уже совершенно другие ублюдки. Седьмой... седьмой колол мне первый укол в предплечье, чтобы я не брыкалась. Восьмой и девятый насильовали меня прямо в салоне машины, пока мы ехали. Из машины в руки меня передали десятый и одиннадцатый. Они уже издевались надо мной в подвале ангара. А двенадцатый... — я тяжело, с болью проглотила вставший в горле ком. — Они сами его убили. Застрелили, когда тот дурак попытался меня отпустить. Он был совсем молодой, пацан, ему всего-то семнадцать лет было... Они звали его Шприц. Я на коленях умоляла его сжалиться, и он... он реально хотел меня отпустить.

— Ты же говорила, что их было трое! — Максим резко дёрнул меня за руку, заставляя повернуться к нему, но я уже не отвечала ему, упрямо пряча глаза.

Для меня тогда, на веранде, трое — это уже было слишком много. Как я должна была сказать ему, что их там, целая армия была? Двенадцать тварей.

— Я хотела отомстить только троим, Максим, — всё же

тихо отозвалась я, но посмотреть на него так и не решилась — я слишком хорошо знала, какую дикую, раздирающую ярость и боль я увижу сейчас в его глазах. — Тем троим, кто непосредственно убил мою семью. А не тем... не тем, кто просто издевался надо мной на протяжении того времени.

— То есть... официально двенадцать? — проговорил сотрудник полиции, быстро записывая цифры в бланк.

— Считайте, что одиннадцать, — спокойно, абсолютно мертвенным голосом отрезала я.

И в эту секунду новая, мощная волна дикого желания содохнуть прямо здесь привычно подкралась ко мне со спины. Олег снова появился в своём любимом углу, у книжного шкафа. Чистый, не окровавленный. Я медленно повернула к нему голову.

— Зачем ты им всё это рассказываешь, ласточка? — тихо, с упрёком проговорил он, качая головой.

— Они же просят... — беззвучно, одними губами отозвалась я своему призраку.

— Они не будут их искать, милая, неужели ты до сих пор не поняла? — Олег печально улыбнулся. — Мои руки трясутся, когда я смотрю на них. Эти менты просто поставят галочку в своём вонючем отчёте, и всё. Попросту опозорят тебя на весь мир. Выпустят грязную новость в сети, пустят слух, и на этом всё закончится. Получат свои новые звёздочки на погоны за попытку помочь, а дело тихо закроют за неимением улик.

— Ты не прав... — я слабо покачала головой, опуская лицо. — Ты не прав, Олег. Сегодня ты точно... точно не прав.

— Какой Олег? — тут же настороженно спросил следователь, и я испуганно вздрогнула, возвращаясь в реальность.

Я совсем забыла, что этот чужой человек в форме сидит прямо передо мной и во все глаза наблюдает за моим безумием.

— Мой жених, — спокойно, леденящим тоном проговорила я, глядя ему прямо в зрачки. — Он категорически против, чтобы я вам что-то рассказывала. Говорит, вы всё равно ни хрена не поможете. Получите свои награды за этот сраный, выматывающий допрос и уйдёте — это всё, что вы умеете делать в этой жизни, и он в этом абсолютно уверен. И знаете что? — я тут же резко встала с дивана, с силой вырывая свою ладонь из мёртвой хватки Максима. — Я ему верю. Верю своему мертвецу! Вы только опозорите меня на всю страну! Выставите на посмешище, сделаете из меня жалкую жертву, которую терзали двенадцать ублюдков!

Я сделала шаг вперёд, чувствуя, как внутри срывает последнюю резьбу:

— Хотите знать точную, сука, цифру тех тварей, что прикасались к моему телу?! Восемнадцать! Как вам такая цифра, а, господин следователь?! Восемнадцать грёбанных уродов разных возрастов — от двадцати трёх до пятидесяти лет! Обдолбанные, обнюханные, вонючие и грязные твари! Хотите, я вам во всех деталях сейчас расскажу, что именно они

со мной делали в том подвале?! Терзали до беспамятства, до полусмерти вкалывали наркоту, а когда я отключалась — снова и снова трахали! В определённое время, сука, как по долбаному, строгому графику!

Я окончательно разревелась, слёзы градом хлынули из глаз. Максим мгновенно подорвался с дивана, вытягивая руки, чтобы обнять меня и прижать к себе, но я со всей дури, дико оттолкнула его в грудь так, что он от неожиданности обратно осел на кожаные подушки. Я выскочила в самый центр гостиной. Вокруг стояла гробовая тишина. Я видела, что вся охрана Фила, Миха и даже женщина в строгих очках, которая сидела в углу, замерли. Психолог. Так мне представила её Рита перед допросом. Эта женщина сейчас просто открыла рот от ужаса, глядя на меня.

— Мне не нужна ваша помощь, ясно вам всем?! — истошно закричала я, срывая голос. — Мне не нужна ваша сраная, фальшивая справедливость! Что вы сделаете, а?! Найдёте их и посадите в тёплую камеру на пару лет?! И что потом?!

Я коршуном нависла над съёжившимся за столом следователем, так что тот невольно вздрогнул. Наверное, в этот момент я выглядела как законченная, опасная безумие с диким взглядом.

— Вы потом их выпустите по условно-досрочному, и они снова найдут себе новую беззащитную жертву! Мне не нужно ваше правосудие! Моё единственное желание — это собственноручно выпустить им всем кишки, до единого, а по-

том со спокойной душой сдохнуть самой, ясно вам?! Потому что я не хочу больше ни одной секунды в своей жизни вспоминать это дерьмо! Ни их рожи, ни их силуэты, ни их чёртовы члены перед моим лицом! Это мерзко! Вас... вас когда-нибудь трахали сразу три человека одновременно?! А пять?! Сомневаюсь, что вас в этой жизни вообще хоть кто-то трахал! — прикрикнула я прямо в бледное лицо полицейского.

А

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.